

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

2 (26) / 2024

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права

№ 2 (26) ISSN 2713-2811
Вологда 2024

Издается с июня 2018 года
Выходит 4 раза в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
В. Н. Некрасов

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по трем научным специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Дата выхода в свет: 28.06.2024

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2024

© ВоГУ, 2024

VILE of the FPS of Russia
Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Online scientific and practical
journal of private and public law

№ 2 (26) ISSN 2713-2811
Vologda 2024

Published since June 2018

Published four times a year

Founders:

VILE of the FPS of Russia (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia),

VoSU (Vologda State University)

Editor-in-Chief:

Vasilii N. Nekrasov

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.

The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Date of publication: June 28, 2024

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration Number EI No. FS77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VILE of the FPS of Russia, 2024

© VoSU, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Некрасов В. Н. – врио начальника ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук (главный редактор);

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Воронина Н. П. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Городов О. А. – профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мионов А. В. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Самович Ю. В. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Санташов А. Л. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Углицких Д. В. – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Уторова Т. Н. – директор Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;

Фархутдинов И. З. – ведущий сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL

Vasilii N. Nekrasov – Acting Head of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law) (Editor-in-Chief);

Pavel V. Golodov – Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, (Deputy Editor-in-Chief);

Ol'ga Yu. Krukova – Senior Researcher of the Sub-branch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law) (Executive Secretary);

Aleksei V. Barkov – professor at the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Natal'ya P. Voronina – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Boris Ya. Gavrilov – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Oleg A. Gorodov – professor at the Commercial Law Department of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Ivan V. Dvoryanskov – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Aleksandr S. Dugenets – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal “Administrative Law and Process”, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Valentina I. Zubkova – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Vladimir A. Kvashnin – professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Ivan Ya. Kozachenko – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana A. Koren' – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Lev L. Kruglikov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Psychology of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena V. Kuznetsova – associate professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elena B. Kurguzkina – professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law);

Oleg S. Kuchin – professor at the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Gorazd Meshko – professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Aleksei V. Mironov – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Yurii V. Mishalchenko – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. In Economics, Professor;

Roman V. Nagornyykh – professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Natal'ya V. Panteleeva – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Vladimir A. Ponikarov – professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Marina M. Popovich – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Roman A. Romashov – professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Yuliya V. Samovich – professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Andrei L. Santashov – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Vyacheslav I. Seliverstov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Vyacheslav P. Silkin – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Sergei A. Starostin – professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Professor;

Dmitrii V. Uglitskikh – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law);

Tatyana N. Utorova – Director of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Candidate of Sciences (Law);

Insur Z. Farkhutdinov – Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law) (by agreement);

Dulat S. Chukmaitov – professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor;

Vyacheslav B. Shabanov – Head of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Aleksandr S. Shatalov – professor at the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Sciences (Law), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	9
БЕЛОВА Н. А. Институт каторги (ссылки в каторжные работы) в отечественном законодательстве XX века	15
ЛАПШИН В. Е., СВИНИН Е. В. Правопорядок в свете вопросов национальной безопасности	27
КИРИЛОВСКИЙ О. В. Правовые и организационные аспекты возмещения вреда условно осужденными и периодичности принятия мер принуждения к ним	33
КОРЕПИНА А. В. Ветеринарно-санитарная экспертиза на объектах уголовно-исполнительной системы	40
НАГОРНЫХ Р. В. Принцип патриотизма как метапарадигма современного российского административного конституционализма	47
РУБЦОВ Д. И., ВИНОГРАДОВА М. О. Охрана материнства и детства в местах принудительного содержания: актуальные вопросы правового регулирования	54
ФАДЕЕВА Е. С., ФЕРСТЕР М. Д. Публичная администрация как субъект административного права	64
АВДЕЕВА Е. В. Квалификация умышленного неисполнения кредитного договора	70
ВОЛКОВ Д. Ю., КРЕМЛЕВ М. В. Изучение личности при подготовке к допросу подозреваемого из числа осужденных к лишению свободы, совершившего мошеннические действия с использованием средств сотовой связи	81
ЗВОРЫКИН В. В. Преступление в сфере предпринимательской деятельности: понятие и виды.	87
КОЗАЕВ Н. Ш., РЯСОВ Д. А. Противодействие реабилитации нацизма и формированию фашистской идеологии: уроки истории и современные реалии	94
КРУТИКОВ И. Л. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности: вопросы юридической техники	102
КРЮКОВА О. Ю., ФЕДОРОВА А. В. Противодействие манипулированию общественным сознанием и распространению фейковой информации в сети Интернет	113
НАРЫШКИНА Н. И., ПИСАРЕВ О. М. К вопросу о совершенствовании служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по нейтрализации негативного влияния уголовного жаргона и его использования в исправительных учреждениях	123
ОКШИН М. С. Групповые неповиновения в местах лишения свободы и ответственность за их организацию в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве.	133
ОСТАПЕНКО В. Н. Аспекты подготовительного этапа допроса осужденных, совершивших мошенничество с территории исправительных учреждений	138
ПЕНЬКОВ Е. И. Некоторые вопросы применения специальных знаний на стадии возбуждения уголовных дел о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы	145
ПРОСТЯКОВА Д. П. Неправомерный оборот средств платежей как объект критического уголовно-правового исследования.	152
РУМЯНЦЕВ Н. В. Организационно-правовое противодействие идеологии терроризма службами и подразделениями УИС на современном этапе	158
САРКИСЯН Л. А. К вопросу об изменении вида исправительного учреждения в отношении осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима	164
СОКОЛОВА О. А. Значение методов прикладной психологии для раскрытия и расследования преступлений	173
ФЕДОРОВ Ю. В. Генезис криминализации деяний, связанных с ограничением конкуренции	181
ШИРИКОВ В. В. Совершенствование средств воспитательного воздействия на осужденных к принудительным работам	189
КОНДРАТОВСКАЯ С. Н., ВЛАСОВА М. В. Проблемы исполнения судебного акта в сфере защиты деловой репутации юридических лиц	194
ДОВБУШ Т. Н., МИШАЛЬЧЕНКО М. Ю., СОЛОДОВНИКОВ А. А., ТИХОНОВ Я. И. Международные правовые и экономические аспекты обеспечения железнодорожных транспортных перевозок	201

CONTENT

EDITORIAL	9
BELOVA N. A. Institution of Penal Servitude (Hard Labor) in the Domestic Legislation of the 20th Century	15
LAPSHIN V.E., SVININ E.V. Law and Order in the Light of National Security Issues	27
KIRILOVSKYII O.V. Legal and Organizational Aspects of Harm Compensation by Conditionally Convicted Persons and the Frequency of Taking Coercive Measures against Them	33
KOREPINA A.V. Veterinary and Sanitary Examination at Penitentiary Facilities	40
NAGORNYKH R.V. Patriotism Principle as a Meta-Paradigm of Modern Russian Administrative Constitutionalism	47
RUBTSOV D.I., VINOGRADOVA M.O. Protection of Motherhood and Childhood in Places of Forced Detention: Topical Issues of Legal Regulation	54
FADEEVA E.S., FERSTER M.D. Public Administration as a Subject of Administrative Law	64
AVDEEVA E.V. Qualification of Intentional Non-Fulfillment of a Loan Agreement	70
VOLKOV D.Yu., KREMLEV M.V. Studying the Personality for Preparing Interrogation a Suspect from among Those Sentenced to Imprisonment Who Committed Phone Fraud	81
ZVORYKIN V.V. Crime in the Field of Entrepreneurial Activity: Concept and Types	87
KOZAEV N.Sh., RYASOV D.A. Countering Nazism Rehabilitation and Fascist Ideology Formation: History Lessons and Modern Realities	94
KRUTIKOV I.L. Falsification of Evidence and Results of Law Enforcement Intelligence Operations: Legal Technique Issues	102
KRYUKOVA O.Yu., FEDOROVA A.V. Countering Manipulation of Public Consciousness and Dissemination of Fake Information on the Internet	113
NARYSHKINA N.I., PISAREV O.M. On the Issue of Improving the Performance of Employees of the Penitentiary System of the Russian Federation to Neutralize the Negative Impact of Criminal Jargon and Its Use in Correctional Institutions	123
OKSHIN M.S. Group Disobedience in Places of Detention and Liability for Their Organization in Penal and Criminal Legislation	133
OSTAPENKO V.N. Aspects of the Interrogation Preparatory Stage of Convicts Who have Committed Fraud from the Territory of Correctional Institutions	138
PEN'KOV E.I. Some Issues of Applying Special Knowledge at the Stage of Initiation of Criminal Cases on Official Offenses Committed during Construction of Penitentiary Facilities	145
PROSTYAKOVA D.P. Illegal Turnover of Payment Funds as an Object of Critical Criminal Law Research	152
RUMYANTSEV N.V. Organizational and Legal Counteraction to the Terrorism Ideology by Services and Units of the Penal System at the Present Stage	158
SARKISYAN L.A. On the Issue of Changing the Type of Correctional Institution in Relation to Convicts Serving Sentences in a High-Security Correctional Facility	164
SOKOLOVA O. A. Importance of Applied Psychology Methods for the Detection and Investigation of Crimes	173
FEDOROV Yu.V. Genesis of Criminalization of Acts Related to the Restriction of Competition	181
SHIRIKOV V.V. Improving Means of Educational Influence on Those Sentenced to Forced Labor	189
KONDRATOVSKAYA S.N., VLASOVA M.V. Problems of Executing a Judicial Act in the Field of Protecting Business Reputation of Legal Entities	194
DOVBUSH T.N., MISHAL'CHENKO M.Yu., SOLODOVNIKOV A.A., TIKHONOV Ya.I. International Legal and Economic Aspects of Railway Transportation	201

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается второй в 2024 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «*ius publicum et privatum*».

Миссией журнала является создание площадки для обсуждения актуальных вопросов, касающихся современного состояния российского законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования нормотворческого процесса, анализа теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, зарубежного законодательства.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теоретико-исторические правовые науки»**. Статья кандидата исторических наук, доцента Н. А. Беловой посвящена вопросам правовой регламентации института каторги (ссылки в каторжные работы) в России на протяжении XIX столетия. Анализируются нормативные правовые акты, регулировавшие назначение и исполнение данной карательной меры в рассматриваемых хронологических рамках. Отражена трансформация наказания в виде каторги в отечественном законодательстве разных эпох: дореволюционной, периода Временного правительства и советской. Показано, что каторга, вторая по степени тяжести после смертной казни уголовная санкция, сохраняла историческую преемственность и применялась в целях возмездия и устрашения.

В исследовании доктора педагогических наук, кандидата юридических наук, доцента В. Е. Лапшина и кандидата юридических наук, доцента Е. В. Свирина обращается внимание на догматизм и ограниченность восприятия правопорядка как результата реализации законности. Широкая трактовка правового порядка предполагает обращение к интегративной характеристике правового регулирования в целом. В этой связи обеспечение национальной безопасности имеет важное методологическое значение для понимания существенных сторон правового порядка. Анализируется двусторонний характер взаимодействия национальной безопасности и правопорядка.

Специальность **«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»** представлена пятью статьями. Открывает рубрику исследование кандидата юридиче-

ских наук О. В. Кирилловского, в котором рассмотрены и проанализированы правовые и организационные аспекты возмещения вреда условно осужденными. Раскрыты последовательность применения мер принуждения и периодичность вынесения предупреждений в случаях неисполнения осужденными данной обязанности, выявлены правовые пробелы в части урегулирования периодичности вынесения предупреждений, предложены меры по их устранению. Также исследованы организационные основы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и территориальных подразделений ФССП России по реализации совместных усилий по возмещению вреда условно осужденными и предложены меры по урегулированию отдельных проблемных вопросов.

Следующая статья подготовлена кандидатом юридических наук, доцентом А. В. Корепиной. В условиях проводимой в отношении Российской Федерации санкционной политики вопросы качества продукции приобретают особое значение. Обеспечение продовольственной безопасности, от которой зависит здоровье нации, выступает важной стратегической задачей социально-экономического развития общества. Одним из инструментов, направленных на защиту жизни и здоровья служащих уголовно-исполнительной системы, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в ее учреждениях, а также иных лиц, находящихся на их территориях, является ветеринарно-санитарная экспертиза. В статье представлено научное обоснование правовой природы ветеринарно-санитарной экспертизы, ее места в системе государственного управления, а также значения в обеспечении продовольственной безопасности на объектах уголовно-исполнительной системы.

Доктор юридических наук, доцент Р. В. Нагорных обосновывает выводы о том, что патриотизм как метапарадигма русской конституционной государственности направлен на сохранение баланса интересов личности, общества и государства на основе традиционных правовых ценностей и культуры российского общества. В этой связи спектр целей развития российского государства должен быть определен политическими решениями и подкреплен официально закрепленной в Конституции Российской Федерации идеологией Русского мира (Русской цивилизации), в которой основное место должно быть уделено реализации метапарадигмы русского государственного патриотизма как мировоззренческой основы государственного конституционного строя нашей страны.

Авторы следующей статьи Д. И. Рубцов и М. О. Виноградова проанализировали специфику обеспечения конституционного принципа охраны материнства и детства в условиях деятельности уголовно-исполнительной системы России, выявили особенности современной нормативно-правовой базы, регламентирующей соответствующие отношения, обозначили существующие проблемы в данной сфере, также сформулировали некоторые предложения по их минимизации.

Завершает рубрику статья кандидата юридических наук Е. С. Фадеевой и М. Д. Фефтер, в которой раскрываются особенности публичной администрации как ключевого субъекта административного права. Проведен анализ существующих в науке понятий публичной администрации. Рассмотрена структура публичной администрации на основе критерия автономии ее элементов, выявлены особенности централизованных и децентрализованных элементов. Сделан вывод, что публичная администрация, имея нетрадиционную внутреннюю структуру, на постоянной основе выполняет исполнительно-распорядительные, контрольно-надзорные, специальные правоохранитель-

ные, ограниченные нормотворческие и квазисудебные функции, оказывает публичные услуги, управляет публичным имуществом.

В рамках специальности **«Уголовно-правовые науки»** размещены шестнадцать статей. Открывает раздел статья кандидата юридических наук Е. В. Авдеевой, в которой анализируются квалификационные, организационные и процессуальные аспекты умышленного неисполнения кредитного договора. Обращается внимание на особенности его уголовно-правовой характеристики и проблемы отграничения от смежных общественно опасных деяний в контексте обеспечения защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Отмечены правовые коллизии в действующем законодательстве и их влияние на правоприменительную практику, также предложены пути совершенствования законодательства.

Следующая статья кандидата юридических наук Д. Ю. Волкова и М. В. Кремлева посвящена анализу одного из существенных элементов подготовки к допросу подозреваемого – изучению личности допрашиваемого. Минимально необходимый перечень характеризующей информации закреплен на уровне уголовно-процессуального законодательства и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, но следователь не должен ограничиваться исключительно указанным объемом. При изучении личности пенитенциарного преступника следователь должен избегать шаблонной схемы сбора информации, обязательным условием должно являться установление социальных связей осужденного, так как именно родственники и знакомые, как правило, осуществляют доставку средств сотовой связи на территорию исправительного учреждения.

В статье В. В. Зворыкина рассматриваются понятие и виды преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Несмотря на разработанность данной темы в юридической литературе, она является одной из спорных и противоречивых. Автор приходит к выводу, что преступления в сфере предпринимательской деятельности являются составной частью группы преступлений в сфере экономической деятельности. Для них характерен свой субъект – физическое и юридическое лицо, осуществляющее законную предпринимательскую деятельность или участвующее в ней.

Исследование доктора юридических наук, доцента Н. Ш. Козаева и кандидата юридических наук, доцента Д. А. Рясова посвящено рассмотрению ключевых аспектов Стратегии национальной безопасности России в контексте противодействия реабилитации нацизма и формирования фашистской идеологии. Предпринят анализ исторических факторов, обусловивших возникновение фашистской идеологии, а также основных мер по противодействию современным формам неонацизма. Сформулированы важные направления криминологического противодействия реабилитации нацизма и формированию нацистской идеологии.

Продолжает рубрику статья И. Л. Крутикова, в которой рассматриваются проблемы отсутствия законодательно закрепленной дефиниции понятия фальсификации доказательств в контексте ст. 303 УК РФ. Анализируются научные точки зрения, иностранное уголовное законодательство, судебная практика применения норм о фальсификации доказательств. Обосновывается решение обозначенной проблемы путем применения правоинтерпретационной техники (техники толкования).

Исследование кандидата юридических наук О. Ю. Крюковой и А. В. Федоровой посвящено изучению особенностей противодействия манипулированию общественным сознанием и распространению недостоверных сведений в сети Интернет на примере отечественного опыта. Анализируются такие понятия, как «манипуляция» и «фейковая

информация». Исследуются вопросы правового регулирования в сфере противодействия манипулированию общественным сознанием в Российской Федерации. Рассматривается проблема распространения недостоверной информации в современной России, определяются основные направления государственной политики в рамках ее преодоления.

Раздел продолжает исследование кандидата юридических наук, доцента Н. И. Нарышкиной и кандидата психологических наук, доцента О. М. Писарева, в котором рассматривается проблема специфической роли уголовного жаргона как коммуникативного элемента тюремной субкультуры, актуализирующая его всестороннее изучение в рамках предупредительно-профилактической работы с осужденными. Акцентируется внимание на культурологических, социально-психологических и правовых механизмах его функционирования в местах лишения свободы. Рассматриваются вопросы совершенствования служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по нейтрализации негативного влияния уголовного жаргона и его использования в исправительных учреждениях.

Статья М. С. Окшина посвящена анализу проблемы отсутствия в законодательстве уголовной ответственности за организацию групповых неповиновений в местах лишения свободы, подчеркивается их общественная опасность и обосновывается целесообразность криминализации рассматриваемого деяния. Автор указывает на необходимость привлечения к ответственности лиц, осуществляющих склонение или иное вовлечение лица в совершение групповых неповиновений.

Продолжает рубрику статья В. Н. Остапенко, в которой на основании анализа результатов материалов уголовных дел, анкетирования сотрудников органов предварительного расследования и криминалистических исследований рассмотрены и выделены наиболее проблемные аспекты подготовительного этапа допроса осужденных, совершивших мошенничество. Изучены возможности использования отдельных подготовительных средств допроса осужденных, направленных на установление плохо выявляемых обстоятельств совершенного мошенничества. Сформулированы особенности их применения, приведены примеры осуществления в конкретных следственных ситуациях и даны общие рекомендации по повышению эффективности допроса при расследовании мошенничеств.

Исследование Е. И. Пенькова посвящено анализу вопросов применения специальных знаний на стадии возбуждения уголовных дел о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы. В частности, осуществлен анализ законодательного регулирования экспертных исследований, проводимых на стадии проверки сообщения о преступлении, судебно-следственной практики и обозначены проблемные вопросы, касающиеся применения специальных знаний на стадии возбуждения уголовных дел о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы, сформулированы предложения по корректировке обозначенных проблем.

Д. П. Простякова рассматривает проблему квалификации неправомерного оборота средств платежей, предусмотренного ст. 187 УК РФ. Данные из официальных источников подтверждают существование указанного общественно опасного деяния и демонстрирует многообразие способов его совершения. Проведен разбор элементов состава преступления, которые являются сложными для правильной квалификации преступного посягательства, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

В следующей статье доктора юридических наук, доцента Н. В. Румянцева раскрываются задачи, стоящие перед подразделениями уголовно-исполнительной системы по противодействию идеологии терроризма в свете требований Комплексного плана на 2024–2028 гг. Анализируются отдельные аспекты организационно-правовых норм обеспечения безопасности органов и учреждений УИС в вопросах противодействия идеологии террористической угрозы, а также деятельность служб пенитенциарной системы по противодействию идеологии террористической направленности по итогам 2019–2023 гг.

Статья Л. А. Саркисяна посвящена исследованию проблемы изменения вида исправительного учреждения в отношении осужденных за особо тяжкие преступления, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима. В статье проведен анализ изменений в УИС РФ, а также предлагаются пути совершенствования уже существующих норм в этой области для обеспечения эффективного исправления и ресоциализации осужденных. Анализируются проблемы применения норм, регулирующих перевод из исправительной колонии строгого режима в колонию-поселение. Также приведены статистические данные ФСИН России для анализа применения института изменения вида исправительного учреждения.

В статье доктора юридических наук, доцента О. А. Соколовой показано значение методов прикладной психологии для раскрытия и расследования преступлений. Отмечено, что на современном этапе развития психологические знания являются наиболее востребованными как в теоретическом курсе традиционной криминалистики, где предлагается новое направление – криминалистическая диагностика лжи, так и в правоприменительной деятельности. Проведенный анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной исследованиям в области прикладной психологии, свидетельствует, что когнитивное интервью – самая значимая разработка в судебной психологии за последние двадцать лет.

В исследовании Ю. В. Федорова проведен ретроспективный анализ законодательства, устанавливающего ответственность за совершение действий, направленных на ограничение конкуренции. В нормативных актах XIII–XVI вв. запреты монополий были ориентированы на противодействие искусственному удержанию торговцами по взаимной договоренности завышенных цен на отдельные виды продовольственных товаров. Социальная недооценка степени опасности действий, связанных с ограничением конкуренций, определяла казуичность нормативных предписаний, порицающих спекуляцию. Впервые установив уголовную ответственность за действия, направленные на недопущение, ограничение или устранение конкуренции, в 1996 г., законодатель, снижая репрессивность запрета, неоднократно редактировал положения ст. 178 УК РФ, сдерживая ее практическую реализацию.

Завершает рубрику статья В. В. Ширикова, в которой рассматривается применение поощрительных средств и мер взысканий в отношении осужденных к наказанию в виде принудительных работ. Анализируются методы и инструменты воспитательного воздействия, используемые в исправительных учреждениях. Особое внимание уделяется вопросам поощрения и взыскания, регламентированным в законодательстве. Акцентируется внимание на важности воспитательного воздействия на осужденных как средстве их реабилитации и предотвращения рецидива преступлений. Проанализированы нормы ст. 60.13–60.16 УИК РФ, обнаружены противоречия, требующие пересмотра некоторых формулировок.

Специальность **«Частно-правовые (цивилистические) науки»** представлена статьей кандидата юридических наук, доцента С. Н. Кондратовской и М. В. Власовой, в которой рассматриваются проблемы исполнения судебного акта в сфере защиты деловой репутации, анализируются положения действующего законодательства и сложившаяся судебная практика. Наблюдается тенденция невозможности установления субъекта распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица. В законодательстве Российской Федерации отсутствуют правовые нормы, регулирующие порядок направления судебного акта непосредственно в Роскомнадзор, а не в Федеральную службу судебных приставов. В этой связи истец ложно предполагает, что, получив судебный акт, он автоматически будет являться регулятором удаления недостоверных сведений в средствах массовой информации.

Завершает выпуск публикация по специальности **«Международно-правовые науки»**. В статье кандидата юридических наук Т. Н. Довбуша, М. Ю. Мишальченко, А. А. Солодовникова, кандидата юридических наук, доцента Я. И. Тихонова проведен анализ нормативно-правовых актов и заключаемых на их основе договоров в сфере железнодорожного транспорта, даны рекомендации по корректировке их отдельных положений, которые должны повысить доступность перевозок и упростить оформление грузов на трансграничных маршрутах. Отмечается, что в настоящее время идет согласование проекта нового международного правового акта, позволяющего реализовать товарораспорядительные функции в отношении железнодорожных транспортных накладных, что позволит наиболее эффективно использовать железнодорожные маршруты для трансграничных перевозок различных грузов.

Мы приглашаем активных читателей и авторов издания обмениваться научными идеями на страницах нашего издания. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске журнала, способствуют пополнению и обновлению научной базы исследователей по разным правовым вопросам и подвигнут наших читателей к активизации новых исследований.

Желаем интересных научных статей, дискуссий и творческих успехов в работе.

С уважением,
главный редактор
доктор юридических наук

Некрасов Василий Николаевич

Научная статья

УДК 343.81

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.001

Институт каторги (ссылки в каторжные работы) в отечественном законодательстве XX века

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА БЕЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Аннотация. Статья посвящена вопросам правовой регламентации института каторги (ссылки в каторжные работы) в России на протяжении XX столетия. Анализируются нормативные правовые акты, регулировавшие назначение и исполнение данной карательной меры в рассматриваемых хронологических рамках. Отражена трансформация наказания в виде каторги в отечественном законодательстве разных эпох: дореволюционной, периода Временного правительства и советской. Констатируется, что в XX в. произошло сужение круга деяний, за которые могло быть назначено это наказание: в имперский период оно применялось за тяжкие государственные и уголовные преступления, при Временном правительстве – только за уголовные преступления, в советский период – за пособничество фашистам и побеги из мест поселения отдельных категорий лиц. Показано, что каторга, вторая по степени тяжести после смертной казни уголовная санкция, сохраняла историческую преемственность и применялась в целях возмездия и устрашения. При исполнении этого наказания законодательство предусматривало не только строгие условия изоляции преступников, но использование их труда на особо тяжелых работах.

Ключевые слова: история; уголовное право; уголовно-исполнительная система; Россия; каторга; каторжные работы.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Белова Н. А. Институт каторги (ссылки в каторжные работы) в отечественном законодательстве XX века // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 2 (26). С. 15–26. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.001.

Original article

Institution of Penal Servitude (Hard Labor) in the Domestic Legislation of the 20th Century

NADEZHDA A. BELOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of the institution of penal servitude (hard labor) in Russia during the twentieth century. Normative legal acts regulating the appointment and execution of this punitive measure in the considered chronological framework are analyzed. The transformation of punishment in the form of penal servitude in the domestic legislation of different epochs is reflected: pre-revolutionary, the period of the Provisional Governments and the Soviet one. It is stated that in the twentieth century, there was a narrowing of the range of acts for which this punishment could be imposed: in the imperial period it was used for serious state and criminal offenses, under the Provisional Government – only for criminal offenses, in the Soviet period – for aiding the Nazis and escaping from places of settlement of certain categories of persons. It is shown that penal servitude, the second most severe criminal sanction after the death penalty, preserved historical continuity and was used for the purposes of retribution and intimidation. The legislation provided not only for strict conditions of isolation of criminals, but also for the use of their labor in particularly difficult jobs.

Keywords: history; criminal law; penal system; Russia; penal servitude; hard labor.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Belova N.A. Institution of penal servitude (hard labor) in the domestic legislation of the 20th century. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 15–26. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.001.

В начале XX столетия каторга (ссылка в каторжные работы) занимала важное место в системе наказаний Российской империи. Она была сохранена и Временным правительством. В советский период этот один из самых суровых видов наказания применялся в годы Великой Отечественной войны и несколько лет после ее завершения.

Актуальность данной статьи заключается в том, что в настоящее время отсутствует обобщающая работа по истории нормативного закрепления указанного института в отечественном праве XX в. Восполнение этого пробела позволит создать более целостную картину трансформации законодательства о наказании в виде каторги в рассматриваемый период.

В дореволюционной России каторга как мера наказания получила отражение в публикациях, посвященных подготовке и обсуждению Уголовного уложения 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.) и поиску путей преобразования данного института на практике. Среди них можно назвать статьи и исследования таких авторов, как Н. С. Таганцев [1], Г. Г. Евангулов [2], А. Д. Марголин [3], Н. С. Тимашев [4], С. В. Познышев [5], М. М. Исаев [6] и др.

В советской историографии институт каторги не являлся предметом специального изучения. В начале XX в. он рассматривался в общем контексте отечественной системы наказаний, в период правления Временного правительства – в рамках анализа карательной политики последнего, о каторге в СССР вообще открыто не упоминалось. В числе работ этой эпохи, следует назвать публикации М. Г. Миненока [7], А. А. Пушкаренко [8], А. А. Герцензона [9], Е. А. Скрипилева [10] и др.

В постсоветский период интерес к рассматриваемой тематике возрос. Каторга в системе наказаний Российской империи начала XX в. изучалась Н. Г. Степановой [11], М. В. Шиловским [12], К. К. Кораблиным [13] и др. При Временном правительстве эта мера наказания упоминалась в статьях М. В. и О. Е. Сорокиных [14], Ю. А. Реента и С. В. Архипова [15], Е. Л. Поцелуева [16], Д. Н. Шкаревского [17]. Следует заметить, что некоторые со-

временные исследователи (в частности, упомянутые Е. Л. Поцелуев [16, с. 10] и Д. Н. Шкаревский [17, с. 13]) бездоказательно констатировали отмену данного института в период Временного правительства. Каторжные работы в СССР как мера уголовного наказания получили отражение в работах А. Е. Епифанова [18], В. В. Луканина [19], Д. Н. Шкаревского [17] и др.

Институт каторги, впервые нормативно закрепленный в Российском государстве в конце XVII в., претерпев серьезные изменения, сохранял свое значение в качестве меры наказания и в начале XX столетия. Состояние отечественной каторги к этому времени отражало одновременно идеи устрашения и возмездия, присущие ей изначально, а также и возникшую в конце XVIII – начале XIX вв. идею исправления преступников.

В лестнице наказаний Уложения 1903 г., работа над проектом которого продолжалась более 20 лет, каторга, как и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., осталась второй по степени тяжести карательной мерой после смертной казни и наиболее тяжким видом лишения свободы. В новом уголовном законе прежнее ее название «лишение всех прав состояния и ссылка в каторжные работы» [20, с. 5] было заменено более кратким – каторга (ст. 2) [21, с. 14–15]. (При этом в нормативных актах, изданных после утверждения Уложения, нередко использовалось наименование «ссылка в каторжные работы».) Также в нем были упразднены телесное наказание и наложение клейм, предварявшие ссылку в каторжные работы, и деление каторжных работ на степени. Согласно ст. 16 Уложения 1903 г. каторга назначалась без срока или на срок от 4 до 15 лет (по ранее действовавшему уложению высший размер каторги составлял 20 лет [20, с. 6], а редакционной комиссией ее фиксированные сроки были предложены от 5 до 15 лет) [1, с. 33].

Каторга назначалась за следующие преступления, предусмотренные Уложением 1903 г.: нарушение ограждающих веру постановлений (ст. 82, 84, 85); государственные преступления (ст. 100–103, 105, 108–111, 114, 116, 117, 123, 126, 131, 134); противодействие правосудию (ст. 163, 164, 166, 168, 173, 176); подделку монет, ценных бумаг и знаков (ст. 427–430); подлог (ст. 437, 449); лишение жизни (ст. 453–456, 458, 463, 466); телесные повреждения и насилие над личностью (ст. 467, 471, 472); поединки (ст. 488); преступные деяния против личной свободы (ст. 501); непотребство (ст. 516, 522–523); повреждение имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов (ст. 558, 560, 562–563); необъявление о находке, присвоение чужого имущества и злоупотребление доверием (ст. 578); воровство, разбой и вымогательство (ст. 585, 587–590); мошенничество (ст. 597); банкротство, ростовщичество и иные случаи наказуемой недобросовестности по имуществу (ст. 600–602); преступные деяния по службе государственной и общественной (ст. 643–645, 668).

Приговоренные к каторге должны были содержаться в каторжных тюрьмах, в общем заключении и подвергаться принудительным тяжким работам как в помещениях тюрем, так и вне их. По отбытии каторги они подлежали переводу на поселение в предназначенные для того местности [21, с. 14–15].

Следует отметить, что в тексте Уложения отсутствовало предложенное Редакционной комиссией обязательное условие о разобщении каторжных на ночь, которое было уточнено в предваряющем этот закон мнении Государственного совета и распространено лишь на тюрьмы, где имелись «необходимые к тому приспособления» [21, с. 6]. В том же документе содержалось особое указание касательно возможности отбытия каторги лицами женского пола «и в особых помещениях при исправительных домах» [21, с. 6].

Каторжный срок определялся в Уложении 1903 г. годами и полугодами (ст. 22). В соответствии со ст. 23 осужденные к каторге без срока по истечении 15 лет, а осужденные к срочной каторге по истечении $\frac{2}{3}$ назначенного им срока в случае одобрительного поведения могли быть переведены в места, предназначенные для их поселения. По истечении десяти лет осужденные, переведенные с каторги на поселение, также в случае одобрительного их поведения могли быть освобождены от поселения. Кроме того, было исключено вечное поселение после отбытия каторжных работ.

Несовершеннолетним в возрасте от 14 до 17 лет каторга заменялась тюремным заключением: бессрочная – на срок от 8 до 12 лет, срочная – от 3 до 8 лет (п. 1–2, ст. 55). Подростки в возрасте от 10 до 14 лет вместо каторги подлежали помещению в воспитательно-исправительное заведение (п. 3, ст. 55). Лицам в возрасте от 17 лет до 21 года бессрочная каторга заменялась каторгой на 15 лет, а срок каторги сокращался на $\frac{1}{3}$ (п. 2–3, ст. 57).

Лицам мужского и женского пола старше 70 лет каторга заменялась ссылкой на поселение (ст. 58).

По Уложению 1903 г., как и прежде, присуждение к каторге сопровождалось лишением прав состояния (ст. 25) и, соответственно, потерей титулов, почетных званий, орденов и т. п., удалением от государственных, церковных и иных должностей (ст. 28). Также приговоренный к каторге утрачивал семейственные и имущественные права (ст. 29). Произшедшие в России в пореформенную эпоху либеральные изменения получили отражение в конкретизации прав, утрачиваемых вследствие осуждения к каторге: участвовать в выборах сословных собраний, быть третьей судьей, присяжным поверенным и пр. (ст. 30).

Следует отметить, что Уложение 1903 г. так и не вступило в силу в полном объеме, поэтому действующим нормативным актом оставалось Уложение 1845 г. в редакции 1885 г.

В Уложении 1903 г. не были указаны места отбытия каторги, но, по мнению Н. С. Таганцева, предполагалось, что данное наказание «будет отбываться в Восточной Сибири, включая сюда и остров Сахалин» [1, с. 34]. Относительно мест устройства каторжных тюрем Государственный совет ограничился лишь пожеланием, чтобы они «располагались по возможности не далеко от мест, предназначаемых для поселения каторжных» [1, с. 34]. Позднее, законом от 10.04.1906, ссылка преступников на Сахалин в каторжные работы и на поселение была отменена [22]. Приговоренные к каторге содержались в каторжных тюрьмах Сибири и Европейской России. Порядок отбывания наказания осужденными к каторжным работам определялся Уставом о ссыльных в редакции 1909 г. [23]. Так, ст. 83–89 регламентировали общие правила, установленные для ссыльнокаторжных, ст. 90–95 регулировали вопросы, связанные с их содержанием в отряде испытуемых, ст. 96–104 – в отряде исправляющихся. Статьям 105–116 определяли условия использования каторжных на работах, ст. 117–122 – специфику содержания тех из них, кто становился неспособным к труду, ст. 123–125 – порядок причисления (перевода) каторжных в разряд ссыльнопоселенцев.

Мысль о необходимости реформирования каторги, возникшая еще в XIX в., получила воплощение в проекте по ее преобразованию, основные положения которого были опубликованы в 1910 г. в журнале «Тюремный вестник» [24], а его окончательный вариант внесен Министерством юстиции Российской империи в Государственную думу 30 ноября 1913 г. [4, стб. 257]. Но статья законом этому проекту помешали Первая мировая война и последовавшие затем политические события.

Со сменой власти в феврале 1917 г. наказание в виде каторги было сохранено. Временное правительство, признав свою преемственность от свергнутого самодержавия, объявило о необходимости сохранения существовавшего законодательства (в том числе и в об-

ласти уголовного права) до его отмены Учредительным собранием. Тем не менее с учетом обстановки в стране институт каторги все же претерпел некоторые изменения.

Временное правительство вынуждено было пойти на отдельные уступки революционным массам. Общая политическая амнистия, объявленная его постановлением от 6 марта [25], повлекла за собой освобождение всех осужденных по политическим мотивам. (На практике первая партия политкаторжан из Шлиссельбургской каторжной тюрьмы была выпущена на свободу еще 28 февраля [26, с. 245].)

Постановлением Временного правительства от 12 марта «Об отмене смертной казни» предписывалось во всех случаях, в которых данная мера была установлена законодательством в качестве наказания, «таковую заменять каторгой срочной или бессрочной» [25, с. 37].

Постановлением «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления», датированным 17 марта, предусматривались: замена ссылкой в каторжные работы на 15 лет смертной казни (ст. 1), снижение назначенного судом срока наказания наполовину в отношении лиц, приговоренных к каторге, замена бессрочной каторги срочной на 12 лет. При сокращении срока каторжных работ уменьшению, соответственно, подлежал и срок пребывания осужденного в разряде испытуемых (ст. 6) [25, с. 275–276].

Вероятно, поспешностью принятия этого постановления можно объяснить неясность установленной ст. 17 нормы об освобождении от каторжных работ лиц, осужденных в несовершеннолетнем возрасте к каторге на срок менее 4 лет, поскольку, как упоминалось ранее, по Уложению 1903 г. каторга назначалась на срок от 4 лет.

Еще одну уступку касательно дальнейшего облегчения участи лиц, совершивших уголовные преступления, содержало датированное 1 августа постановление Временного правительства «Об условном досрочном освобождении». Им устанавливалось, что приговоренные к ссылке в каторжные работы на срок или к срочной каторге могли быть условно освобождены по отбытии не менее половины определенного им судебным приговором срока, а приговоренные к ссылке в каторжные работы без срока и к бессрочной каторге – «по отбытии не менее двенадцати лет наказания» [27, с. 1].

Согласно постановлению Временного правительства от 04.08.1917 «Об изменении 100 и 101 статей Уголовного уложения» бессрочной или срочной каторгой предписывалось наказывать лиц, виновных «в насильственном посягательстве на изменение существующего государственного строя в России, или на отторжение от России какой-либо ее части, или на смещение органов верховной в государстве власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую» [28, с. 1].

Примечательно, что в соответствии со ст. 5 Положения о выборах в Учредительное собрание от 20.07.1917 присужденные к каторжным работам (каторге) лишались права участия в выборах «до истечения десяти лет по отбытии наказания сими работами» [29, с. 15]. Постановлением от 10.09.1917 «Об утверждении глав VI–X раздела I и раздела II Положения о выборах в Учредительное собрание» предусматривалось наказание каторгой на срок не свыше шести лет виновного в препятствовании правильному производству выборов посредством насильственных действий, угроз, беспорядков и т. п., если «деяние учинено несколькими вооруженными людьми и вследствие этого выборы не могли состояться» (ст. 106) [30, с. 2].

В период деятельности Временного правительства ряд мест отбытия рассматриваемого вида наказания был ликвидирован. Так, постановлением от 29 июля «Об установлении нового расписания должностей начальников и помощников начальников мест заключения

и отпуске средств на улучшение быта чинов стражи и других служащих при местах заключения» предписывалось упразднение управлений Нерчинской каторги, Шлиссельбургской и Акатуевской каторжных тюрем [31, с. 2].

С приходом к власти большевиков, формально отрицавших дореволюционное уголовное законодательство, ссылка в каторжные работы (каторга) из системы наказаний была исключена. Так, в принятой 19 декабря 1917 г. Инструкции революционному трибуналу [32], где впервые был дан примерный перечень наказаний, которые мог применять трибунал, этот вид наказания отсутствовал. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (1919), Уголовный кодекс РСФСР (1922), Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1924) и Уголовный кодекс РСФСР (1926) также не содержали вышеупомянутой меры наказания.

Ее восстановление произошло в годы Великой Отечественной войны. Ссылка на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [33, с. 112–113] за преступления, совершенные лицами, уличенными в период оккупации в пособничестве фашистам.

Организация отделений каторжных работ при Воркутинском, Норильском, Северо-Восточном и Карагандинском ИТЛ для содержания и использования на особо тяжелых работах осужденных к каторжным работам была предусмотрена приказом НКВД СССР от 11.06.1943 № 00968. Этим же документом была введена в действие Инструкция о порядке их содержания в лагерях НКВД [33, с. 114–115].

Примечательно, что в 1945 г. Н. С. Хрущев предлагал осуждение к каторжным работам на срок от 15 до 20 лет дополнительно ввести «почти по всем статьям Уголовного кодекса, предусматривающим в виде предельной санкции высшую меру наказания» [34, с. 132]. Применение этой карательной меры он мотивировал наличием в судебной практике случаев, когда «лишение свободы на 10 лет является слишком мягким наказанием, и суды в этих случаях вынуждены применять расстрел, не имея в своем распоряжении иного, более сурового наказания», а также «желанием сохранить физически здоровых людей для использования на работах в отдаленных и особо тяжелых местностях Советского Союза» [34, с. 132].

Опираясь на имевшийся опыт присуждения к каторжным работам (наличие значительного числа среди каторжников нетрудоспособных лиц, низкая эффективность труда данного контингента, сложности с организацией его трудоустройства и пр.) НКВД СССР это предложение отклонил [34, с. 132–133].

В связи с наличием среди осужденных к каторжным работам значительного числа лиц, не пригодных к физическому труду, приказом МВД СССР от 09.01.1947 № 0023 было выделено 5000 мест в шести тюрьмах страны (Александровской, Верхне-Уральской, Вологодской, Златоустовской, Нижнетуринской, Тобольской) [18, с. 22].

Каторжный контингент не упоминался в Постановлении Совета Министров СССР от 21.02.1948 № 416-159с «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР» [35, с. 326–327], однако в числе категорий особо опасных государственных преступников также был переведен в особые лагеря.

По данным А. Е. Епифанова, предпринимались попытки разграничить правовой статус каторжан и особо опасных государственных преступников. С этой целью Вторым управлением ГУЛАГа МВД СССР в декабре 1948 г. был подготовлен вариант проекта «Положения о местах заключения для содержания осужденных к ссылке на каторжные работы» [18, с. 26–27]. Второй ведомственный проект («Положение о порядке содержания лиц, осужденных к ссылке на каторжные работы») был разработан в 1951 г. [18, с. 28–29]. Но на практике они так и не были реализованы.

В качестве карательной меры каторжные работы были введены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.1948 «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы СССР в период Отечественной войны» [36, с. 585–586] в отношении депортированных в годы войны за сотрудничество с фашистами с мест исконного проживания в отдаленные регионы страны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др. Применение этого вида уголовного наказания было нацелено на укрепление режима поселения для выселенных народов, а также в связи с тем, что во время этого переселения не были определены сроки высылки, и требовалось установить, что их переселение в отдаленные районы СССР проведено навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Наказание выселенцам за самовольной выезд (побег) из мест поселения было определено в виде 20 лет каторжных работ.

Эта экстраординарная мера наказания была распространена и на категории населения, подвергнутые депортации в послевоенные годы. К числу таких выселенцев относились лица, упомянутые в постановлениях Совета Министров СССР от 29.01.1949 № 390-138сс «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализовавшихся бандитов, продолжающих вести вражескую деятельность, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов» [36, с. 517–519], от 06.04.1949 № 1290-467сс «О выселении с территории Молдавской ССР кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкими и румынскими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев, участников нелегальных сект, а также семей всех вышеперечисленных категорий» [36, с. 522–524], от 29.12.1949 № 5881-2201сс «О выселении с территории Пыталовского, Печорского и Качановского районов Псковской области кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, а также семей репрессированных пособников бандитов» [36, с. 539–540], от 23.01.1951 № 189-88сс «О выселении кулаков с семьями с территории Волынской, Дрогобычской, Львовской, Ровенской, Станиславской, Тернопольской, Черновицкой и Закарпатской областей Украинской ССР» [36, с. 541–542], от 29.11.1951 № 4893-2113сс «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов» [36, с. 544–545].

Кроме того, Постановлением Совета Министров СССР от 07.10.1951 № 3857-1763сс «О направленных по решению ГКО от 18 августа 1945 г. № 9871 на спецпоселение сроком на 6 лет бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, власовцев и полицейских» [36, с. 543–544] предписывалось: лиц немецкой, чеченской, калмыцкой, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой национальностей и крымских татар оставить на спецпоселении навечно, а работавших на предприятиях комбината № 6

Второго Главного управления при Совете Министров СССР оставить на спецпоселении до окончания промышленного и горнокапитального строительства этого комбината. При этом на спецпоселенцев обеих категорий распространялось действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.1948.

Вышеупомянутый документ был отменен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.07.1954 № 104/43 «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»» [37, с. 161].

Правовой статус осужденных к ссылке в каторжные работы был уравнен с остальными заключенными распоряжением МВД СССР от 18.05.1954 № 150с «О порядке содержания осужденных к каторжным работам в лагерных подразделениях при ИТЛ и УИТЛК МВД-УМВД» [18, с. 31].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в XX в. уголовное наказание в виде каторги (ссылки в каторжные работы) претерпело существенную трансформацию. В отечественном законодательстве разных эпох (дореволюционной, периода Временного правительства и советской) постепенно происходило сужение круга деяний, за которые могла быть назначена данная карательная мера. Если в имперский период каторга применялось за тяжкие государственные и уголовные преступления, при Временном правительстве сохранялась лишь за уголовные преступления, то в советский период была восстановлена в качестве экстраординарной меры в отношении пособников фашистов, а также за побег из мест поселения отдельных категорий лиц. Вместе с тем каторга, вторая по степени тяжести после смертной казни уголовная санкция (и наиболее тяжкий вид лишения свободы), сохраняла историческую преемственность и применялась в целях возмездия за совершенное преступление и устрашающего воздействия на окружающих. При исполнении этого наказания законодательством предусматривались не только строгие условия изоляции преступников, но использование их труда на особенно тяжелых работах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. СПб., 1904. 1122 с.
2. Евангулов Г. Г. Уголовное уложение: (высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.): текст закона с очерком основных положений и существенных отличий его от действующего законодательства и с алфавитным предметным указателем. СПб., 1903. 400 с.
3. Марголин А. Д. Из области уголовного права. 1. Основные черты нового уголовного уложения; 2. Элемент чувства в институте наказания и другие статьи, крит. очерк с предисл. проф. Лион. ун-та Р. Гарро. Киев, 1907. 127 с.
4. Тимашев Н. С. Окончательный проект преобразования каторги // Право. 1914. № 4. СПб., 257–264.
5. Познышев С. В. К вопросу о преобразовании нашей каторги. М., 1914. 18 с.
6. Исаев М. М. Предстоящее преобразование каторги. Обзор деятельности тюремного ведомства при новых законодательных учреждениях // Право. 1911. № 6–7. С. 34–68.
7. Миненок В. Г. Наказание в русском уголовном праве: историко-правовой очерк : учеб. пособие. Калининград, 1985. 79 с.
8. Пушкаренко А. А. Введение к Уголовному уложению 1903 года // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 240–270.

9. Герцензон А. А. Карательная политика и уголовное законодательство Временного правительства // Советское государство и право. 1941. № 2. С. 57–77.
10. Скрипилев Е. А. Карательная политика Временного правительства и аппарат ее проведения (март–октябрь 1917 года) : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1970. 45 с.
11. Степанова Н. Г. Каторга в системе карательной политики российского самодержавия // Сибирская ссылка. Вып. 2. Иркутск, 2003. С. 184–198.
12. Шиловский М. В. Каторга в системе наказаний Российской империи начала XX в. (на примере Нерчинского каторжного комплекса) // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3. С. 163–172.
13. Кораблин К. К. Трансформация наказания в виде каторги и ссылки в русском праве (XIX – начало XX вв.) // Образование и право. 2020. № 10. С. 284–289.
14. Сорокин М. В., Сорокина О. Е. Организация деятельности мест заключения в период Временного правительства (февраль–октябрь 1917 года) // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 53–56.
15. Реент Ю. А., Архипов С. В. Пенитенциарная система России в условиях кризиса 1917 года: (к 100-летию Февральской буржуазно-демократической революции в России) // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 2. С. 230–235.
16. Поцелуев Е. Л. Уголовно-правовая политика Временного правительства России в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. : Право. 2018. Т. 9, вып. 1. С. 4–22.
17. Шкаревский Д. Н. О применении каторжных работ военными трибуналами в СССР (1943 – начало 1950-х гг.) // Военно-юридический журнал. 2015. № 2. С. 12–15.
18. Епифанов А. Е. Ссылка на каторжные работы как мера наказания гитлеровских военных преступников и их пособников // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 6. С. 20–31.
19. Луканин В. В. Каторжные работы в СССР как мера уголовного наказания // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 105–110.
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. 898 с.
21. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. : с прил. предм. алф. указ. СПб., 1903. 253 с.
22. О прекращении дальнейшей ссылки преступников на Сахалин: Выс. утв. Мнение Госсовета от 10.04.1906 № 27648 // Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26. Отд. 1-е. СПб., 1909. С. 340–341.
23. Устав о ссыльных (по изд. 1909 г.) с разъяснениями Правительствующего Сената с алфавитным и предметным указателем и с приложением из правил о предоставлении льгот ссыльным / сост. Л. И. Марколь. Иркутск, 1911. С. 34–50.
24. Предстоящее преобразование каторги // Тюремный вестник. 1910. № 6. С. 897–922.
25. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 / сост. Отд. свода законов Гос. канцелярии. Петроград, 1917. С. 266–268.
26. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М., 1963. Т. 5. Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ. 1907–1917. 340 с.
27. Вестник Временного правительства. 1917. 12 (25) сент. № 151 (127). 4 с.
28. Вестник Временного правительства. 1917. 10 (23) авг. № 127 (173). 4 с.
29. Левенсон А. Г. Положение о выборах в Учредительное собрание: текст закона и объяснительные замечания. М., [1917]. 30 с.
30. Вестник Временного правительства. 1917. 17 (30) сент. № 155 (201). 6 с.
31. Вестник Временного правительства. 1917. 3 (16) сент. № 145 (191). 4 с.
32. О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний: инструкция революционному трибуналу от 19.12.1917 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 181–183.
33. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : сб. док. / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М., 2008. 638 с.

34. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002. 885 с.
35. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х–первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. / отв. ред. и сост. Н. В. Петров. М., 2004. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. 696 с.
36. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М., 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. 728 с.
37. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы : в 3 т. / сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. М., 2000. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. 502 с.

REFERENCES

1. Tagantsev N.S. *Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g.: S motivami, izvlech. iz ob"yasn. zapiski Red. komis., predstavleniya Min. yust. v Gos. sov. i zhurn. – osobogo soveshch., osobogo prisutstviya dep. i obshch. sobr. Gos. sov.* [Criminal Code of March 22, 1903: with the motives extracted from the explanatory note of the editorial commission, the submission of the Ministry of Justice in the State Council and journals – a special meeting, a special presence of departments and a general meeting of the State Council]. Saint Petersburg, 1904. 1,122 p.
2. Evangulov G.G. *Ugolovnoe ulozhenie: (vysochaishe utverzhdennoe 22 marta 1903 g.): tekst zakona s ocherkom osnovnykh polozhenii i sushchestvennykh otlichii ego ot deistvuyushchego zakonodatel'stva i s alfavitnym predmetnym ukazatelem* [Criminal Code: (most highly approved on March 22, 1903): text of the law with an outline of its main provisions and significant differences from current legislation and with an alphabetical subject index]. Saint Petersburg, 1903. 400 p.
3. Margolin A.D. *Iz oblasti ugolovnogo prava. 1. Osnovnye cherty novogo ugolovnogo ulozheniya; 2. Element chuvstva v institute nakazaniya i drugie stat'i: Krit. ocherk s predisl. prof. Lion. un-ta R. Garro* [From the field of criminal law. 1. Key features of the new criminal code; 2. The element of feeling in the institution of punishment and other articles: A critical essay with a foreword by Professor R. Garreau of the University of Lyon]. Kiev, 1907. 127 p.
4. Timashev N.S. A final draft of the transformation of penal servitude. *Pravo = Law*, 1914, no. 4, pp. 257–264. (In Russ.).
5. Poznyshev S.V. *K voprosu o preobrazovanii nashei katorgi* [On the question of the transformation of our penal servitude]. Moscow, 1914. 18 p.
6. Isaev M.M. The upcoming transformation of penal servitude. Review of the activities of the prison department under the new legislative institutions. *Pravo = Law*, 1911, no. 6–7, pp. 34–68. (In Russ.).
7. Minenok V.G. *Nakazanie v russkom ugolovnom prave: istoriko-pravovoi ocherk* [Punishment in Russian criminal law: a historical and legal essay]. Kaliningrad, 1985. 79 p.
8. Pushkarenko A.A. Introduction to the Criminal Code of 1903. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 9* [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes. Volume 9]. Moscow, 1994. Pp. 240–270. (In Russ.).
9. Herzenzon A. A. Punitive policy and criminal legislation of the Provisional Government. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*, 1941, no. 2, pp. 57–77. (In Russ.).
10. Skripilev E.A. *Karatel'naya politika Vremennogo pravitel'stva i apparat ee provedeniya (mart–oktyabr' 1917 goda): avtoref. ... dis. d-ra yurid. nauk* [Punitive policy of the Provisional Government and the apparatus of its implementation (March–October 1917): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1970. 45 p.
11. Stepanova N.G. Katorga in the system of punitive policy of the Russian autocracy. *Sibirskaya ssylka = Siberian Exile*, no. 2. Irkutsk, pp. 184–198. (In Russ.).
12. Shilovskii M.V. Penal servitude in the system of punishments of the Russian Empire of the early twentieth century. (on the example of the Nerchinsk penal complex). *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2017, no. 3, pp. 163–172. (In Russ.).

13. Korablin K.K. Transformation of punishment in the form of catorga and references in Russian law (XIX – early XX centuries). *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2020, no. 10, pp. 284–289. (In Russ.).
14. Sorokin M.V., Sorokina O.E. Organization of activities in places of detention during the period of the provisional government (February–October, 1917). *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2013, no. 4, pp. 53–56. (In Russ.).
15. Reent Yu.A., Arkhipov S.V. The prison system of Russia in conditions of crisis of 1917 (to the 100 anniversary of the February bourgeois-democratic revolution in Russia). *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 230–235. (In Russ.).
16. Potseluev E.L. Criminal law policy of the Provisional Government of Russia in 1917. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.: Pravo = Bulletin of Saint Petersburg University. Ser.: Law*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 4–22. (In Russ.).
17. Shkarevskii D.N. On application of penal labor by military tribunals in the USSR (1943 – beginning of the 1950s). *Voенно-yuridicheskii zhurnal = Military Law Journal*, 2015, no. 2, pp. 12–15. (In Russ.).
18. Epifanov A.E. Hard labor in the USSR as a measure of criminal punishment. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Penal Law*, 2010, no. 6, pp. 20–31. (In Russ.).
19. Lukanin V.V. Hard labor in the USSR as a measure of criminal punishment. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Code*, 2015, no. 2, pp. 105–110. (In Russ.).
20. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh* [Code of Criminal and Correctional punishments]. Saint Petersburg, 1845. 898 p.
21. *Novoe ugolovnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903 g.: s pril. predm. alf. Ukaz* [The new criminal code, most highly approved on March 22, 1903]. Saint Petersburg, 1903. 253 p.
22. On the termination of further exile of criminals to Sakhalin: the most highly approved Opinion of the State Council of April 10, 1906 No. 27648. In: *Polnoe sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii. Sobr. 3-e. T. 26* [Complete collection of legislation of the Russian Empire. Collection 3. Volume. 26]. Saint Petersburg, 1909. Pp. 340–341. (In Russ.).
23. *Ustav o ssyl'nykh (po izd. 1909 g.) s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata s alfavitnym i predmetnym ukazatelem i s prilozheniem iz pravil o predostavlenii l'got ssyl'nym* [The Statute of exiles (according to the 1909 edition) with explanations of the Governing Senate with an alphabetical and subject index and an appendix from the rules on granting benefits to exiles]. Comp. by L.I. Markol. Irkutsk, 1911. Pp. 34–50. (In Russ.).
24. The upcoming transformation of penal servitude. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1910, no. 6, pp. 897–922. (In Russ.).
25. *Sbornik ukazov i postanovlenii Vremennogo pravitel'stva. Vyp. 1: 27 fevralya – 5 maya 1917* [Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government. Issue 1: February 27 – May 5, 1917]. Petrograd, 1917. Pp. 266–268.
26. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my: v 5 t. T. 5. Shlissel'burgskaya katorzhnaya tyur'ma i Orlovskii katorzhnyi tsentral. 1907–1917* [History of the Tsar's prison: in 5 volumes, 1963. Vol. 5. Shlisselburg convict prison and Oryol convict prison]. 1963. Moscow, 340 p.
27. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva* [Bulletin of the Provisional Government]. 1917. No. 151 (127). 4 p.
28. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva* [Bulletin of the Provisional Government]. 1917. No. 127 (173). 4 p.
29. Levenson A.G. *Polozhenie o vyborakh v Uchreditel'noe sobranie: tekst zakona i ob'yasnitel'nye zamechaniya* [Regulations on elections to the Constituent Assembly: the text of the law and explanatory remarks]. Moscow, 1917. 30 p.
30. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva* [Bulletin of the Provisional Government]. 1917. No. 155 (201). 6 p.
31. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva* [Bulletin of the Provisional Government]. 1917. No. 145 (191). 4 p.

32. On the revolutionary tribunal, its composition, the cases subject to its jurisdiction, the punishments imposed by it and the procedure for conducting its meetings: instructions to the revolutionary tribunal of December 19, 1917. In: *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [Collection of laws and orders of the government for 1917–1918]. Moscow, 1942. Pp. 181–183. (In Russ.).
33. *NKVD-MVD SSSR v bor'be s banditizmom i voozuzhennym natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoi Ukraine, v Zapadnoi Belorussii i Pribaltike (1939–1956): sb. dok.* [NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939–1956): collection of documents]. Compiled by Vladimirtsev N.I., Kokurin A.I. Moscow, 2008. 638 p.
34. *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerei). 1918–1960* [GULAG (Main Camp Administration). 1918–1960]. Ed. by Yakovlev A.N. Moscow, 2002. 885 p.
35. *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh–pervaya polovina 1950-kh godov: sobr. dok.: v 7 t. T. 2. Karatel'naya sistema: struktura i kadry* [The history of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s–the first half of the 1950s: collection of documents: in 7 volumes. Volume 2. The punitive system: structure and personnel]. Ed. by Petrov N.V. Moscow, 2004. 696 p.
36. *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobr. dok.: v 7 t. T. 1. Massovye repressii v SSSR* [The history of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collection of documents: in 7 volumes. Vol. 1. Mass repressions in the USSR]. Ed. by Vert N., Mironenko S.V. Moscow, 2004. 728 p.
37. *Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy: v 3 t. T. 1. Mart 1953 – fevral' 1956* [Rehabilitation: How it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials: in 3 volumes. Vol. 1. March 1953 – February 1956]. Comp. by Artizov A.N., Sigachev Yu.V., Khlopov V.G., Shevchuk I.N. Moscow, 2000. 502 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА БЕЛОВА – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

NADEZHDA A. BELOVA – Candidate of Sciences (History), associate professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Статья поступила 17.01.2024

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.002

Правопорядок в свете вопросов национальной безопасности

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

ve_lapshin@mail.ru

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Аннотация. В статье обращается внимание на догматизм и ограниченность восприятия правопорядка как результата реализации законности. Широкая трактовка правового порядка предполагает обращение к интегративной характеристике правового регулирования в целом. В этой связи обеспечение национальной безопасности имеет важное методологическое значение для понимания существенных сторон правового порядка. Анализируется двусторонний характер взаимодействия национальной безопасности и правопорядка, предполагающий, с одной стороны, существенную зависимость национальной безопасности от качественного состояния правопорядка в виде технико-юридического уровня развития норм права и практики их применения, а с другой – рассмотрение национальной безопасности как комплексной характеристики действия права и состояния правопорядка. Закрепление в стратегии национальной безопасности системы базовых ценностей определяет важнейшие ориентиры развития и укрепления правопорядка, который выступает как нормативная система охраны и обеспечения ведущих правовых ценностей.

Ключевые слова: государство; право; правопорядок; правовое регулирование; национальная безопасность; стратегия национальной безопасности.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Свинин Е. В. Правопорядок в свете вопросов национальной безопасности // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 27–32. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.002.

Law and Order in the Light of National Security Issues

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia
ve_lapshin@mail.ru

EVGENII V. SVININ

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Abstract. The article draws attention to dogmatism and limited perception of the rule of law as a legality implementation result. A broad interpretation of law and order implies an appeal to the integrative characteristic of legal regulation as a whole. In this regard, ensuring national security is of great methodological importance for understanding essential aspects of the legal order. The authors analyze a bilateral interaction between national security and law and order that implies, on the one hand, a significant dependence of national security on the qualitative state of law and order in the form of a technical and legal level of development of legal norms and practice of their application, and, on the other hand, consideration of national security as a complex characteristic of the law operation and the state of law and order. The consolidation of a system of basic values in the national security strategy defines crucial value orientations for the development and strengthening of the rule of law, which acts as a normative system for the protection and provision of leading legal values.

Keywords: state; law; law and order; legal regulation; national security; national security strategy.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Lapshin V.E., Svinin E.V. Law and order in the light of national security issues. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 27–32. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.002.

В юридической науке получил широкое распространение сложившийся еще в советский период догматический подход к правопорядку как результату реализации законности. Существенной чертой этого подхода является рассмотрение правомерного поведения в качестве основного содержания правопорядка, средства укрепления которого сводятся в основном к противодействию правонарушениям и обеспечению прав человека. Тесная взаимосвязь между категориями «законность» и «правопорядок» привела к тому, что они зачастую на уровне обыденной речи, а также в текстах научных и правовых документов используются в качестве единого понятия. Отметим, что законность и правопорядок как условно единое понятие используется и в п. 45 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от

02.07.2021 № 400, применительно к характеристике целей обеспечения государственной и общественной безопасности.

Хотелось бы высказать предположение о том, что представление о правопорядке как результате реализации законности является ограниченным ввиду нескольких причин. Во-первых, существует риск утраты собственного содержания, связанного с восприятием правопорядка только как режима законности. Во-вторых, происходит неизбежное игнорирование социальных целей и результатов действия права, тем самым правопорядок будет охватывать не все, а лишь часть результатов правового регулирования, что существенно ограничит его содержание. Актуальными являются слова А. М. Васильева о том, что зависимость между состоянием законности и правопорядка является одной из важнейших характеристик последнего. Однако это не означает, что понятие правопорядка нужно считать производным от категории законности. Зависимость от законности не выражает его сути как порядка общественных отношений, сформировавшегося под правовым воздействием. С помощью термина «правопорядок» выражаются как социальные цели, так и объективный итог правового регулирования [1, с. 180–181].

Следует отметить, что в теории права постепенно либо формируется широкий подход к правопорядку, в основе которого лежат широкое восприятие правопонимания (В. Н. Казаков [2]), либо стремление подчеркнуть социальную природу правопорядка (О. П. Сауляк [3], К. А. Раков [4]), его контекстуальный характер (Н. Н. Черногор [5]).

Полагаем, что широкий подход позволит несколько иначе взглянуть на проблему соотношения правопорядка и национальной безопасности. Важно понимать, что правопорядок выступает не только окончательным итогом действия права, но и необходимой характеристикой права и механизма правового регулирования в целом. Понятие правопорядка может и должно использоваться для оценки качественного состояния законодательства, рациональности и реализуемости правовых процедур, степени достижения юридических и социальных целей права. В этой связи правопорядок может быть рассмотрен в двух аспектах.

С одной стороны, установленный и охраняемый государством правопорядок выступает важным средством обеспечения национальной безопасности. Ключевые интересы общества и государства, которые лежат в экономической, социальной, духовно-культурной сферах, напрямую зависят от технико-юридического качества норм, их социальной обусловленности, оптимальности используемых форм права, оперативности принятия норм, сбалансированности структуры и полномочий органов власти. Совершенствование права и государственного механизма позволяет укрепить правовой порядок, и в конечном счете, обеспечить национальную безопасность.

С другой стороны, состояние национальной безопасности может являться комплексным показателем правового порядка. Важно отметить, что в самом понятии «национальная безопасность», содержащемся в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, тесно переплетаются как юридические (обеспечение реализации прав и свобод, охрана суверенитета), так и социальные (гражданский мир, социально-экономическое развитие страны) стороны. Представляется, что система показателей правопорядка также должна носить социально-правовой характер и не может быть сведена к количественным данным, характеризующим состояние и динамику правонарушений. В этой связи достижение целей стратегических национальных приоритетов и преодоление угроз национальной безопасности могут служить ориентирами в выработке разветвленной системы социально-правовых показателей правопорядка.

Угрозы национальной безопасности – это риски правового порядка. Устанавливаемый государством правопорядок должен снижать либо вообще исключать риски и угрозы национальной безопасности. Здесь важно учитывать, что правовой порядок не должен рассматриваться как зарегулированность общественных отношений; обеспечение разумной свободы и отсутствие контроля отдельных общественных отношений, находящихся в сфере правового регулирования, являются такой же частью правового порядка, как и формализованные процедуры, подробно регламентированные правом. Укрепление правопорядка может быть связано как с увеличением уровня формализации отношений, так и, напротив, посредством отказа от контроля и регулирования. Ярким примером может служить так называемая регуляторная гильотина [6], мораторий в сфере контрольно-надзорной деятельности [7].

Фундаментальная задача, которая возлагается на правопорядок, состоит в том, чтобы посредством правовых средств создать благоприятные условия для достижения важнейших социальных целей развития общества. Только в этом случае можно с уверенностью сказать, что социальное предназначение права реализовано в жизни общества в полной мере, что свидетельствует об эффективности правового порядка. При этом правовой порядок важен не сам по себе, а в той степени, которая ведет к укреплению безопасности и общественному прогрессу.

Важно не наличие правопорядка как такового, а то, каким образом он влияет на укрепление экономических, социальных, духовных и политических связей и взаимодействий в обществе. Исходя из этого, правопорядок может быть представлен как специфическое пространство социальной жизни, отдельные участки которого требуют не только различного инструментария правового воздействия, но и его уровня, интенсивности. Отказ от правовой регламентации отношений, расширение юридической свободы субъектов в сочетании с разумным регулированием, требующим в отдельных случаях частичного, а в других всестороннего контроля, являются важнейшими средствами обеспечения сбалансированности правопорядка.

Рассматриваемый в таком качестве правопорядок не может не быть идеологической системой. Создание и реализация норм права выступают как средства не только создания шаблонов поведения, но и утверждения и охраны ценностной системы, на которой основано общество. Закрепляемые правом ценности носят идеолого-программирующий характер. В этой связи представляется справедливым, что от того, насколько правовые ценности соответствуют традициям общества, его культуре, насущным потребностям и интересам, непосредственно зависят устойчивость общества и легитимность государства. Происходящие в современном мире конфликты имеют ярко выраженный идеологический, цивилизационный характер. Объективность сегодняшнего дня заключается в том, что государство и общество не могут быть вне идеологии как системы знаний о месте человека в обществе и роли государства в регулировании общественных отношений.

Идеологичность правопорядка следует воспринимать положительно. Как представляется, это может способствовать сплочению общества и государства в отношении базовых ценностей, а следовательно, выступать фундаментом национальной безопасности. Конституция Российской Федерации запрещает обязательную государственную идеологию. Вместе с тем нельзя не отметить усилия государства в формировании ее отдельных элементов, связанных с защитой традиционных семейных, духовных ценностей (запрещается пропаганда нетрадиционных отношений), исторической правды, осуждения любых форм проявления нацизма. Можно высказать предположение, что возрастание конфликтности

потребуется изменений не только отраслевого, но и конституционного законодательства.

В заключение хотелось бы отметить, что, признавая фундаментальную роль Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в правовой системе, нельзя не увидеть ее недостаточный регулятивный потенциал. Полагаем, что необходимо выстраивание субординированной системы, объединяющей национальные интересы, стратегические национальные приоритеты, цели и задачи с конкретными правовыми средствами их достижения. Несмотря на то, что в стратегии содержится указание на необходимость выполнения поставленных задач посредством программ и проектов, в самих программах отсутствует взаимосвязь с конкретными целями и задачами, установленными стратегией, что существенно снижает системность правовой регламентации.

Как представляется, последовательное выстраивание логики правового регулирования могло бы пойти по пути закрепления важнейших целевых индикаторов на уровне стратегии, определения параметров их достижения в указах Президента Российской Федерации о национальных целях развития в рамках соответствующего периода либо в соответствующих национальных проектах и государственных программах. В этом случае будет более понятный и функционирующий механизм, и стратегия как документ, имеющий сейчас преимущественно политико-программный характер, приобретет важный нормообразующий смысл, раскрывающийся в конкретных правовых формах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
2. Казаков В. Н. Правовой порядок в юридической теории и практике : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 372 с.
3. Сауляк О. П. Сущность правопорядка: теоретико-методологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 370 с.
4. Раков К. А. Современный правопорядок: формальные и социальные основания : моногр. М., 2023. 120 с.
5. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка : моногр. / отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019. 348 с.
6. Об обязательных требованиях в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.
7. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336 (ред. от 01.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1715.

REFERENCES

1. Vasil'ev A.M. *Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava* [Legal categories: methodological aspects of the development of a system of categories of the theory of law]. Moscow, 1976. 264 p.
2. Kazakov V.N. *Pravovoi poriyadok v yuridicheskoi teorii i praktike: dis. ... d-ra yurid nauk* [Legal order in legal theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2003. 372 p.
3. Saulyak O.P. *Sushchnost' pravoporyadka: teoretiko-metodologicheskoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The essence of law and order: theoretical and methodological research: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2010. 370 p.

4. Rakov K.A. *Sovremennyi pravoporyadok: formal'nye i sotsial'nye osnovaniya: monogr.* [Modern law and order: formal and social foundations: monograph]. Moscow, 2023. 120 p.
5. *Obshchee uchenie o pravovom poryadke: voskhozhdenie pravoporyadka: monogr. T. 1* [General doctrine of the legal order: the ascent of law and order: monograph. Volume 1]. Ed. by Chernogor N.N. Moscow, 2019. 348 p.
6. On mandatory requirements in the Russian Federation: Federal Law No. 247-FZ of July 31, 2020 (as amended of September 24, 2022). In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii (ch. I)*. [Collection of Legislation of the Russian Federation (Part I)]. 2020. No. 31. Art. 5,006; 2022. No. 39. Art. 6,541. (In Russ.).
7. On the specifics of the organization and implementation of state control (supervision), municipal control: Decree of the Government of the Russian Federation No. 336 of March 10, 2022 (as amended of October 1, 2022). In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2022. No. 11. Art. 1,715; No. 41. Art. 7,076. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, ve_lapshin@mail.ru

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, ve_lapshin@mail.ru

EVGENII V. SVININ – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Статья поступила 09.01.2024

Научная статья

УДК 343.847

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.003

Правовые и организационные аспекты возмещения вреда условно осужденными

ОЛЕГ ВАЛЕРЬЕВИЧ КИРИЛОВСКИЙ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

kirilovskiy77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>

Аннотация. В статье рассмотрены правовые и организационные аспекты возмещения вреда условно осужденными. Раскрыты последовательность применения мер принуждения и периодичность вынесения предупреждений в случае неисполнения осужденными данной обязанности, выявлены правовые пробелы в части урегулирования периодичности вынесения предупреждений, предложены меры по их устранению. Также исследованы организационные основы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и территориальных подразделений ФССП России по реализации совместных усилий по возмещению вреда условно осужденными, предложены меры по урегулированию отдельных проблемных вопросов.

Ключевые слова: осужденный; условное осуждение; предупреждение; возмещение ущерба; уголовно-исполнительные инспекции; взаимодействие.

5.1.2. Публично-правовые науки.

Для цитирования: Кириловский О. В. Правовые и организационные аспекты возмещения вреда условно осужденными и периодичности принятия мер принуждения к ним // *Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 33–39. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.003.

Original article

Legal and Organizational Aspects of Harm Compensation by Conditionally Convicted Persons and the Frequency of Taking Coercive Measures against Them

OLEG V. KIRILOVSKII

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia

Vologda State University, Vologda, Russia

kirilovskiy77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>

Abstract. The article considers and analyzes the legal and organizational aspects of harm compensation by conditionally convicted persons. The sequence of applied coercive measures and the frequency of issuing warnings in cases of non-fulfillment of this duty by convicts are revealed, legal gaps in the regulation of the frequency of issuing warnings are identified, and measures to eliminate them are proposed. Organizational foundations of interaction between criminal enforcement inspections and territorial divisions of the Federal Penitentiary Service on the implementation of joint efforts to compensate for harm by conditionally convicted persons are also studied, and measures to resolve certain problematic issues are proposed.

Keywords: convict; suspended sentence; warning; compensation for damage; criminal enforcement inspections; interaction.

5.1.2 Public law sciences.

For citation: Kirilovskiy O.V. Legal and organizational aspects of harm compensation by conditionally convicted persons and the frequency of taking coercive measures against them. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 33–39. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.003.

Возмещение вреда, причиненного преступлением, во все времена является неотъемлемым атрибутом реализации принципа социальной справедливости в обществе и может рассматриваться в двух аспектах.

Во-первых, лицо, совершившее преступление, должно понести справедливое наказание, то есть претерпеть определенные ограничения (моральные, физические, имущественные), установленные государством, во-вторых – возместить причиненный ущерб. Если причинен реальный материальный ущерб, то он должен принять меры к восстановлению исходного состояния объекта, который пострадал в результате противоправного посягательства. В случае причинения физического или морального вреда лицо обязано компенсировать пострадавшему затраты, которые последний понес в связи с совершенным в отношении его преступлением.

Возмещение причиненного вреда лицом, совершившим преступление, может протекать как в добровольном, так и принудительном порядке. Добровольный порядок может быть реализован в процессе предварительного следствия, судебного разбирательства. Однако когда добровольный порядок не реализован, то государство в лице органов власти принимает исчерпывающие меры к его исполнению путем принятия обязательных для виновного предписаний (приговор суда) и комплекса принудительных мер уполномоченными субъектами. В числе субъектов, обеспечивающих возмещение вреда, причиненного преступлением, выступают учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовные наказания, в том числе не связанные с изоляцией осужденного от общества. Такими учреждениями являются уголовно-исполнительные инспекции (УИИ).

Проблема возмещения осужденными ущерба характерна для всех исправительных учреждений ФСИН России и актуальна для потерпевших в вопросе восстановления социальной справедливости. Так, в УИИ УФСИН России по Вологодской области за 2022 г. 403 осужденных имели обязанность возместить ущерб, причиненный преступлением, из них возместили его в полном объеме только 106 осужденных (26,3 %), не исполнили обязанность 102 (25,3 %), в отношении 10 условное осуждение отменено.

Среди лиц, в отношении которых судом назначены наказания без изоляции от общества и состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, особое место занимают

условно осужденные, которые составляют более половины подученных [1]. Следует отметить, что численность условно осужденных имеет постоянную тенденцию к росту в связи с общим увеличением количества наказаний, не связанных с пенитенциарной изоляцией, что подтверждают результаты правоприменительной практики.

Правовые положения института условного осуждения в своей совокупности направлены не на карательную составляющую наказания, а на оказание внутреннего воздействия на осужденного с целью убедить его в необходимости сознательного изменения своего отношения к совершенному деянию, его последствиям и формированию иной (правопослушной) модели поведения. Данная концепция отображает применение законодателем основополагающих принципов уголовной и уголовно-исполнительной политики: гуманное отношение, адекватное применение мер принуждения и персональный подход в назначении и исполнении наказания [2, с. 7].

На основе ранее проведенных исследований установлено, что условное осуждение представляет собой особый вид уголовного наказания, для которого характерны все особенности наказания [3]. Большинство теоретиков придерживаются позиции, сформулированной М. Д. Шаргородским, согласно которой условное осуждение является особым порядком исполнения приговора [4, с. 147]. Также можно встретить мнение о том, что условное осуждение – это освобождение виновного от реального отбывания наказания [5, с. 37].

Таким образом, условное осуждение можно рассматривать не как наказание, а как некую уголовно-правовую меру, которая также преследует цель исправления преступника. Его суть составляют именно запреты и обязанности, возложенные на осужденного судебным приговором. При их неисполнении круг таких обязанностей может быть расширен. Более того, при неоднократном нарушении (злостном уклонении) условное осуждение может быть отменено и заменено реальным отбыванием наказания.

В рамках темы исследования остановимся на правовых и организационных аспектах возмещения условно осужденными ущерба, принятия мер по принуждению осужденных, нарушающих данную обязанность, периодичности их применения.

В случае наличия факта уклонения от исполнения рассматриваемой обязанности необходимо исходить из положения о том, что данная обязанность вытекает из правового статуса осужденного условно. Правовым основанием приобретения данного статуса является решение суда о применении наказания в виде лишения свободы, исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части без реального отбытия. Права, обязанности и ответственность условно осужденного закреплены отдельными нормами.

Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ внесены поправки в ч. 1 и 2 ст. 74 УК РФ (отмена условного осуждения или продление испытательного срока), ч. 4 ст. 188 УИК РФ (порядок осуществления контроля за поведением условно осужденного) и ч. 1 и 2 ст. 190 УИК РФ (ответственность условно осужденных), которые на законодательном уровне устанавливают обязанность для всех условно осужденных возмещать вред, причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда, и правовые последствия в случаях неисполнения данной обязанности. Исходя из указанной позиции законодателя, обязанность условно осужденного по возмещению вреда вытекает независимо от указания об этом в качестве отдельной обязанности, что обосновывается подп. 2 п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

На основании положений, предусмотренных ч. 1 ст. 190 УИК РФ, при уклонении условно осужденного от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, путем сокрытия имущества, доходов, уклонения от работы или иным способом уголовно-исполнительная инспекция предупреждает его в письменной форме о возможности отмены условного осуждения. Уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлением, признается также невозмещение такого вреда по неуважительным причинам.

В случае неисполнения данной обязанности с момента, когда подучетному разъяснены его права, обязанности и ответственность, необходимо начинать отчет периода времени, в течение которого его действия следует признавать как уклонение.

Действующие правовые нормы не дают ответа на вопрос о том, в течение какого периода действия осужденного по неисполнению им обязанности возмещать причиненный вред следует признавать уклонением.

В научной литературе данному вопросу уделено крайне мало внимания, при этом имеющиеся работы не позволяют сформировать однозначную позицию. Основная теоретическая концепция заключается в том, что уклонение – это категория, которая не требует анализа и трактуется как очевидная, как единичное (разовое) невыполнение обязанности без веских причин. По мнению М. А. Кауфман, приведенные выше выводы не отображают ключевого признака уклонения – продолжительности (длительности) времени, в течение которого обязанность не была исполнена [6].

По нашему мнению, подход к признанию уклонением действий (бездействий) осужденного по возмещению вреда должен включать в себя объективные предпосылки, то есть у условно осужденного должна быть объективная возможность возмещать вред или принимать меры к погашению задолженности. Данные выводы сформулированы на основе правоприменительной практики. Например, такие обстоятельства отсутствия имущества, за счет которого можно возместить вред, затруднительное материальное положение, отсутствие возможности трудиться в связи с состоянием здоровья, наличие нескольких иждивенцев, могут возникнуть и после вынесения обвинительного приговора. Может сложиться ситуация, когда у условно осужденного отсутствуют сведения о потерпевшем, каким образом ему производить возмещение вреда (адрес, банковские реквизиты), также исполнительное производство на момент постановления осужденного может быть не возбуждено. Указанные обстоятельства могут повлиять на длительность процесса исполнения данной обязанности условно осужденным и во временном порядке не определены. При этом проверка доводов осужденного осуществляется персоналом контролирующего его поведения органа, во взаимодействии с судебными приставами-исполнителями территориального органа.

Информация об имеющейся у условно осужденного задолженности по исполнительным документам о возмещении вреда, причиненного преступлением, может представляться потерпевшим непосредственно в контролирующий орган.

С момента, когда все перечисленные выше обстоятельства, препятствующие надлежащему возмещению вреда, будут исключены, сотрудники уголовно-исполнительной инспекции должны исходить из положения, что условно осужденный должен и обязан принять меры к возмещению вреда (полностью или частично), и в случае непринятия надлежащих мер поведение лица необходимо рассматривать как уклонение.

Возникает обоснованный вопрос: в течение какого срока данная обязанность должна быть исполнена? На ум сразу приходит формулировка «в разумный срок». Понятие «разум-

ный срок» является оценочным, нормативно не урегулировано, в связи с чем определяется сотрудником инспекции исходя из объективных обстоятельств. Разумный срок, в течение которого лицо обязано возместить вред, принять меры к его возмещению, необходимо документально зафиксировать. Предупреждение об отмене условного осуждения как мера принуждения должно быть применено при неисполнении обязанности в течение срока, который документально зафиксирован сторонами [7].

Законодатель в ч. 2 ст. 190 УИК РФ предусмотрел ситуации, когда в случае неисполнения условно осужденным обязанности по возмещению вреда, предусмотренной ч. 4 ст. 188 УИК РФ, а также при наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о целесообразности возложения на условно осужденного дополнительных обязанностей, уголовно-исполнительная инспекция обращается в суд с соответствующим представлением. Суд может возложить на осужденного обязанности трудоустроиться, ежемесячно производить выплаты в конкретных суммах, отчитываться в инспекции и др. Решение суда по данному вопросу условно осужденный должен обязательно получить под подпись.

Практика показывает, что действующие сотрудники уголовно-исполнительных инспекций последовательно применяют данные меры реагирования, что является дополнительным средством воздействия на условно осужденного.

УК РФ, УИК РФ и ведомственные нормативные акты, в частности Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества», не регламентируют вопрос о том, в течение какого срока обязанность по возмещению вреда после вынесения предупреждения или установления дополнительной обязанности должна быть исполнена.

Следующей мерой реагирования в связи с неисполнением решения суда должно быть обращение в суд о продлении испытательного срока и принятие решения по нему. Условно осужденный должен обязательно получить под подпись данное решение суда. Сотрудники инспекций обязаны контролировать исполнение решения суда, а осужденные – предоставлять сведения об исполнении обязанности суда.

В случае если осужденный в течение 30 дней уклоняется и не принимает мер к возмещению вреда, что свидетельствует о систематичном характере уклонения, в соответствии с ч. 4 ст. 190 УИК РФ и ч. 2.1 ст. 74 УК РФ условное осуждение может быть отменено, и осужденный направлен к отбытию наказания. После продления испытательного срока выносить письменное предупреждение не требуется, поскольку неисполнение обязанности по возмещению вреда после продления испытательного срока является уже систематическим.

С момента направления представления и до его рассмотрения течение испытательного срока не приостанавливается, мероприятия по контролю за поведением условно осужденного продолжают. Все полученные новые сведения об исполнении данной обязанности должны быть представлены на судебное заседание. В ходе заседания факты неисполнения возложенных на него обязанностей, в том числе до объявления условно осужденному предупреждения, продления ему испытательного срока, возложения на него дополнительных обязанностей, должны быть учтены судом в соответствии с п. 11.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

Частое применение меры принуждения в виде предупреждения нивелирует неотвратимость и размывает строгость правовых последствий, которые должны следовать в случае уклонения (злостного) от обязанности возмещать вред.

Результаты исследования показали, что в процессе применения мер принуждения к условно осужденному, не исполняющему обязанность по возмещению (полностью либо частично) вреда, имеется правовой пробел в части неопределенности срока, в течение которого сотрудники уголовно-исполнительной инспекции после вынесения письменного предупреждения об отмене условного осуждения, возложения судом дополнительной обязанности могут применять последующие меры реагирования.

Для разрешения выявленного пробела, на наш взгляд, необходимо учесть два момента. Во-первых, принять во внимание позицию о разумном сроке исполнения обязанности по возмещению вреда после вынесения осужденному предупреждения. Во-вторых, положения ч. 5 ст. 190 УИК РФ раскрывают сущность систематического неисполнения обязанностей, возложенных судом. Так, действия (бездействия) осужденного, уклоняющегося от обязанности возмещать ущерб, после продления ему испытательного срока необходимо признавать систематическими, если они имеют место в течение 30 дней.

Полагаем, что после вынесения условно осужденному письменного предупреждения, возложения на него дополнительной обязанности срок в размере 30 дней будет достаточным и разумным, для того чтобы принять меры к возмещению вреда потерпевшему.

Для повышения продуктивности в данном направлении между ФСИН России и ФССП России заключено межведомственное соглашение от 25.11.2015 № 0001/43/01-81180, в рамках которого в части принятия мер к лицам, уклоняющимся от возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, установленном решением суда, на инспекции, их филиалы и подразделения территориальных органов ФССП России возлагаются определенные обязанности. Взаимодействие заключается в постоянном и систематическом обмене информацией о количестве осужденных, ходе и результатах совместной деятельности по возмещению вреда.

Анализ организационных основ взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и территориальных органов ФССП России позволяет сделать вывод о том, что указанное соглашение не предусматривает урегулирование отдельных ситуаций, связанных с возмещением вреда осужденными. Такими примерами являются случаи, когда условно осужденный поставлен на учет в инспекции, однако исполнительное производство территориальными органами ФССП России не возбуждено. В данном случае имеет место односторонний обмен информацией и принятие усилий по исполнению приговора суда только со стороны уголовно-исполнительных инспекций. В этой связи полагаем, что указанное соглашение должно быть дополнено отдельными положениями, предусматривающими организационные механизмы взаимодействия для разрешения подобных ситуаций.

На основании изложенного необходимо резюмировать, что в процессе реализации уголовно-исполнительными инспекциями функции по обеспечению возмещения вреда условно осужденными остаются правовые и организационные вопросы, которые не урегулированы на уровне законодательства, подзаконных актов, ведомственных инструкций и межведомственных соглашений. В рамках настоящего исследования нами предложены отдельные меры и пути решения данной проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистические сведения. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 31.10.2023).
2. Губайдуллина Э. М. Условно осуждение в системе мер уголовно-правового характера : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 239 с.

3. Кириловский О. В., Шаромова А. А. Правовые и организационные недостатки деятельности уголовно-исполнительных инспекций по контролю за условно осужденными // *Ius Publicum et Privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права* 2022. № 3 (18). С. 152–161.
4. Советское уголовное право. Часть общая : учеб. пособие / под ред. М. Д. Шаргородского и Н. А. Беляева. Л., 1960. 587 с.
5. Ткачевский Ю. М. Избранные труды. СПб., 2010. 595 с.
6. Кауфман М. А. Уклонение от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного при условном осуждении и условно-досрочном освобождении от наказания: понятие, признаки, правовые последствия // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 3. С. 59–65.
7. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : практич. пособие / Н. А. Агешкина и др. Саратов, 2018. 1160 с.

REFERENCES

1. *Statisticheskie svedeniya* [Statistical information]. Available at: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (accessed October 31, 2023).
2. Gubaidullina E.M. *Uslovnnoe osuzhdenie v sisteme mer ugolovno-pravovogo kharaktera: dis. ... kand. yurid. nauk* [Probation in the system of measures of a criminal legal nature: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Kazan, 2015. 239 p.
3. Kirilovskii O.V., Sharomova A.A. Legal and organizational shortcomings in the activities of penal inspectorates for supervision of conditionally sentenced. *Ius Publicum et Privatum: setevoi nauchno prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2022, no. 3 (18), pp. 152–161. (In Russ.).
4. *Sovetskoe ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Soviet criminal law. General Part]. Ed. by Shargorodskii M.D., Belyaev N.A. Leningrad, 1960. P. 147.
5. Tkachevskii Yu.M. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Saint Petersburg, 2010, 595 p.
6. Kaufman M.A. Evasion from fulfilling the duties imposed by the court on a convicted person during probation and parole: concept, signs, legal consequences. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2019, no. 3, pp. 59–65. (In Russ.).
7. Ageshkina N.A. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ* [Scientific and practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996]. Available at: <https://internet.garant.ru> (accessed December 6, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЕГ ВАЛЕРЬЕВИЧ КИРИЛОВСКИЙ – кандидат юридический наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, kirilovskiy77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>

OLEG V. KIRILOVSKII – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Vologda, Russia, kirilovskiy77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>

Статья поступила 15.12.2023

Научная статья

УДК 342.92

doi 10.46741/27132811.2024.26.2.004

Ветеринарно-санитарная экспертиза на объектах уголовно-исполнительной системы

АННА ВИКТОРОВНА КОРЕПИНА

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, annakorepina_mgua35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5854-3492>

Аннотация. В условиях проводимой в отношении Российской Федерации санкционной политики вопросы качества продукции приобретают особое значение. Обеспечение продовольственной безопасности, от которой зависит здоровье нации, выступает важной стратегической задачей социально-экономического развития общества. Одним из инструментов, направленных на защиту жизни и здоровья служащих уголовно-исполнительной системы, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в ее учреждениях, а также иных лиц, находящихся на территориях пенитенциарных учреждений, является ветеринарно-санитарная экспертиза. Научное обоснование правовой природы ветеринарно-санитарной экспертизы, ее места в системе государственного управления, а также роли в обеспечении продовольственной безопасности на объектах уголовно-исполнительной системы является целью настоящей статьи.

Ключевые слова: ветеринарно-санитарная экспертиза; продовольственная безопасность; качество пищевой продукции; уголовно-исполнительная система; ветеринарная служба; ветеринарные правила; ветеринарный контроль (надзор).

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Корепина А. В. Ветеринарно-санитарная экспертиза на объектах уголовно-исполнительной системы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 40–46. doi 10.46741/27132811.2024.26.2.004.

Original article

Veterinary and Sanitary Examination at Penitentiary Facilities

ANNA V. KOREPINA

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, annakorepina_mgua35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5854-3492>

Abstract. In the context of the sanctions policy being pursued against the Russian Federation, product quality issues are of particular importance. Ensuring food security, which the health of the nation depends on, is an important strategic task for the socio-economic development of society. Veterinary and sanitary expertise is one of the tools aimed at protecting the life and health of employees of the penal system, suspected, accused and convicted persons held in its institutions, as well as other persons located on their territories. Scientific substantiation of the legal nature of veterinary and sanitary expertise, its place in the system of public administration, as well as its importance in ensuring food security at penitentiary facilities, is the purpose of this article.

Keywords: veterinary and sanitary expertise; food safety; food product quality; penal system; veterinary service; veterinary rules; veterinary control (supervision).

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Korepina A.V. Veterinary and sanitary examination at penitentiary facilities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 40–46. doi 10.46741/27132811.2024.26.2.004.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, содержит важное положение, согласно которому защита жизни и здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в ее учреждениях, является одной из приоритетных задач, направленных на обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы. Его реализация основана на конституционной норме, провозглашающей государство социальным, где здоровье граждан признается неотъемлемой ценностью, подлежащей охране.

Здоровье человека напрямую зависит от качества продукции, ее безопасности. Под безопасностью продукции, реализуемой в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, следует понимать состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни и здоровью служащих уголовно-исполнительной системы, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в ее учреждениях, а также иных лиц, находящихся на их территориях. Исключение указанного риска возможно посредством применения обязательных для исполнения ветеринарно-санитарных мер. Одной из них является ветеринарно-санитарная экспертиза, которая признается «единственным способом верно оценить качество пищевой продукции» [1, с. 38].

Правовые основы регулирования отношений в области организации и проведения ветеринарно-санитарной экспертизы на объектах уголовно-исполнительной системы заложены в Законе Российской Федерации от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии». Данный правовой акт не формулирует понятие экспертизы, он лишь перечисляет объекты, подлежащие ей (мясо, мясные и другие продукты убоя (промысла) животных, молоко, молочные продукты, яйца, иная продукция животного происхождения), и указывает цели ее проведения (определение пригодности перечисленных объектов к использованию для пищевых целей). Вместе с тем правовой институт ветеринарно-санитарной экспертизы имеет широкое распространение в законодательстве и правоприменительной практике. Проблемы реализации положений о данной экспертизе нередко становятся предметом судебных разбирательств.

Обращение к научной литературе, посвященной вопросам организации ветеринарно-санитарной экспертизы, показало недостаточность исследований, посвященных проблемам реализации данного института в праве. Обусловлено это тем, что ветеринарно-санитарная экспертиза выступает объектом изучения специальной науки – ветеринарии. В этой области внимание ученых сосредоточено на практической деятельности специалистов, направленной на оценку качества и безопасности продуктов животного и растительного происхождения и связанной с применением необходимых методов санитарно-гигиенического исследования продуктов [2–5].

В юриспруденции ветеринарно-санитарная экспертиза подлежит применению как специальный метод криминалистики для установления обстоятельств уголовных дел, который способствует ускорению процесса выявления преступлений (правонарушений) против общественной безопасности [6, с. 149]. Для характеристики данного правового явления используется особый термин «судебная санитарно-ветеринарная экспертиза», под которой понимается «исследование на основе научных ветеринарных знаний для дачи объективного заключения в следственном и судебном процессах» [7, с. 5].

Однако за рамками научных исследований остаются вопросы организации государственного управления в данной области. Ветеринарно-санитарная экспертиза служит средством достижения одной из важных целей государственного управления – обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации. Качественная и безопасная пищевая продукция, развитие производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, которые соответствуют установленным санитарно-эпидемиологическим, ветеринарным и иным требованиям, признаны национальными приоритетами развития российского общества согласно Указу Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

Целевое предназначение данного правового института напрямую связано с деятельностью входящих в единую систему Государственной ветеринарной службы Российской Федерации органов исполнительной власти, среди которых особое место занимает ветеринарная служба Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). На объектах уголовно-исполнительной системы ветеринарно-санитарная экспертиза проводится с целью обеспечения поступления для нужд уголовно-исполнительной системы качественной продукции животного и растительного происхождения.

Организационная структура, а также порядок деятельности и финансовое обеспечение ветеринарной службы ФСИН России регламентируются Приказом ФСИН России от 01.11.2018 № 999 «Об утверждении Положения о ветеринарной службе Федеральной службы исполнения наказаний». Ежегодно мероприятия по организации и проведению ветеринарно-санитарной экспертизы включаются в план ветеринарного обеспечения, который разрабатывается и утверждается руководителем территориального органа уголовно-исполнительной системы по согласованию с начальником ветеринарной службы ФСИН России.

Основные задачи ветеринарной службы связаны с защитой служащих уголовно-исполнительной системы, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в ее учреждениях, а также иных лиц, находящихся на их территориях, от болезней, общих для человека и животных, и осуществлением мероприятий, направленных на предупреждение и ликвидацию заразных и иных болезней животных, используемых на объектах уголовно-исполнительной системы. Как отмечает В. С. Лойко, организация деятельности ветеринарной

службы ФСИН России предусматривает комплексный подход к проведению мероприятий, направленных на обеспечение эпизоотического благополучия, выполнение лечебно-профилактических и противозооотических мероприятий [8, с. 50].

Проведение ветеринарно-санитарной экспертизы осуществляется ветеринарными службами в рамках закрепленных за ними полномочий по осуществлению государственного ветеринарного контроля (надзора). Обусловлено это тем, что в процессе ее организации решаются вопросы, связанные с установлением соответствия объекта экспертизы обязательным требованиям, содержащимся в нормативных правовых актах, действующих в области ветеринарии. По результатам ветеринарно-санитарной экспертизы оформляется заключение о соответствии пищевой продукции требованиям ветеринарных правил и норм. Положительное заключение является основанием для выдачи органами исполнительной власти ветеринарных сопроводительных документов.

Данный аспект в понимании ветеринарно-санитарной экспертизы соответствует законодательству ЕАЭС. Российская Федерация как его участник обязана соблюдать требования технических регламентов в сфере обращения пищевой продукции, которые имеют прямое действие на ее территории. Нормативно-правовой характер технических регламентов, их обязательность и непосредственное применение, а также исполнимость без каких-либо изъятий особо подчеркнуты Судом Евразийского экономического союза (Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 11.07.2023 № P-2/23 «По заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 и отдельных решений органов Евразийского экономического союза»), а также Верховным Судом Российской Федерации (Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза, утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации).

В юридической литературе технические регламенты подразделяются на горизонтальные и вертикальные [9, с. 140–157]. Такая классификация применяется и при систематизации технических регламентов в сфере обращения пищевой продукции [10, с. 247]. Одним из наиболее объемных среди пищевых технических регламентов является Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (ТР ТС 021/2011). В нем ветеринарно-санитарная экспертиза определена в качестве формы оценки (подтверждения) соответствия пищевой продукции требованиям технических регламентов, что является составной частью контрольно-надзорной деятельности государства. Вертикальные технические регламенты (ТР ТС 015/2011, ТР ТС 033/2013, ТР ТС 034/2013, ТР ЕАЭС 040/2016, ТР ЕАЭС 051/2021) содержат бланкетные нормы, отсылающие в этой части к ТР ТС 021/2011.

Межгосударственный и национальный подходы к регламентации вопросов организации ветеринарно-санитарной экспертизы позволяют рассматривать данный правовой институт как часть системы государственного управления, что соответствует ее целевому назначению. Действительно, любого рода экспертиза в сфере государственного управления представляет собой профессиональный инструмент оценки юридически значимых обстоятельств, фактов, необходимых для принятия государственно-управленческих решений. Однако, на наш взгляд, данное определение не совсем точно отражает основу содержания ветеринарно-санитарной экспертизы. Используемый термин «оценка соответствия» указывает на предмет экспертизы, а не на действия специалиста, связанные с ее проведением. Поэтому важным в характеристике содержания ветеринарно-санитарной экспертизы видится определение ее как исследования. Обращение к ветеринарным правилам назна-

чения и проведения ветеринарно-санитарной экспертизы (приказы Минсельхоза России от 28.04.2022 № 269, от 24.11.2021 № 793, от 28.06.2021 № 421, от 24.11.2021 № 794) подтверждает правильность такого вывода. Согласно им в содержание ветеринарно-санитарной экспертизы включены действия специалистов Государственной ветеринарной службы, направленные на подготовку объектов экспертизы к проведению исследований, их исследование и принятие решения по результатам проведенных исследований.

В этой связи наиболее удачным представляется формулировка ветеринарно-санитарной экспертизы, которая дана в Законе Московской области от 08.06.2006 № 87/2006-ОЗ «О ветеринарии в Московской области». В нем она определяется как «комплекс обязательных исследований продукции животного происхождения на всех этапах ее производства и обращения, а также реализуемой на продовольственных рынках и в других местах организованной торговли продукции животного и растительного происхождения, непромышленного изготовления по показателям безопасности, проводимых государственной ветеринарной службой Московской области в соответствии с техническими регламентами, ветеринарными правилами и иными нормативными правовыми актами». Такая формулировка соответствует и модельному законодательству СНГ в этой области. В частности, в Модельном законе СНГ о пчеловодстве под ветеринарно-санитарной экспертизой понимается комплекс необходимых лабораторных и специальных исследований, которые проводятся специалистами в области ветеринарии на предмет безопасности продуктов животного происхождения, репродуктивного материала, биологических продуктов, субстанций.

Таким образом, правовое регулирование общественных отношений в сфере организации проведения ветеринарно-санитарной экспертизы на объектах уголовно-исполнительной системы осуществляется в рамках ветеринарного законодательства. Институт ветеринарно-санитарной экспертизы выступает составной частью организации государственного управления в области ветеринарии, целью которого является обеспечение поступления для нужд уголовно-исполнительной системы качественной продукции животного и растительного происхождения. Вопросы реализации мероприятий, направленных на предупреждение заразных и иных болезней животных, передающихся через подконтрольные товары, а также пищевых отравлений служащих уголовно-исполнительной системы, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, возложены на ветеринарную службу ФСИН России, которая входит в единую систему Государственной ветеринарной службы Российской Федерации.

Отсутствие в законодательстве единой нормативной дефиниции ветеринарно-санитарной экспертизы позволило нам на основе полученных выводов сформулировать понятие ветеринарно-санитарной экспертизы на объектах уголовно-исполнительной системы и определить ее как организуемую ФСИН России деятельность специалистов в области ветеринарии по проведению исследований продукции животного и растительного происхождения, а также кормов и кормовых добавок для животных, результаты которых подтверждают качество и безопасность пищевой продукции, реализуемой на объектах уголовно-исполнительной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева М. В., Васильева М. А. Ветеринарно-санитарная экспертиза как платформа обеспечения продовольственной безопасности в ЕАЭС // Цифровая экономика – инструмент и среда общественного развития : сб. материалов междунар. науч.-практ.

- конф. (Псков, 18–19 мая 2021 г.) / отв. ред. М. А. Николаев, А. В. Стрикунов. Псков, 2021. С. 35–40.
2. Бухтиярова И. П., Волощук А. С., Смержевский С. С. Ветеринарно-санитарная экспертиза молока и молочных продуктов // *Промышленность и сельское хозяйство*. 2023. № 7 (60). С. 36–39.
3. Грибанова Е. И. Ветеринарно-санитарная экспертиза масла животного происхождения от различных производителей // *Проблемы ветеринарной санитарии, гигиены и экологии* : сб. науч. тр. 2023. № 120. С. 40–45.
4. Гундарева А. Н. Ветеринарно-санитарная экспертиза меда, реализуемого в торговой сети // *Инновационная наука*. 2023. № 11–1. С. 147–149.
5. Якунчикова К. Н., Лашкова В. А. Особенности ветеринарно-санитарной экспертизы рыбы, водных беспозвоночных и рыбной продукции согласно новым ветеринарным правилам // *Вопросы нормативно-правового регулирования в ветеринарии*. 2021. № 4. С. 27–29.
6. Васильева М. А. Ветеринарно-санитарная экспертиза как специальный метод криминалистики (на примере расследования преступлений против общественной безопасности) // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 12 (180). С. 149–151.
7. Судебная ветеринарно-санитарная экспертиза / А. А. Кунаков, И. Г. Серегин, Г. А. Таланов [и др.]. М., 2011. 400 с.
8. Лойко В. С., Лазаренко Л. В. Задачи ветеринарной службы ФСИН России // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2017. № 5 (180). С. 46–50.
9. Лукьянова В. Ю. Технический регламент в системе российского законодательства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. 208 с.
10. Якубова Э. В., Дрижд Н. А. Технический регламент как инструмент обеспечения безопасности пищевых продуктов // *Университетская наука – региону* : материалы II ежегод. науч.-практ. конф. Сев.-Кавказ. федер. ун-та (Ставрополь, 7–28 апреля 2014 г.) / под ред. Л. И. Ушвицкого, Н. Н. Яковенко. Ставрополь, 2014. С. 246–251.

REFERENCES

1. Vasil'eva M.V., Vasil'eva M.A. Veterinary and sanitary expertise as a platform for ensuring food security in the EAEU. In: Nikolaev M.A., Strikunov A.V. (Eds.). *Tsifrovaya ekonomika – instrument i sreda obshchestvennogo razvitiya: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Pskov, 18–19 maya 2021 g.)* [Digital economy – a tool and environment for social development: collection of materials of the international scientific and practical conference (Pskov, May 18–19, 2021)]. Pskov, 2021. Pp. 35–40. (In Russ.).
2. Bukhtiyarova I.P., Voloshchuk A.S., Smorzhevskii S.S. Veterinary and sanitary examination of milk and dairy products. *Promyshlennost' i sel'skoe khozyaistvo = Industry and Agriculture*, 2023, no. 7 (60), pp. 36–39. (In Russ.).
3. Gribanova E.I. Veterinary and sanitary examination of oils of animal origin from various manufacturers. In: *Problemy veterinarnoi sanitarii, gigieny i ekologii: sb. nauch. tr.* [Problems of veterinary sanitation, hygiene and ecology: collection of scientific works]. 2023. No. 120. Pp. 40–45. (In Russ.).
4. Gundareva A.N. Veterinary and sanitary examination of honey, implemented in the retail network. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*, 2023, no. 11–1, pp. 147–149. (In Russ.).
5. Yakunchikova K. N., Lashkova V. A. Features of veterinary and sanitary examination of fish, aquatic invertebrates and fish products according to the new veterinary rules. *Voprosy normativno-pravovogo regulirovaniya v veterinarii = Legal Regulation in Veterinary Medicine*, 2021, no. 4, pp. 27–29. (In Russ.).
6. Vasil'eva M.A. Veterinary and sanitary expertise as a special method of criminalistics (on the example of investigating crimes against public safety). *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2019, no. 12 (180), pp. 149–151. (In Russ.).

7. Kunakov A.A., Seregin I.G., Talanov G.A., et al. *Sudebnaya veterinarno-sanitarnaya ekspertiza* [Forensic veterinary and sanitary examination]. Moscow: 2011. 400 p.
8. Loiko V.S., Lazarenko L.V. Tasks of the veterinary service of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Vedomosti uголовно-исполнител'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2017, no. 5 (180), pp. 46–50. (In Russ.).
9. Luk'yanova V.Yu. *Tekhnicheskii reglament v sisteme rossiiskogo zakonodatel'stva* [Technical regulations in the system of Russian legislation]. Moscow, 2017. 208 p.
10. Yakubova E.V., Drizhd N.A. Technical regulations as a tool for ensuring food safety. In: Ushvitskii L.I., Yakovenko N.N. (Eds). *“Universitetskaya nauka – region”: materialy II ezhegod. nauch.-prakt. konf. Sev.-Kavkaz. feder. un-ta (Stavropol', 7–28 aprelya 2014 g.)* [“University science for the region”: materials of the IIth annual scientific and practical conference of the North Caucasian Federal University (Stavropol, April 7–28, 2014)]. Stavropol, 2014. Pp. 246–251. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АННА ВИКТОРОВНА КОРЕПИНА – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, annakorepina_mgua35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5854-3492>

ANNA V. KOREPINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, annakorepina_mgua35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5854-3492>

Статья поступила 06.03.2024

Научная статья

УДК 342.95

doi 10.46741/27132811.2024.26.2.005

Принцип патриотизма как метапарадигма современного российского административного конституционализма

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Аннотация. В статье обосновываются выводы о том, что патриотизм как метапарадигма русской конституционной государственности направлен на сохранение баланса интересов личности, общества и государства на основе традиционных правовых ценностей и культуры российского общества. В этой связи спектр целей развития российского государства должен быть определен политическими решениями и подкреплен официально закрепленной в Конституции Российской Федерации идеологией Русского мира (Русской цивилизации), в которой основное место должно быть уделено реализации метапарадигмы русского государственного патриотизма как мировоззренческой основы государственного конституционного строя нашей страны.

Ключевые слова: патриотизм; административный конституционализм; публичное управление; права и свободы человека и гражданина.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Нагорных Р. В. Принцип патриотизма как метапарадигма современного российского административного конституционализма // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 2 (26). С. 47–53. doi 10.46741/27132811.2024.26.2.005.

Original article

Patriotism Principle as a Meta-Paradigm of Modern Russian Administrative Constitutionalism

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Abstract. The article substantiates the conclusions that patriotism as a meta-paradigm of Russian constitutional statehood is aimed at maintaining a balance of interests of the individual, society and the state based on traditional legal values and culture of Russian society. Russian state development goals should be determined by political decisions and supported by the Russian world ideology (Russian civilization) officially enshrined in the Constitution of the Russian Federation, in

which the main place should be given to the implementation of the meta-paradigm of Russian state patriotism as the ideological basis of the state constitutional system of our country.

Keywords: patriotism; administrative constitutionalism; public administration; human and civil rights and freedoms.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Nagornykh R.V. The principle of patriotism as a meta-paradigm of modern Russian administrative constitutionalism. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 47–53. doi 10.46741/27132811.2024.26.2.005.

Патриотизм (от греч. πατριώτης – «соотечественник», πατρίς – «родина», «отечество») имеет много значений, однако чаще всего понимается как социальное чувство любви, привязанности к родине, преданность ей и готовность к жертвам ради нее, осознанная любовь к своему народу, его традициям.

В философской и исторической литературе патриотизм противопоставляется космополитизму и отвергается универсалистской этикой, полагающей, что человек в одинаковой мере связан нравственными узами со всем человечеством без изъятия. Эта зародилась еще в Древней Греции. Киник Диоген первым описал себя как космополита, то есть гражданина мира.

Марк Туллий Цицерон, Луций Анней Сенека, Марк Аврелий Антонин и другие римские мыслители, рассуждая об общем благе и республике (от лат. res publica – общее дело) и империи (от лат. imperium, imperare – командовать), провозглашали патриотизм как основу государственности:

– «Нам дороги родители, дороги дети, близкие, родственники; но все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове «отчизна». Какой честный человек станет колебаться умереть за нее, если он может принести этим ей пользу?» (Цицерон);

– «Любят родину не за то, что она велика, а за то, что своя» (Сенека Луций Анней (Младший));

– «Для меня, как Антонина, град и отечество – Рим, как человека – мир. И только полезное этим двум градам есть благо для меня» (Марк Аврелий).

Иное значение патриотизм приобрел в эпоху Возрождения. Европейские мыслители XVIII в. во многом отождествляли патриотизм с политикой государства, а точнее с поддержкой населением официальной государственной политики. Они утверждали, что патриотические чувства и деятельность людей, с одной стороны, зависят от государства и его политики, а с другой – сами определяют правосознание и правовую культуру и тем самым оказывают прямое влияние на государство и его политику. Например, Гегель рассматривал патриотизм как абсолютное доверие государству и «готовность отдать свое достоинство и жизнь ради целого в народе» [1, с. 70].

Именно в справедливой государственной политике, правовых законах, закрепляющих и охраняющих общее благо и общенациональные ценности, просветители видели основную причину, порождающую патриотизм [2].

В эпоху Североамериканской и Великой французской революций понятие «патриотизм» приобрело несколько иное значение и отождествлялось с национализмом при политическом (неэтническом) понимании нации. В этой связи во Франции и Америке в тот период патриот был синонимом революционера. Символами же этого революционного па-

триотизма являются «Декларация независимости» и «Марсельеза». Патриотизм стал противопоставляться национализму как приверженность стране (территории и государству) приверженности человеческой общности (нации). В ряде случаев патриотами себя также называли защитники республики в противовес сторонникам монархии.

Следует заключить, что государство как наиболее организованная часть общества само по себе есть воплощение идеи патриотизма. Уже в древних государствах патриотизм признавался в качестве объединяющей идеи, на основе которой и выстраивались организационные внутригосударственные структуры (армия, полиция, тюремная страна, фискальная служба и т. п.).

В этой связи сегодня можно вспомнить знаменитую работу Ф. Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства», в которой идея патриотизма, по сути, отвергнута, а причины возникновения государственности у разных народов выведены из концепции экономической теории развития отношений частной собственности, упорядочения брачно-семейных и наследственных отношений, расслоения общества и, соответственно, появления государства на основе классовой теории.

Вместе с тем Ф. Энгельс приходит к важному выводу о том, что государство возникает в результате разложения родового строя, рода (разросшейся патриархальной семьи), в котором с ростом производственных отношений выделяются родовая знать, управленческая элита, классы и т. д. Это в свою очередь приводит к возникновению государства как продукта экономического расслоения родового патриархального строя. При этом патриотизм выступает в виде скрепы сложного протогосударственного социума (общины, рода, тейпа, верви и т. д.). В патриархальном родовом обществе, как отмечает Ф. Энгельс, «для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или уплата выкупа за нее правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, являются ли еда, сон, охота – правом или обязанностью?» [3, с. 71].

Патриотизм следует рассматривать в качестве универсального политического государствообразующего принципа, на основе которого формируется социальная общность людей, объединяемая преданностью родной земле, исторически сформировавшимся ценностям, национальному языку, истории, культуре, традициям и т. д.

В отечественной политической традиции патриотизм – основная форма политического консерватизма, которая зачастую отождествлялась с народностью. Известная с XIX в. формула «Православие, самодержавие, народность», сформулированная графом С. С. Уваровым, в известной степени служила антиподом европейского лозунга времен Великой французской революции «Свобода, равенство и братство».

Как ни парадоксально, но идеи французской революции также следует рассматривать как проявление патриотизма. В данном случае выдвинутый Шарлем Де Монтескье и ставший в дальнейшем основополагающей идеей традиционного европейского либерализма и конституционной демократии лозунг «Свобода, равенство и братство» есть ни что иное как проявление революционного национального патриотизма французов.

В современном мире идея патриотизма в философском, политическом, правовом и иных аспектах противопоставляется идее неоглобализма, не признающего национальный государственный суверенитет. Современный государственный патриотизм принимает ценность естественных либеральных прав и свобод человека и гражданина, а также традиционные моральные и нравственные ценности как основу правосознания людей в любом независимом и суверенном государстве.

В свою очередь, конституция государства как основной закон есть позитивное воплощение идеи патриотизма в праве. Таковы все современные конституции и конституционные акты. Их основное предназначение – учредить само государство, выступить в качестве основного нормативного источника государственного образования.

Преамбула современной Конституции Российской Федерации провозглашает волю многонационального народа о возрождении суверенной государственности России именно на основе взаимопроникновения и взаимодополнения либеральных идей прав и свобод человека и патриотических идей (принципов) почитания памяти предков, любви и уважения к Отечеству, веры в добро и справедливость, ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

Конституция содержит большое количество норм, в которых в той или иной степени реализован принцип патриотизма. В частности, в России провозглашается демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ст. 1); человек, его права и свободы признаются высшей ценностью (ст. 2); объявляется государственный суверенитет Российской Федерации на всей ее территории, а сама конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации (ст. 4). Особое значение для реализации принципа патриотизма занимают новеллы, предусмотренные ст. 67.1, 68, 79 Конституции Российской Федерации, расширяющие пределы нормативного регулирования в части обеспечения традиционных исторических ценностей, государственного единства, почитания памяти защитников Отечества, воспитания гражданственности и патриотизма, повышения статуса русского языка как языка государствообразующего народа и др.

Патриотизм в Конституции Российской Федерации приобрел статус важнейшего конституционно-правового принципа, то есть стал обязательным конституционным требованием. Конституционный принцип патриотизма становится все более значимым с учетом его фактического политико-правового содержания. В традиционной системе соотношения законности и целесообразности в публичном управлении патриотизм играет роль правового баланса и стабилизирующего фактора. Патриотизм определяет цели и задачи национально-государственного развития нашей страны, его суверенное право самостоятельно определять содержание внешней и внутренней политики, осуществлять экономическое и социально-культурное развитие. Патриотизм как конституционный принцип закрепляет в том числе приоритет общественного над личным, коллективного над индивидуальным. Однако патриотизм признает и безусловную ценность отдельной личности. Права и свободы человека и гражданина, их соблюдение и защита также есть коллективная ценность всего социума (ст. 2).

Целесообразность публичного управления, рассматриваемого через призму принципа патриотизма, сегодня приобретает совершенно иной смысл. Господствовавшие до недавнего времени чисто капиталистические представления о целях государственного развития без учета интересов народа уходят в прошлое. Углубление и расширение социально-экономической и социально-культурной направленности государства, развитие отечественной промышленности, сельского хозяйства, финансовой системы, ЖКХ, национальных систем образования, науки, здравоохранения, культуры, социальной защиты есть также проявление принципа патриотизма как государственной политики в интересах всего российского общества.

Патриотизм как конституционный политико-правовой принцип требует от общества и государства усилий, направленных не просто на почитание памяти предков, а на разви-

тие русской государственности и цивилизации в настоящем и будущем. Патриотизм – это идея, которая определяет развитие нашей страны в качестве суверенного государства, в котором всем народам будут созданы необходимые условия для благополучной и безопасной жизни.

Патриотизм вообще и национально-государственный в частности всегда имеет уникальные особенности, обусловленные, прежде всего, спецификой народа – его носителя, и плохо вписывается в универсальные западные стандарты, на которых и строится современный глобализм.

В специальной литературе отмечается, что «освоение западного опыта ведет к появлению и развитию разнообразных национальных моделей модернизации, к множеству «модернизмов» на локальном уровне, отрицающих единый образец дальнейших преобразований и социальных инноваций» [4, с. 92]. Это обуславливает понимание патриотизма через национальные и исторические особенности народа – его носителя.

«Россия – превыше всего» – вот такое содержание принципа патриотизма следует позаимствовать из англо-американского политического дискурса XIX–XX в. [5] как своего рода аналог принципа американского патриотизма и исключительности «America First», которое сформулировал американский президент Вудро Вильсон еще в 1916 г. [6]. Чем мы хуже? Почему русские должны отказаться от своей национальной идентичности?

Конституционная демократическая модель современного российского государства обуславливает необходимость развития демократической архитектуры исполнительной власти, а точнее всей публично-правовой надстройки, осуществляющей организационную исполнительно-распорядительную деятельность в сфере управления делами общества и государства [7]. В этой связи принцип патриотизма как метапарадигма русской конституционной государственности детерминирует сохранение баланса интересов личности, общества и государства на основе традиционных правовых ценностей и культуры российского общества. При этом конституционно-правовой принцип патриотизма должен найти воплощение во всех отраслях права и законодательства.

Конституционализация отраслей права обуславливает требование закрепления в законодательстве и подзаконном регулировании патриотических ценностей, придания им смысла реального действия в российской государственно-правовой действительности. Одним из важных шагов в этом направлении следует считать принятие на уровне указа Президента Российской Федерации такого политико-правового акта, как Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации, а также внесение соответствующих изменений в ряд нормативных правовых актов в сфере образования и культуры, например в Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года.

Административный конституционализм обуславливает необходимость реализации конституционных положений о традиционных ценностях в законодательстве и подзаконном регулировании [8] (патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы и т. д.).

В заключение следует отметить, что рост русского (ни в коем случае ни российского, а именно русского) национального самосознания и национальной гордости должен привести к фундаментальной трансформации российского государства. Новеллы Конституции Российской Федерации 2020 г. о русском языке и русском народе как государствообразующих позволяют развернуть огромный спектр целей развития российского государства на ближайшую и отдаленную перспективу. Спектр целей развития российского государства должен быть определен политическими решениями и подкреплён официально закреплён-

ной в Конституции Российской Федерации идеологией Русского мира (Русской цивилизации), в которой основное место должно быть уделено реализации метапарадигмы русского государственного патриотизма как мировоззренческой основы государственного конституционного строя нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. статья, А. В. Гулыги. М., 1973. Т. 1. 630 с.
2. Азарова А. В. К вопросу об истории развития идеологии патриотизма в России // Вестник Военного университета. 2010. № 3 (23). С. 21–25.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1989. 222 с.
4. Оботурова Н. С. Трансформация марксистской теории государства в современной европейской социально-гуманитарной мысли // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4 (24). С. 89–92.
5. Churchwell S. 'America First' has more claim to our history than the 'American Dream. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2022/09/09/america-first-american-dream-trumpism/> (дата обращения: 04.02.2024).
6. Rubino R. Trump was not first to use the "America First" slogan. URL: https://www.huffpost.com/entry/the-etymology-of-america-first_b_5889767de4b0628ad613de3f (дата обращения: 04.02.2024).
7. Нагорных Р. В. О целях систематизации административного права и законодательства в условиях реализации доктрины административного конституционализма в современной России // Юридический мир. 2021. № 6. С. 50–54.
8. Нагорных Р. В. Трансформация предмета административного права в условиях становления административного конституционализма в современной России // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 20. М., 2020. С. 61–66.

REFERENCES

1. Hegel G. *Raboty raznykh let: v 2 t. T. 1* [Works of different years: in 2 volumes. Volume 1]. Moscow, 1973. 630 p.
2. Azarova A.V. To the question of history of the patriotic ideology development in Russia. *Vestnik Voennogo universiteta = Bulletin of the Military University*, 2010, no. 3 (23), pp. 21–25. (In Russ.).
3. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva: v svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana* [The origin of the family, private property, and the state: in the light of the researches of Lewis H. Morgan], Moscow, 1989. 222 p.
4. Oboturova N.S. Transformation of the Marxist theory of the state in modern European socio-humanitarian thought. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2013, no. 4 (24), pp. 89–92. (In Russ.).
5. Churchwell S. "America First" has more claim to our history than the American Dream. Available at: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2022/09/09/america-first-american-dream-trumpism/> (accessed February 4, 2024).
6. Rubino R. *Trump was not first to use the "America First" slogan*. Available at: https://www.huffpost.com/entry/the-etymology-of-america-first_b_5889767de4b0628ad613de3f (accessed February 4, 2024).
7. Nagornykh R.V. On Aims of Systematization of Administrative Law and Legislation in the Conditions of the Implementation of the Administrative Constitutionalism Doctrine in the Modern Russia. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2021, no. 6, pp. 50–54. (In Russ.).
8. Nagornykh R.V. Transformation of the subject of administrative law in the context of the formation of administrative constitutionalism in modern Russia. In: *Nauchnye trudy. Rossiiskaya*

akademiya yuridicheskikh nauk. Vypusk 20 [Scientific works. The Russian Academy of Legal Sciences. Issue 20]. Moscow, 2020. Pp. 61–66. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Статья поступила 05.02.2024

Научная статья

УДК 342.7

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.006

Охрана материнства и детства в местах принудительного содержания: актуальные вопросы правового регулирования

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ РУБЦОВ

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, dm.rubtsov@mail.ru

МАРИНА ОЛЕГОВНА ВИНОГРАДОВА

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, marina.vinogradova.05@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена специфика обеспечения конституционного принципа охраны материнства и детства в условиях деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, выявлены особенности современной нормативно-правовой базы, регламентирующей соответствующие отношения, обозначены существующие проблемы в данной сфере, осуществлена попытка сформулировать некоторые предложения по их минимизации.

Ключевые слова: охрана; материнство; детство; лишение свободы; уголовно-исполнительная система; правовое регулирование; беременные; малолетние дети.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Рубцов Д. И., Виноградова М. О. Охрана материнства и детства в местах принудительного содержания: актуальные вопросы правового регулирования // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 54–63. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.006.

Original article

Protection of Motherhood and Childhood in Places of Forced Detention: Topical Issues of Legal Regulation

DMITRII I. RUBTSOV

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, dm.rubtsov@mail.ru, <https://orcid.org/>

© Рубцов Д. И., Виноградова М. О., 2024

MARINA O. VINOGRADOVA

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia,
marina.vinogradova.05@mail.ru, <https://orcid.org/>

Abstract: The article studies the specifics of ensuring the constitutional principle of protection of motherhood and childhood in the context of the Russian penal system, identifies features of the modern regulatory framework governing the relevant relations, identifies existing problems in this area, and attempts to formulate some proposals to minimize them.

Key words: protection; motherhood; childhood; imprisonment; penal system; legal regulation; pregnant women; young children.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Rubtsov D.I., Vinogradova M.O. Protection of motherhood and childhood in places of forced detention: topical issues of legal regulation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 54–63. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.006.

Материнство и детство, являясь социальными институтами, определяют состояние общества и его развитие как в настоящее время, так и на перспективу в плане формирования здоровой нации, установления преемственности поколений, сохранения традиционных ценностей. В этой связи каждому государству, стремящемуся к обеспечению своего благополучия, важно охранять и гарантировать продуктивное функционирование данных институтов, главным образом, через ячейку общества – семью. Стоит согласиться с мнением о том, что семья – это основная социальная среда, в которой живет и развивается личность [1, с. 45]. Российская Федерация как социальное государство гарантирует сохранение и развитие семьи посредством законодательного закрепления принципов поддержки материнства, отцовства и детства, а также защиты семьи в Конституции Российской Федерации. Кроме того, 2024 г. в России объявлен президентом годом семьи [2] в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей.

Политика в области защиты материнства и детства реализуется во всех сферах жизни современного российского государства и общества, включая и сферу исполнения уголовных наказаний. К примеру, руководство ФСИН России активно осуществляет мероприятия в рамках исполнения программы и плана Десятилетия детства в России (2018–2027) [3; 4].

Однако реализация конституционных основ поддержки семейных ценностей в деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС) сталкивается с некоторыми проблемами. Трудность обеспечения материнства и детства обусловлена, во-первых, закрытым характером и специфичностью деятельности УИС, во-вторых, наличием у осужденных женщин ограничений отдельных прав человека и гражданина, дарованных как международным, так и внутригосударственным законодательством, в-третьих, режимом функционирования исправительных учреждений, в-четвертых, несовершенством отдельных правовых норм, регламентирующих аспекты исследуемой проблематики.

По состоянию на 1 января 2023 г., согласно статистическим данным ФСИН России, при женских колониях создано 13 домов ребенка, в которых находится примерно 500 детей [5]. Возможно, это не самый большой процент от населения страны, но именно женщины и

дети являются наиболее уязвимыми категориями и основой процветания здоровой нации. Таким образом, приведенные выше утверждения определяют актуальность исследуемого вопроса.

Наиболее важными направлениями в данной сфере являются:

- выявление особенностей современной нормативно-правовой базы, регламентирующей правовой статус осужденных женщин, а также детей, проживающих в домах ребенка при исправительных учреждениях;
- рассмотрение специфики реализации конституционного принципа охраны материнства и детства в условиях функционирования УИС, обозначение существующих проблем;
- осуществление попытки сформулировать некоторые предложения по минимизации существующих в исследуемой сфере проблем.

Нормативно-правовое обеспечение охраны материнства и детства имеет достаточно широкую базу.

Во-первых, это акты международно-правового характера. Например, Всеобщая декларация прав человека (ч. 2. ст. 25 «Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь»); Конвенция о правах ребенка (ст. 3 «Во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. Государства-участники обеспечивают, чтобы учреждения, службы и органы, ответственные за заботу о детях или их защиту, отвечали нормам, установленным компетентными органами»); Конвенция МОТ № 183 «О пересмотре конвенции (пересмотренной) 1952 г. «Об охране материнства» (регулирует вопросы охраны здоровья матери и ребенка, порядок предоставления отпуска по беременности и родам, различных пособий). Особого внимания в контексте исследуемой проблемы заслуживает такой нормативно-правовой акт, как Европейские пенитенциарные правила (далее Правила), которые содержат нормы специального характера и устанавливают возможность проведения родов вне учреждения принудительного содержания, однако там же предусмотрено условие реализации данной нормы – невозможность осуществления этой процедуры в пределах исправительного учреждения (ст. 28.1). Необходимо отметить, что указанный документ закрепляет очень важное, на наш взгляд, правило, запрещающее отмечать в свидетельстве о рождении ребенка факт того, что роды и его появление на свет проходили на территории учреждения, исполняющего наказание. Данные Правила содержат предписания, которые предоставляют матерям и их новорожденным детям дополнительные меры поддержки, касающиеся возможности их совместного оставления, при обеспечении специальных мер, обеспечивающих их устройство в яслях (ст. 28.2).

Следующий уровень правового регулирования поддержки материнства и детства составляет национальное законодательство России, в числе которого стоит отметить следующие нормативно-правовые акты:

1. Регламентирующие основы укрепления семьи, ее здоровья, а также ее государственной поддержки (Конституция Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, федеральные законы «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (гл. 6)).

2. Регламентирующие отдельные вопросы достойного обеспечения детства (Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.).

3. Федеральное законодательство, регламентирующее проблему поддержки материнства и детства непосредственно в процессе назначения и исполнения уголовных наказа-

ний (Уголовный кодекс Российской Федерации содержит норму об отсрочке отбывания наказания осужденным беременной женщине и женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет (ч. 1 ст. 82), также женщинам не назначаются наказания в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни (ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59). Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации закрепил особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осужденных женщин, имеющих детей (ст. 100). В отношении женщин УИК РФ предусматривает достаточно много льгот: например, получение неограниченного количества посылок и передач (п. «а» ч. 1 ст. 90), право краткосрочного выезда за пределы исправительных учреждений для устройства детей у родственников либо в детском доме, а также для свидания с ними (ч. 2 ст. 97). Считаем важным отметить, что летом 2023 г. в уголовно-исполнительное законодательство были внесены изменения. В частности, в ч. 1 ст. 100 УИК РФ был увеличен возраст нахождения детей в доме ребенка при исправительном учреждении с трех до четырех лет [6]. Реализация права на материнство и детство в условиях следственного изолятора гарантируется Федеральным законом Российской Федерации от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Согласно ст. 30 женщинам разрешается иметь при себе детей в возрасте до четырех лет, при этом должны быть созданы улучшенные материально-бытовые условия, организовано оказание медицинской помощи и установлены повышенные нормы питания и вещевого обеспечения. Прогулки для них не ограничиваются, водворение в карцер к ним не применяется.

4. Акты ведомственного характера, принятые в рамках исследуемой проблемы Приказом Минюста России от 28.12.2017 № 285 утвержден Порядок организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, в том числе женщинам и детям. Так, в учреждения УИС, при которых организованы дома ребенка, для оказания медицинской помощи направляются осужденные беременные женщины, желающие сохранить беременность, и женщины, совместно с которыми содержатся дети в возрасте до четырех лет. Оказание медицинской помощи детям осуществляется в доме ребенка, а при отсутствии возможности медицинская помощь оказывается в медицинских организациях. Приказом Минюста России от 16.08.2006 № 263 утвержден перечень исправительных учреждений, при которых организованы дома ребенка [7].

Таким образом, вопросы охраны материнства и детства в местах принудительного содержания в достаточной степени урегулированы не только на национальном и международном уровне.

Проводимые в современных условиях как ФСИН России, так и иными государственными и общественными организациями мероприятия по реализации принципа поддержки и обеспечения материнства и детства в целом соответствуют положениям проанализированных выше нормативно-правовых актов. Согласно Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4356-р, «с целью совершенствования и либерализации законодательства Российской Федерации в отношении женщин, в том числе женщин, имеющих детей, находящихся в местах лишения свободы за совершение нетяжких преступлений, внесены изменения в УК РФ, направленные на улучшение положения осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей».

Однако на практике возникают проблемы, препятствующие эффективному осуществлению мероприятий в рамках реализации поддержки материнства и детства.

Первая группа проблем связана с реализацией права на материнство в местах лишения свободы. Как правило, они бывают субъективного и объективного характера. Первые связаны с внутренним отношением женщины к статусу матери, причиной вторых становятся непосредственно условия отбывания наказания, в которых находится женщина.

Нежелание женщины исполнять роль матери и выполнять обязанности по воспитанию ребенка становятся центральной проблемой субъективного характера. В 2023 г. данную проблему подтвердили исследования психологов по вопросу отношения осужденных женщин к родительству. Результаты показали наличие проблем у 40 % опрошенных матерей со шкалой «принятие», у них прослеживается склонность к отталкиванию ребенка, они придерживаются стиля гиперсоциализации в воспитании детей. Также выявилось, что 37,5 % матерей руководствуются в воспитании своих детей негативными установками [8]. В последующем такое поведение матери провоцирует ослабление чувств к ребенку, а иногда и вовсе приводит к отказу от него. Также к числу проблем данной категории стоит отнести недостаточную осведомленность и неопытность женщин в вопросах материнства и воспитания детей, как правило, это характерно для женщин молодого возраста.

Проблемы объективного характера заключаются преимущественно в отсутствии женских ИУ в большинстве регионах страны. Как отмечает И. С. Онищенко, «на сегодняшний день незначительная часть женщин, осужденных к лишению свободы, отбывает наказание в пределах того субъекта Российской Федерации, в котором они проживали и были осуждены, ввиду ограниченного количества домов ребенка в ИУ и небольшого числа соответствующих учреждений, что также затрудняет реализацию своих прав большинством из них» [9, с. 5]. Кроме этого, на практике сложно обеспечить и совместное проживание осужденных женщин со своими детьми. Также проблемой объективного характера можно считать использование пособий на детей (поскольку дети, проживающие в домах ребенка, находятся на полном государственном обеспечении, матери расходуют денежные средства не по назначению, что нецелесообразно, если учесть тот факт, что эти выплаты понадобятся ребенку, когда он с матерью вернется обратно в общество) [10, с. 44].

Вторая группа проблем связана с реализацией права на детство в местах лишения свободы. В данном случае речь пойдет о детях, проживающих в домах ребенка при ИУ. Безусловно, подобные заведения для проживающих там воспитанников являются реальной возможностью остаться рядом с мамой и почувствовать родительскую заботу. Организация жизни в них устроена на достаточно хорошем уровне. Дети получают все необходимое в материально-бытовом плане. Проблемным остается вопрос именно психолого-педагогического воспитания. На сегодняшний день далеко не во всех женских колониях устроены дома ребенка, в связи с чем осужденных женщин, имеющих детей до четырехлетнего возраста, направляют для отбытия наказания в те места, где эти дома организованы. В силу удаленности ИУ от места проживания женщины осложняется вопрос с поддержанием социально полезных связей между близкими родственниками (отцом, бабушками и дедушками) и ребенком. Но не стоит забывать о том, что ребенок не отбывает уголовные наказания и в плане общения с семьей у него не должно быть никаких ограничений. Еще одним негативным моментом является то, что на детей, несмотря на фактическую изоляцию дома ребенка от территории ИУ, все же оказывает негативное влияние обстановка пенитенциарного учреждения. По словам руководителя благотворительного фонда «Протяни руку» Натальи Костиной, дети, проживающие в домах ребенка при ИУ, «это дети системы. Они воспитанные и приучены к порядку» [11]. Поначалу может показаться, что это неплохо. Но тот факт, что в доме ребенка как в социальном учрежде-

нии присутствует определенный режим функционирования, способствует подавлению в ребенке желания реализации собственного интереса к познанию мира. Наряду с этим негативно на эмоциональном состоянии ребенка может отразиться пребывание его матери долгое время в стрессовой ситуации, связанной со спецификой отбывания уголовного наказания.

Следующая проблема – положение данной категории детей «вне правового поля» отдельного законодательства Российской Федерации. Так, упомянутая нами выше Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г. к категории детей, нуждающихся в особой защите государства, не относит находящихся в домах ребенка при ИУ детей, речь ведется только о несовершеннолетних осужденных. Кроме этого, проблемным аспектом, на наш взгляд, стоит считать отсутствие домов ребенка при всех без исключения женских колониях, а также при колониях-поселениях. По этому поводу в 2021 г. Уполномоченный по правам человека в России Т. Москалькова выходила с предложением к руководству ФСИН России о содействии в разработке законопроекта об обязательном наличии домов ребенка в женских колониях и колониях-поселениях, где отбывают наказания женщины, имеющие малолетних детей [12].

Данные проблемы, возникающие в сфере обеспечения материнства и детства в местах принудительного содержания, далеко не единственные. Однако ФСИН России и представители общественности предпринимают посильные меры к их устранению. Так, Правительство Российской Федерации в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г. запланировало совершенствование законодательства Российской Федерации, направленного на обеспечение условий содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых женщин, имеющих несовершеннолетних детей.

Таким образом, обозначенные нами проблемы имеют как субъективную, так и объективную направленность. Первые наносят существенный вред, поскольку связаны с внутренним убеждением субъекта, повлиять на поведение которого невозможно без его собственного желания. Проблемы объективного характера, как правило, связаны с несовершенством законодательства в исследуемой сфере, а также обусловлены сложностями практики реализации установленных мер.

Рассмотрев некоторые проблемные аспекты реализации принципа поддержки материнства и детства в процессе исполнения уголовных наказаний, в целях выработки предложений по их решению следует выделить следующие направления работы:

- во-первых, исследование вопросов не только международного и национального, но и ведомственного нормотворчества в сфере обеспечения материнства и детства в местах лишения свободы, выявление актуальных и эффективных способов его рационализации;
- во-вторых, изучение проблемных аспектов правореализации в сфере охраны материнства и детства в местах принудительного содержания, а также выработка решений, позволяющих минимизировать негативные последствия имеющихся проблем.

Реализуя задачу нормативно-правового совершенствования охраны материнства и детства в исправительных учреждениях, необходимо:

- нормативно определить правовой статус ребенка, находящегося в специализированном учреждении при ИУ. Например, стоит рассмотреть возможность внести данную задачу в содержание новой Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации. Также необходимо учесть, что процесс регуляции отношений в сфере материнства и детства в условиях исправительного учреждения должен осуществляться не только уголовно-исполнительным законодательством;

– меры, направленные на объединение осужденных женщин, имеющих детей или беременных, в специальные отряды или группы в тех учреждениях, где есть дома ребенка, как это уже было рекомендовано в научных исследованиях [13]. Это позволит наладить эффективную воспитательную работу с указанными лицами в целях предотвращения тех проблем субъективного характера, о которых велась речь выше;

– усовершенствовать законодательство в вопросе досрочного освобождения от отбывания наказания тех женщин, которые достигли успехов в так называемом образцовом родительстве, определив его критерии на законодательном уровне и добавить его в перечень обстоятельств, учитываемых судом при рассмотрении ходатайства осужденного об УДО, в п. 4.1 ст. 79 УК РФ, пункт об «образцовом родительстве».

Достаточно важной частью практической работы по совершенствованию условий поддержки материнства и детства в местах лишения свободы является социальная и педагогическая деятельность воспитательных подразделений ИУ, которым необходимо проводить информационно-просветительскую работу по вопросам ухода за детьми, их воспитания и правильной коммуникации.

Для поддержания психологического здоровья беременных женщин, отбывающих наказания в ИУ, с целью исключения потенциального вреда будущему ребенку целесообразным считаем введение института доулы – помощницы женщины в родах и послеродовой период, в обязанности которой вошло бы оказание помощи эмоционального и информационного характера в процессе родов и послеродового периода. Стоит заметить, что услугами доулы по акушерскому сопровождению беременности и родов на сегодняшний день пользуются многие женщины, находящиеся на свободе.

Также для проработки проблемных моментов, связанных с функционированием домов ребенка при ИУ, взаимодействием матери и ребенка в процессе отбывания наказания, целесообразно на постоянной основе проводить мониторинг деятельности домов ребенка с последующим обсуждением результатов на широких площадках. Безусловно, такая практика уже существует. В качестве примера стоит привести организацию совещаний начальников домов ребенка, созданных при женских исправительных учреждениях ФСИН России. Однако всего таких совещаний состоялось четыре (в 2013, 2014, 2018 и 2019 гг.). Предлагается проведение подобных информационных площадок ежегодно с целью отслеживания изменений в области охраны материнства и детства в УИС.

Достаточно важной проблемой в сфере поддержки материнства и детства является вопрос постпенитенциарной адаптации и ресоциализации женщин с детьми. В контексте данной задачи необходимо обозначить актуальность работы службы пробации и соответствующих институтов гражданского общества и их представителей, так как без их помощи достаточно сложным представляется решение вопросов трудоустройства, восстановления общественно полезных связей, обеспечения жильем и т. д. Считаем целесообразным добавить в положения Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» нормы, устанавливающие специфику социальной реабилитации указанных субъектов.

Обозначенные выше предложения, на наш взгляд, позволяют минимизировать проблемы, возникающие в процессе реализации государственной политики в области охраны института материнства и детства в специфических условиях принудительной изоляции от общества. Безусловно, предложенные меры не являются исчерпывающими, они лишь определяют направления работы в этой области.

Таким образом, материнство и детство как социальные категории высоко оцениваются и руководством государства, и гражданским обществом. А существование данных значи-

мых институтов в условиях принудительной изоляции от общества возлагает еще большую ответственность по их поддержанию на органы и структуры, призванные обеспечивать законность и правопорядок, включая и уголовно-исполнительную систему России.

Рассмотрев специфику охраны материнства и детства в местах принудительного содержания, мы пришли к следующим выводам: обозначенная проблематика действительно актуальна в современных условиях реализации государственной политики России в области сохранения семьи и традиционных ценностей; правовое регулирование поддержки материнства и детства в УИС носит как международный, так и внутригосударственный характер; современные проблемы, возникающие в процессе реализации конституционного принципа поддержки материнства и детства в условиях УИС, имеют субъективную и объективную направленность и решаемы при грамотном подходе к совершенствованию законодательства в исследуемой области; предложенные авторами меры, возможно, будут способствовать минимизации выявленных проблем и послужат превентивным инструментом для успешной реализации данного принципа в будущей деятельности УИС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шишаева В. А. Семья как фактор социализации // Педагогическое мастерство : материалы XXXII Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2022 г.) / под ред. И. Г. Ахметова и др. Казань, 2022. С. 44–48.
2. О проведении в Российской Федерации года семьи : указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 48. Ст. 8560.
3. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017. № 240 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 23. Ст. 3309.
4. Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г. : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 23.01.2021 № 122-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/3WkqE4GAwQXalGxpAipFLmqCYZ361Kj0.pdf> (дата обращения: 24.12.2023).
5. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 01.01.2024).
6. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» : федер. закон от 13.06.2023 № 211-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 25. Ст. 4400.
7. Об утверждении перечней лечебно-профилактических и лечебных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы для оказания медицинской помощи осужденным : приказ Минюста России от 16.08.2006. № 263 // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2006. № 10.
8. Голова Н. С. Личностные особенности осужденных к лишению свободы женщин с детьми // Молодой ученый. 2023. № 49 (496). С. 642–645.
9. Онищенко И. С. Исполнение наказаний в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. 25 с.
10. Бурт А. А., Давыдова Н. В. Современное состояние мер, направленных на оказание медико-социальной помощи материнству и детству в уголовно-исполнительной системе // Евразийский союз ученых. 2016. № 3 (24). С. 43–44.
11. Дети системы: как растут малыши в домах при исправительных колониях. URL: <https://www.passion.ru/news/eksklyuzivny/deti-sistemy-kak-rastut-malyshi-v-domakh-pri-ispravitelnykh-koloniyakh-07-09-2023.htm> (дата обращения: 10.01.2024).

12. Уполномоченный по правам человека в России Татьяна Москалькова попросила главу ФСИН России Александра Калашникова о содействии в разработке законопроекта об обязательном наличии домов ребенка в женских колониях, он согласился. URL: <https://www.pnp.ru/politics/fsin-pomozhet-podgotovit-proekt-o-domakh-rebenka-v-kolonyakh.html> (дата обращения: 10.01.2024).

13. Пустовалов А. Р., Половникова А. А. Правовое регулирование деятельности домов ребенка учреждений уголовно-исполнительной системы // Проблемы правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23 октября 2014 г.) : в 3 ч. М., 2014. Ч. 2. С. 20–23.

REFERENCES

1. Shishaeva V.A. Family as a factor of socialization. In: Akhmetov I.G. et al. (Eds.). *Pedagogicheskoe masterstvo: materialy XXXII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', iyun' 2022 g.)* [Pedagogical skills: materials of the XXXIII International Scientific Conference (Kazan, June 2022)]. Kazan, 2022. Pp. 44–48. (In Russ.).
2. On holding the Year of the Family in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 875 of November 22, 2023. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2023. No. 48. Art. 8,560. (In Russ.).
3. On the Declaration of the Decade of Childhood in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 240 of May 29, 2017. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2017. No. 23. Art. 3,309. (In Russ.).
4. *Ob utverzhdenii plana osnovnykh meropriyatii, provodimykh v ramkakh Desyatiletiya detstva, na period do 2027 g.: rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federatsii ot 23.01.2021 No. 122-r* [On Approval of the Plan of Key Activities Carried Out within the Framework of the Decade of Childhood for the Period up to 2027: Decree of the Government of the Russian Federation No. 122-R of January 23, 2021]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/3WkqE4GAWQXaIGxpAipFLmqCYZ361Kj0.pdf> (accessed December 24, 2023).
5. *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed January 1, 2024).
6. On Amendments to the Penal Code of the Russian Federation and the Federal Law “On the Detention of the Suspected and Accused of Committing Crimes”: Federal Law No. 211-FZ of June 13, 2023. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2023. No. 25. Art. 4,400. (In Russ.).
7. On approval of the lists of therapeutic, preventive and curative correctional institutions of the penitentiary system for the provision of medical care to convicts: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 263 of August 16, 2006. In: *Byul. Ministerstva yustitsii Ros. Federatsii* [Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation]. 2006. No. 10. (In Russ.).
8. Golova N.S. Personal characteristics of women with children sentenced to imprisonment. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2023, no. 49 (496), pp. 642–645. (In Russ.).
9. Onishchenko I.S. *Ispolnenie nakazanii v vide lisheniya svobody v otnoshenii zhenshchin, imeyushchikh maloletnikh detei: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Execution of punishments in the form of imprisonment against women with young children: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2019. 25 p.
10. Burt A. A., Davydova N. V. The current state of measures aimed at providing medical and social assistance to motherhood and childhood in the penal system. *Evrasiiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2016, no. 3 (24), pp. 43–44. (In Russ.).
11. *Deti sistemy: kak rastut малыши в домах при исправительных колониях* [Children of the system: how babies grow up in children's homes at correctional facilities]. Available at:

<https://www.passion.ru/news/eksklyuzivny/deti-sistemy-kak-rastut-malyshi-v-domakh-pri-ispravitelnykh-koloniyakh-07-09-2023.htm> (accessed January 10, 2024).

12. *Upolnomochennyi po pravam cheloveka v Rossii Tat'yana Moskal'kova poprosila glavu FSIN Rossii Aleksandra Kalashnikova o sodeistvii v razrabotke zakonoproekta ob obyazatel'nom nalichii domov rebenka v zhenskikh koloniyakh, on soglasilsya* [The Commissioner for Human Rights in Russia Tat'yana Moskal'kova asked the head of the Federal Penitentiary Service of Russia, Aleksandr Kalashnikov, for assistance in drafting a bill on the mandatory availability of children's homes at women's colonies, he agreed]. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/fsin-pomozhet-podgotovit-proekt-o-domakh-rebenka-v-koloniyakh.html> (accessed January 10, 2024).

13. Pustovalov A.R., Polovnikova A.A. Legal regulation of the activities of children's homes of institutions of the penal enforcement system. In: *Problemy pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf., (Moskva, 23 oktyabrya 2014 goda). V 3 ch. Ch. 2* [Problems of legal regulation of the activities of the penal system: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, (Moscow, October 23, 2014). In 3 parts. Part 2]. Moscow, 2014. Pp. 20–23. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ РУБЦОВ – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, dm.rubtsov@mail.ru

МАРИНА ОЛЕГОВНА ВИНОГРАДОВА – курсант 1 курса Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, marina.vinogradova.05@mail.ru

DMITRII I. RUBTSOV – Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, dm.rubtsov@mail.ru

MARINAO. VINOGRADOVA – cadet of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, marina.vinogradova.05@mail.ru

Статья поступила 20.03.2024

Научная статья
УДК 342.922
doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.007

Публичная администрация как субъект административного права

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ФАДЕЕВА

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград,
Россия, fadeevaelena25@gmail.com

МАРИНА ДМИТРИЕВНА ФЕРСТЕР

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград,
Россия, ferster-marina@list.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности публичной администрации как ключевого субъекта административного права. Проведен анализ существующих в науке понятий публичной администрации. Рассмотрена структура публичной администрации на основе критерия автономии ее элементов, выявлены особенности централизованных и децентрализованных элементов. Сделан вывод, что публичная администрация, имея нетрадиционную внутреннюю структуру, на постоянной основе выполняет исполнительно-распорядительные, контрольно-надзорные, специальные правоохранительные, ограниченные нормотворческие и квазисудебные функции, оказывает публичные услуги, управляет публичным имуществом. Отмечается смешение специализированных и контрольно-надзорных функций, правотворчества, оказания государственных услуг и управления госимуществом между отдельными органами исполнительной власти и иными элементами, входящими в состав публичной администрации.

Ключевые слова: публичная администрация; органы исполнительной власти; органы местного самоуправления; юридические лица публичного права; публичные услуги; делегирование полномочий.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Фадеева Е. С., Ферстер М. Д. Публичная администрация как субъект административного права // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 2 (26). С. 64–69. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.007.

Original article

Public Administration as a Subject of Administrative Law

ELENA S. FADEEVA

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,
fadeevaelena25@gmail.com

© Фадеева Е. С., Ферстер М. Д., 2024

MARINA D. FERSTER

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, ferster-marina@list.ru

Abstract. The article reveals features of public administration as a key subject of administrative law. Concepts of public administration existing in science are analyzed. The public administration structure is considered according to the criterion of its elements autonomy; the features of centralized and decentralized elements are revealed. It is concluded that public administration, having an unconventional internal structure, on an ongoing basis performs executive and administrative, control and supervisory, special law enforcement, limited rule-making and quasi-judicial functions, provides public services, and manages public property. There is a mixture of specialized and supervisory functions, law-making, provision of public services and management of state property between individual executive authorities and other elements that make up public administration.

Key words: public administration; executive authorities; local self-government bodies; legal entities of public law; public services; delegation of authority.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Fadeeva E.S., Ferster M.D. Public administration as a subject of administrative law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 64–69. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.007.

Исполнительная власть является независимым и самостоятельным звеном государственной власти, выполняющим оперативную деятельность по достижению поставленных перед государством задач. Органы исполнительной власти играют важную роль в организации и функционировании механизма государственного аппарата, от эффективности которого напрямую зависит правопорядок во всех сферах общественной жизни. Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков рассматривали категорию «исполнительная власть» в юридическом и политологическом аспектах [1, с. 50]. Такой подход позволяет определить в качестве основной формы деятельности властных субъектов права именно публичное управление.

На сегодняшний день в административно-правовой науке является дискуссионным вопрос о соотношении понятий системы органов исполнительной власти и публичной администрации как ключевого субъекта административного права, поскольку каждая из существующих концепций по своей целевой направленности взаимодополняет друг друга. Соответственно, цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей публичной администрации как ключевого субъекта административного права.

А. Б. Зеленцов и О. А. Ястребов определяют публичную администрацию как «систему государственных и муниципальных органов, иных органов, учреждений и организаций, которые во исполнение закона и в установленном порядке осуществляют в публичных интересах управленческие функции» [2, с. 637]. Невозможно не согласиться с позицией авторов, обозначивших сущность публичной администрации, а также ее отличительного свойства – субъектного состава. Между тем основными принципами устройства публичной администрации выступают «общее дело» и «разделение труда», компилируемые единство политики и разграничение предметов ведения и полномочий.

В научной литературе также отмечается, что процесс публичного администрирования поглощает все схожие по смыслу понятия, среди которых «государственное управление»,

«государственное администрирование», «публичное управление», а также понятие самой публичной администрации. А. М. Гоголев отмечает тесную связь между указанными понятиями, при этом выявляет некоторые различия и в то же время отмечает общие черты, включающие как деятельность публичной администрации (институтов публичной власти и публичной службы), так и исполнение нормативно-правовых актов, издаваемых органами государственной власти и местным самоуправлением, иными публичными учреждениями и организациями [3, с. 146].

Публичная администрация является сложносоставной категорией. Структура публичной администрации точно раскрывается на основе такого критерия, как степень автономии отдельных элементов. Так, публичная администрация включает централизованные и децентрализованные элементы. К первым относятся федеральные органы исполнительной власти (далее – ФОИВ), региональные органы исполнительной власти (далее – РОИВ) и исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления (далее – ИРОМС). Наряду с этим делением существуют и автономные субъекты – децентрализованная администрация. Таковыми являются государственные органы, не относящиеся ни к одной из трех ветвей власти (например, Центральный банк Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации и др.), а также государственные корпорации, государственные внебюджетные фонды, публичные компании, государственные и муниципальные учреждения и предприятия). При этом общим между децентрализованной администрацией и ИРОМС является то, что они не входят в систему государственной власти, но при этом осуществляют исполнительно-распорядительные функции в силу закона. Таким образом, государственные и негосударственные учреждения и организации можно считать частью системы публичной администрации.

В настоящее время правовое регулирование публичной администрации осуществляется на федеральном и региональном уровнях. Так, система и структура ФОИВ утверждены указами Президента Российской Федерации [4; 5]. Организация РОИВ осуществляется в порядке рамочного регулирования на уровне Российской Федерации, при этом система РОИВ устанавливается законом субъекта Российской Федерации, а их структура утверждается указами главы субъекта Российской Федерации [6].

На муниципальном уровне местная администрация наделяется уставом муниципального образования полномочиями по решению вопросов местного значения. Кроме того, органы местного самоуправления могут осуществлять и отдельные переданные им государственные полномочия. Обращаясь к федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – закон № 131-ФЗ) [7], можно сделать вывод, что исполнительно-распорядительным органом местного самоуправления является местная администрация, хотя публичные функции, как указано в законе, осуществляются органами местного самоуправления указанного муниципального образования, то есть всеми вместе взятыми органами местного самоуправления, а не одним субъектом – местной администрацией. В связи с этим следует допустить осуществление переданных полномочий формально местной администрацией, а фактически всеми органами местного самоуправления (при соответствующем решении представительного органа муниципального образования).

С принятием в 2020 г. поправок правовая норма ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации обозначила место органов местного самоуправления, входящих в единую систему публичной власти. С одной стороны, это вызвало недопонимание в научной среде, так как местная власть не профилирует в структуре органов государственной власти, с дру-

гой – определена роль местного самоуправления в системе публичной власти. Кроме того, согласно закону № 131-ФЗ местное самоуправление в Российской Федерации – это форма осуществления народом своей власти, а потому закрепление статуса на местном уровне субъекта публичной политики значителен особенностью органов местного самоуправления как публично-правовых образований.

Необходимо отметить участие в системе публичной власти и децентрализованных субъектов. Государственные корпорации, государственные внебюджетные фонды, публичные компании, государственные и муниципальные учреждения и предприятия необходимо включить в состав публичной администрации, поскольку в своей деятельности они реализуют определенный заказ государства на выполнение определенных функций, получая при этом набор специальных полномочий [8, с. 16]. Во многом деятельность указанных субъектов связана с оказанием публичных услуг. А. В. Винницким точно определена основная задача публичных услуг, состоящая в эффективном обеспечении удовлетворения разнообразных потребностей частных лиц в публично-правовой сфере [9, с. 102]. К их числу можно отнести спорные по своей правовой природе оказываемые функции государственными и муниципальными учреждениями (школы, больницы), общественными объединениями, организациями в сфере почты и связи, транспорта общего пользования, энерго-, тепло-, газоснабжения и т. п., поскольку в рамки публичной власти не укладывается деятельность государственных и негосударственных коммерческих организаций. В работе В. Е. Чиркина сделан положительный вывод участия указанных субъектов в оказании публичных услуг, так как общим между ними выступает реализация общественных интересов, а их управленческие полномочия имеют дискреционный характер, чего не может быть у юридического лица частного права [10, с. 22]. Между тем А. В. Винницким отмечено смешение законодателем понятий публичных услуг с государственными (муниципальными), а также оказание субъектами иных услуг неадминистративного характера, выходящих за рамки первоначального термина, но сохраняющих при этом черты публичной значимости. Похожую точку зрения разделяет И. Н. Харинов, делающий акцент на поставщике услуг и возмездности [11, с. 60]. Таким образом, законодатель допускает охват перечисленных групп понятием «публичные услуги», которые выходят за предмет «государственности», но при этом согласуются с концепцией публичной администрации.

В настоящее время отсутствие четких границ при выполнении функций публичной администрацией, по словам О. В. Климашевской, является проблемой в разграничении функций между министерствами, службами и агентствами, поскольку неоднозначность и отсутствие четкости в трактовке направлений деятельности органов исполнительной власти привели к одному общему выводу: «чем госуслуга отличается, например, от контрольно-надзорной деятельности или других форм работ» [12, с. 99], если министерствам свойственно принятие нормотворческих актов, но, обращаясь к федеральному закону о государственных (муниципальных) услугах, становится ясно, что почти каждый орган исполнительной власти обладает данной компетенцией.

В научной литературе обосновывается также мысль о том, что отсутствие единого акта, содержащего основные положения и направления деятельности системы публичной администрации (например, отдельного федерального закона), ослабляет действие данного механизма [13, с. 72]. Однако стоит отметить, что в принятии вышеупомянутого закона нет необходимости, так как в настоящий момент деятельность субъектов публичной администрации достаточно урегулирована в нормативных правовых актах федерального и регионального уровней. Следовательно, создается искусственная необходимость в создании единого закона.

Таким образом, публичная администрация, имея нетрадиционную внутреннюю структуру, выполняет исполнительно-распорядительные, контрольно-надзорные, специальные правоохранительные, ограниченные нормотворческие и квазисудебные функции; оказывает публичные услуги, управляет публичным имуществом. Эта деятельность осуществляется на постоянной основе. Роль публичной администрации заключается в создании такой системы, которая бы смогла наиболее полным и должным образом отвечать вызовам современного мира. Представляется, что спектр публичного администрирования дает больше возможностей для реализации целей демократического государства. Это свидетельствует и о снижении нагрузки на государственные органы, и о возложении на децентрализованную администрацию таких полномочий, без которых невозможно достижение результата.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право, М., 2008. 816 с.
2. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование) // Вестник СПбГУ. Право. 2019. № 4. С. 626–654.
3. Гоголев А. М. Публичное администрирование как правовая категория // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 3. С. 141–146.
4. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 (ред. от 20.11.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 11. Ст. 945.
5. О структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 21 (ред. от 15.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 346.
6. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 01.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
8. Фадеева Е. С. Субъекты правового мониторинга мировой юстиции // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 14–20.
9. Винницкий А. В. Публичные услуги в ЕС и России: конституционные основы и законодательное регулирование // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 101–114.
10. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 16–26.
11. Харинов И. Н. Публичные услуги в России: проблемы идентификации и классификации // Законодательство. 2016. № 9. С. 57–74.
12. Климашевская О. В. Проблемы действующей системы и структуры федеральных органов исполнительной власти // Власть. 2022. № 1. С. 98–102.
13. Стахов А. И., Ландерсон Н. В., Домрачев Д. Г. Публичная администрация в Российской Федерации как субъект административного процесса // Правоприменение. 2021. № 4. С. 55–77.

REFERENCES

1. Bakhrakh D.N., Rossinskii B.V., Starilov Yu.N. *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, 2008. 816 p.

2. Zelentsov A.B., Yastrebov O.A. The concept of public administration in modern administrative law (comparative legal investigation). *Vestnik SPbGU. Pravo = Bulletin of Saint Petersburg State University. Law*, 2019, no. 4, pp. 626–654. (In Russ.).
3. Gogolev A.M. Public administration as a legal category. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*, 2015, no. 3, pp. 141–146. (In Russ.).
4. On the system and structure of federal executive authorities: Decree of the President of the Russian Federation No. 314 of March 9, 2004 (as amended November 20, 2020). In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2004. No. 11. Art. 945. (In Russ.).
5. On the structure of federal executive authorities: Decree of the President of the Russian Federation No. 21 of January 21, 2020 (as amended July 15, 2022). In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2020. No. 4. Art. 346. (In Russ.).
6. *On the general principles of the organization of public power in the subjects of the Russian Federation: Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 (as amended of January 6, 2022)*. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 52 (Part 1). Art. 8,973. (In Russ.).
7. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 (as amended of October 13, 2022). In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2003. No. 40. Art. 3,822. (In Russ.).
8. Fadeeva E.S. The subjects of legal monitoring of Justice of the Peace. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Science*, 2018. No. 2. Pp. 14–20. (In Russ.).
9. Vinnitskii A.V. Public services in the EU and Russia: constitutional foundations and legislative regulation. *Sravnitel'noe konstitu-tsionnoe obozrenie Comparative Constitutional Review*, 2013, no. 3, pp. 101–114. (In Russ.).
10. Chirkin V.E. Legal face of public law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 5, pp. 16–26. (In Russ.).
11. Kharinov I.N. Public services in Russia: problems of identification and classification. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2016, no. 9, pp. 57–74. (In Russ.).
12. Klimashevskaya O.V. Problems of the current system and structures of federal executive authorities. *Vlast' = Power*, 2022, no. 1, pp. 98–102. (In Russ.).
13. Stakhov A.I., Landerson N.V., Domrachev D.G. Stakhov A. I., Landerson N. V., Domrachev D. G. Public administration in the Russian Federation as a subject of administrative process. *Pravoprimenenie = Law Enforcement*, 2021, no. 4, pp. 55–77. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ФАДЕЕВА – кандидат юридических наук, руководитель образовательных программ Высшей школы права Балтийского федерального университета имени И. Канта, Калининград, Россия, fadeevaelena25@gmail.com

МАРИНА ДМИТРИЕВНА ФЕРСТЕР – студент Высшей школы права Балтийского федерального университета имени И. Канта, Калининград, Россия, ferster-marina@list.ru

ELENA S. FADEEVA – Candidate of Sciences (Law), Head of Educational Programs at the Higher School of Law of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, fadeevaelena25@gmail.com

MARINA D. FERSTER – student at the Higher School of Law of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, ferster-marina@list.ru

Статья поступила 12.01.2023

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.008

Квалификация умышленного неисполнения кредитного договора

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Общероссийская общественная организация «Деловая Россия»,
Москва, Россия

pravo@deloros.ru

Аннотация. В статье анализируются квалификационные, организационные и процессуальные аспекты умышленного неисполнения кредитного договора. Обращается внимание на особенности его уголовно-правовой характеристики и проблемы отграничения от смежных общественно опасных деяний в контексте обеспечения защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Отмечены правовые коллизии в действующем законодательстве и их влияние на правоприменительную практику, также предложены пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: мошенничество; сфера кредитования; неисполнение обязательств; кредитный договор; уголовно-правовая охрана; превенция преступлений; уголовное наказание.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдеева Е. В. Квалификация умышленного неисполнения кредитного договора // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 70–80. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.008.

Original article

Qualification of Intentional Non-Fulfillment of a Loan Agreement

EKATERINA V. AVDEEVA

Law School of the Institute of Public Administration and Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia

Expert Center for Criminal Law Policy and Enforcement of Judicial Acts of
the All-Russian Public Organization “Business Russia”, Moscow, Russia

pravo@deloros.ru

© Авдеева Е. В., 2024

Abstract. The article analyzes qualification, organizational and procedural aspects of intentional non-fulfillment of a loan agreement. Attention is drawn to the specifics of its criminal-legal characteristics and the problem of differentiation from related socially dangerous acts in the context of ensuring protection of the rights of business entities. The author notes legal conflicts in the current legislation and their impact on law enforcement practice and proposes ways to improve legislation.

Keywords: fraud; sphere of crediting; non-fulfillment of obligations; loan agreement; criminal law protection; crime prevention; criminal punishment.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdeeva E.V. Qualification of intentional non-fulfillment of a loan agreement. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 70–80. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.008.

Сегодня мы видим, что в уголовный кодекс, который по своей природе должен быть достаточно статичным, регулярно вносятся поправки. Такая тенденция носит системный характер и вызывает обоснованную обеспокоенность научного сообщества, поскольку данные изменения носят преимущественно хаотичный характер. Так, например, профессор Н. А. Лопашенко, ссылаясь на количество поправок на момент 2014 г. в УК РФ и УПК РФ, указывает на деформацию уголовной политики, подчеркивая, что минимальный анализ принятых в УК РФ изменений показывает, что чаще всего законодатель шел по пути проб и ошибок, интуитивно, не понимая до начала правоприменения (если оно оказывалось возможным по «кривым» нормам), будет ли новая норма эффективна [1, с. 55]. Последние годы количество изменений, вносимых в УК РФ и УПК РФ, продолжает оставаться значительным, при этом большое внимание уделено вопросам преступлений в сфере экономики, защите прав субъектов предпринимательской деятельности. Часть правок направлена на избыточную декриминализацию, часть вводит новые составы, создавая конкуренцию норм, нередко с дефектами юридической техники, провоцируя проблемы правоприменительной практики.

Квалификация мошенничества в сфере кредитования через призму защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, интересов потерпевшего, общества и государства

Безусловно, интересным для квалификации с точки зрения теории и практики является мошенничество, сопряженное с умышленным неисполнением кредитного договора. В связи с внесенными изменениями в УК РФ в 2012 г., с выделением целого ряда специальных составов мошенничеств и дополнением ст. 159 УК РФ частями 5–7 можно рассмотреть четыре варианта квалификации при условии, что в кредитную организацию изначально были предоставлены какие-то неверные сведения.

Так, в первую очередь обращает на себя внимание формулировка диспозиции ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, которой предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество, сопряженное с умышленным неисполнением договорных обязательств.

Правовая природа кредитного договора не вызывает сомнений в том, что такой договор является всего лишь одной из разновидностей договора [2, с. 25], особенность которого составляет то, что стороной, предоставляющей кредит, выступает кредитная организация, получившая в установленном законом порядке лицензию на осуществление таких операций [3]. Заемщиком в данной ситуации выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Это позволяет сделать вывод о соответствии предложенного к рассмотрению варианта кредитных отношений требованиям примечания 4 к ст. 159 УК РФ, кото-

рым ограничено по кругу лиц применение привилегированного состава, предусмотренного ч. 5–7 ст. 159 УК РФ. Таким образом, в рассматриваемой ситуации формально должен быть применен именно этот состав, что отвечало бы направлению гуманизации уголовной политики для защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Так, применение ч. 5–7 ст. 159 УК РФ предполагает ограничение на помещение предпринимателя в СИЗО, так как эти части перечислены в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ для применения без каких-либо оговорок [4] о совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности, что предусматривает большую степень усмотрения, а также возможность прекращения уголовного преследования в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ или освобождения от уголовного наказания в соответствии со ст. 76.1 УК РФ в случае полного возмещения причиненного материального ущерба и уплаты двукратного размера штрафа от причиненного ущерба. Очевидно, что такая конструкция, введенная законодателем, направлена не только на защиту бизнеса от негативных последствий уголовного преследования, но и будет способствовать пополнению бюджета за счет снижения количества банкротств компаний в связи с уголовным преследованием в отношении предпринимателей, а значит, сохранению юридического лица как налогоплательщика, а также работодателя с сохранением рабочих мест [5, с. 210]. То есть квалификация деяния как мошенничества, сопряженного с умышленным неисполнением обязательств кредитного договора (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), в большей степени отвечает потребностям общества, государства и бизнеса.

Однако такая квалификация не будет иметь место в правоприменительной практике, так как был введен еще целый ряд специальных составов мошенничества, в том числе и ст. 159.1 УК РФ, которой установлена уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» прямо указано, что для целей ст. 159.1 УК РФ заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица. То есть действие ст. 159.1 УК РФ распространяется и на приведенный для анализа пример, охватывая случаи, когда заемщиком выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. При этом ст. 159.1 УК РФ входит в перечень статей, в которых ограничивается мера пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ только при условии совершения преступления в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, что приводит к большой доле усмотрения со стороны следственных органов, подающих ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, и суда при удовлетворении или отказе такого ходатайства. Более того, лицо, обвиняемое по ст. 159.1 УК РФ, не может рассчитывать на прекращение уголовного преследования или освобождения от уголовного наказания в случае полного возмещения ущерба и уплаты двукратного размера штрафа. Такая квалификация ущемляет права не только подозреваемого или обвиняемого лица, но и лица, признанного потерпевшим, в данном случае кредитной организации, за счет снижения вероятности возмещения ущерба в краткосрочном периоде. А при более широком взгляде на проблему с учетом предпосылок, которые легли в основу выделения привилегированного состава, такую квалификацию можно расценивать как ущемление прав и законных интересов более широкого круга лиц [5, с. 217].

Анализ статистики свидетельствует о том, что само преступление обладает достаточно высокой степенью латентности. Это обусловлено тем, что для возбуждения уголовного

дела требуется заявление лица, которому деянием причинен ущерб. В рассматриваемой ситуации таким лицом выступает кредитная организация. Чаще всего заявление в правоохранительные органы подается только в самых крайних случаях. Есть основания полагать, что одной из причин является то, что целью потерпевшего по экономическим преступлениям является именно возмещение материального ущерба. Поэтому нередко выбор потерпевшей стороны падает на арбитражный процесс и последующее банкротство, что обусловлено скоростью и реальной перспективой получения именно материальной компенсации [6, с. 95–96]. Мотивация к полному возмещению ущерба в той же мере, как при квалификации по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, отсутствует, так как только по ч. 1 ст. 159 УК РФ предусмотрена возможность прекращения уголовного преследования или освобождения от уголовного наказания в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ и 76.1 УК РФ соответственно. Но чаще подобные деяния, совершенные юридическим лицом, все же квалифицируются по ч. 3, 4 ст. 159.1 УК РФ. Следует отметить, что различается и размер крупного и особо крупного ущерба в три раза (ранее в два раза). Так, крупный размер для ч. 5–7 ст. 159 УК РФ определялся в соответствии с примечанием к указанной статье в размере 3 млн руб., особо крупный – 12 млн руб., после вступления в силу изменений от 06.04.2024 крупный ущерб – в размере 4,5 млн руб., а особо крупный – 18 млн руб. [7], а для квалификации по ст. 159.1 УК РФ крупным ущербом в соответствии с примечанием к ней признается сумма в размере 1,5 млн руб., а особо крупным – 6 млн руб.

Таким образом, сложившаяся конкуренция специальных норм, очевидно, не в полной мере учтенная законодателем при введении дополнительных составов, определила ситуацию, когда положение предпринимателя при квалификации по ст. 159.1 УК РФ в значительной мере хуже, но самое главное, что такая квалификация только усиливает латентность подобных преступлений, так как убирает реальную мотивацию для оперативного возмещения ущерба и лишает бюджет поступлений при уплате штрафа, что имело бы место в случае квалификации по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ и применении ст. 76.1 УК РФ. Безусловно, необходимо учитывать, что ч. 5–7 ст. 159 УК РФ были введены позднее, чем ст. 159.1 УК РФ, но вопрос формальной конкуренции специальных норм был разрешен разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практикой.

Конкуренция норм по субъективной стороне

Нередко в ситуации невозврата кредита, оцениваемой правоприменителем как результат заранее спланированных действий, целью было именно получение денежных средств без намерения их возврата с предоставлением заведомо ложных сведений или обманом в части намерения, то есть хищение в сфере кредитования путем мошеннических действий. Здесь для анализа возможной квалификации важно отдельно проанализировать две ситуации, когда предоставляются заведомо ложные сведения о финансовом состоянии, что впоследствии можно квалифицировать как по ст. 159.1 (мошенничество в сфере кредитования), так и по ст. 176 УК РФ (незаконное получение кредита). Объективная сторона этих преступлений может полностью совпадать и заключаться в предоставлении заведомо ложных сведений, разграничение происходит по субъективной стороне, то есть по направленности умысла. Так, для квалификации по ст. 159.1 УК РФ необходимо установить, что умысел был направлен именно на завладение денежными средствами без намерения их отдавать, то есть на хищение. На практике лица, выступающие заемщиками, нередко прикрывают свой умысел на хищение несколькими выплатами и последующим инициированием своего банкротства, такие «рекомендации» можно даже слышать от некоторых цивилистов или юристов, занимающихся банкротствами. Следует отметить, что для юри-

дического лица такая схема, скорее, не будет целесообразной по причине субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, хотя в случае оформления компании на номинального директора и учредителя возможность избежать ответственности для реальных бенефициаров все же есть. Анализ этих схем получения кредита с последующим банкротством необходим для предотвращения криминального злоупотребления при получении кредита индивидуальным предпринимателем, физическим лицом или группой лиц через оформление кредита на юридическое лицо, зарегистрированное на номинальных директора и учредителя.

Требуется осмысления и достаточно редкое обращение кредитора в правоохранительные органы в случае невыплаты кредита и банкротства должника. Есть основание полагать, что такая ситуация обусловлена несколькими факторами помимо указанных выше, в том числе отсутствием регламента в кредитной организации, суммой, которая не соотносится для кредитной организации с теми затратами, а также и тем фактом, что достаточно значительная доля мошеннических действий со стороны заемщиков может служить основанием для признания недостаточного уровня организации службы безопасности финансовой организации [8, с. 66].

При незаконном получении кредита умысел лица направлен именно на получение кредита, что и является целью. Сообщение же недостоверных сведений обусловлено желанием получить денежные средства, которые лицу необходимы на текущий момент, исполнять кредитные обязательства он планирует. Независимо от направленности умысла обращение в правоохранительные органы происходит преимущественно в случае невыплаты кредита. Но при квалификации по ст. 159.1 УК РФ необходимы косвенные подтверждения того, что изначально было сформировано намерение отказаться от выплат. Особенно затруднительно разграничить составы, предусмотренные ст. 159.1 и 176 УК РФ, с учетом указанной выше тенденции маскировать умысел на хищение несколькими выплатами, которые ранее в правоприменительной практике однозначно трактовались как свидетельство отсутствия умысла на хищение. Поэтому требуется анализ реальной возможности исполнять обязательства и других косвенных маркеров.

Следует отметить, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, может быть как юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, так и физическое лицо, а субъектом ст. 176 УК РФ может быть только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Важно отметить, что при идентичности в большей части объективной стороны данных статей имеет место существенное различие в санкциях и, соответственно, категориях тяжести деяний в зависимости от квалификации. Так, при квалификации деяния по ст. 159.1 УК РФ при получении кредита, например, в размере 7 млн руб., санкция в виде лишения свободы может быть до 10 лет, категория преступления – тяжкое, а в случае квалификации по ст. 176 УК РФ наиболее строгое наказание в виде лишения свободы предусмотрено не свыше 5 лет, а категория преступления относится к средней тяжести. С одной стороны, законодатель справедливо определяет меньшую общественную опасность в случае, если намерение при получении кредита не было направлено на хищение, а лицо лишь желало получить кредитные средства. Важно, конечно, для отграничения противоправных действий от гражданско-правового спора точно определять объективную сторону, которая в случае квалификации по ст. 159.1 и 176 УК РФ будет заключаться в предоставлении недостоверных сведений для получения кредита при различной направленности умысла. Так, П. С. Яни указывает, что «они могут содержаться в представляемых кредитору документах, а также в иной информации, в том числе устной. В последнем случае заведомо ложные

сведения могут быть представлены кредитору, в частности, в процессе интервью с потенциальным заемщиком банка» [9, с. 49]. Последнее утверждение не является бесспорным, поскольку речь идет о профессиональном участнике хозяйственных отношений – кредитной организации, которая все договоренности должна фиксировать, поэтому ссылаться на устные сообщения как на предоставление заведомо ложных сведений с целью получения кредита представляется избыточным. Если недостоверность сведений можно объективно оценить, то вот направленность умысла оценить гораздо сложнее, качественное доказывание умысла на хищение является непростой задачей и «практически невозможно без грамотного оперативного сопровождения процесса сбора и фиксации информации» [10, с. 134].

Правоприменительная практика конкуренции ст. 159.1 и 176 УК РФ

С учетом того, что объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 159.1 и 176 УК РФ, в большей части совпадает, правоприменительная практика может быть противоречивой и относить содеянное к одному или иному составу при наличии различной степени доказанности умысла именно на хищение. Следует подчеркнуть, что коллизия норм в данном случае приводит к неоднородной практике, оставляя на усмотрение следователя глубину исследования направления умысла, что может стать почвой для коррупционных проявлений.

Так, например, приговором суда Республики Татарстан гр-н Н. был осужден по ч. 1 ст. 176 УК РФ в связи с получением кредита на подконтрольную ему компанию в размере 9 млн руб. с представлением в залог имущества, которое было передано в лизинг [11]. Кредит выплачен не был. Приговор был постановлен в особом порядке, так как подсудимый признал вину. В мотивировочной части суд, подробно расписывая объективную сторону и процесс формирования умысла, указывал и на формирование корыстной цели, не поднимая вопроса о наличии изначальной возможности для погашения кредита со стороны заемщика, расходовании полученных денежных средств, что могло бы в случае, например, вывода полученных от кредитной организации денежных средств на подконтрольные компании или их снятие дать основание для перекалфикации содеянного на хищение, ответственность за которое предусмотрена специальной ст. 159.1 УК РФ, не делая попытки в мотивировочной части объяснить отсутствие умысла на хищение.

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что субъект преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, при предоставлении кредитной организации ложных или недостоверных сведений имеет намерение вернуть все полученное по договору, поэтому некоторые ученые даже указывают на отсутствие у него корыстной цели [2, с. 222], хотя такое утверждение отнюдь не бесспорно. Скорее, отсутствует корыстная цель, сопряженная с завладением полученными денежными средствами, но при этом остается выгода, которая может быть извлечена путем использования денежных средств в целях, на которые он и берет. Также стоит отметить, что сумма ущерба в приведенном выше приговоре обозначена в размере 9 млн руб., что дает основание полагать, что выплаты по кредитному договору вообще не производились, а потому вопрос наличия в деянии признаков хищения остается открытым.

Подтверждением коллизии норм и неоднородности правоприменительной практики служит приговор Котельнического районного суда Кировской области от 12.08.2019, которым осужден по ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.1 УК РФ к 6 годам 6 месяцам лишения свободы. Объективная сторона у данного преступления схожа с приведенными выше примерами приговоров, которыми лицо было осуждено по ч. 1 ст. 176 УК РФ. В данном случае поводом для

квалификации деяния в качестве преступления стала невыплата кредита с одновременным предоставлением ненадлежащего залога, но, в отличие от предыдущего примера, в котором залог был передан с умолчанием о факте передачи его в лизинг, залог имел место быть, было поручительство, но залог, по мнению кредитной организации, был переоценен. При этом разграничение происходит, как указывалось выше, по субъективной стороне, то есть направленности умысла. В данном случае в приговоре умысел должным образом не установлен, доводы ограничивались фразой «не имея намерения и возможности возвращать полученные кредитные денежные средства, директор ООО ... Р., используя свое служебное положение, похитил их и распорядился ими по своему усмотрению». Такой достаточно поверхностный сбор доказательств умысла именно на хищение с квалификацией по ст. 159.1 УК РФ привел к отмене вынесенного приговора в апелляционной инстанции [13].

Приведенные примеры по своей сути схожи, но квалифицировались судами первой инстанции различно. Одновременно возникает вопрос об отсутствии сговора с сотрудниками кредитной организации, так как проверка принадлежности того или иного объекта недвижимости определенному физическому лицу должна входить в регламенты проверки при заключении сделки любой кредитной организацией [8, с. 68].

При сложностях разграничения этих двух составов и отсутствии единообразной правоприменительной практики следует говорить и о высокой латентности преступлений. Так, согласно статистическим данным количество заемщиков, имеющих просроченную задолженность только среди субъектов малого и среднего предпринимательства, на 01.01.2024 составляет 61 503 чел., при этом с 2021 г. количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих просроченную задолженность, показывает положительную динамику [14, с. 3]. Речь идет о нескольких десятках приговоров по ст. 176 УК РФ и в несколько раз больше по ст. 159.1 УК РФ. Так, например, количество приговоров по ст. 176 УК РФ за последние пять лет существенно уменьшилось с 71 приговора в 2017 г. до 8 в 2022 г., а по ч. 3, 4 ст. 159.1 УК РФ с 216 в 2017 г. до 86 в 2022 г. [15]. Это может свидетельствовать как о латентности, так и о качественном улучшении противодействия таким преступлениям путем всесторонней проверки предоставляемых данных службой безопасности кредитной организации. Необходимо отметить, что обоснование о введении в заблуждение сотрудников кредитной организации путем предоставления недостоверных сведений о залоге или финансовом положении при существующих на сегодняшний день возможностях проверки может свидетельствовать о вступлении в сговор с сотрудниками кредитной организации.

Исходя из проанализированных приговоров, есть основание полагать, что большая часть приговоров по ч. 1, 2 ст. 159.1 УК РФ связана с мошенническими действиями физических лиц. К сожалению, статистика не позволяет установить точное количество предпринимателей и физических лиц по каждой части ст. 159.1 УК РФ. Кроме того, рассматриваемые в статье примеры получения кредита юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с предоставлением заведомо ложных сведений не распространяются на случаи, когда обвиняемым становится директор или учредитель компании, организовавший через брокерские услуги незаконное получение кредита физическими лицами. В подобной ситуации правоприменителем была вменена не только ст. 159.1, но и ст. 219 УК РФ [6].

Таким образом, правоприменительная практика свидетельствует о существующей коллизии норм, неоднородном формировании правоприменительной практики, отсутствии четкой методологии в доказывании умысла на хищение в случае, когда речь идет о предоставлении недостоверных сведений при получении кредита юридическим лицом.

Сложившаяся ситуация негативно сказывается и на очень высокой латентности таких преступлений, потому как первоочередная задача кредитной организации – получение возмещения ущерба, а этого нередко проще добиться в арбитражном процессе с последующим банкротством компании и привлечением к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника. При квалификации мошенничества в сфере кредитования, когда выгодоприобретателем является фактически юридическое лицо, а умысел на хищение нельзя вменить одному из лиц по причине возникновения ситуации, когда доказательств недостаточно, чтобы не говорить о возникающих сомнениях о направленности такого умысла у конкретного лица, то наиболее правильным было бы привлечение к уголовной ответственности юридического лица, что в координатах существующего отечественного законодательства невозможно в связи с отсутствием института уголовной ответственности юридического лица. Вместе с тем представляется целесообразным обратиться к опыту зарубежных стран, в законодательстве которых такой институт эффективно работает [17, с. 128–129].

Подводя итог, можно сделать вывод, что сегодня в законодательстве существует коллизия норм в случае квалификации получения кредита коммерческой организацией или индивидуальным предпринимателем в кредитной организации с предоставлением заведомо ложных сведений, что приводит к неоднородной практике применения ст. 176 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за предоставление заведомо ложных сведений при получении кредита, и ст. 159.1 УК РФ, которая содержит ответственность за мошенничество в сфере кредитования, это обусловлено совпадением объективной стороны и разграничением этих составов по направленности умысла.

Представляется, что такая ситуация порождает определенные коррупционные риски в связи с игнорированием возможности квалификации содеянного в качестве мошенничества в сфере кредитования или, напротив, направлении материалов уголовного дела в суд с недостаточной доказательственной базой, что будет служить основанием для возвращения дела на доследование в порядке ст. 237 УПК РФ. При этом для кредитной организации как для потерпевшей стороны более приоритетной является квалификация по ст. 176 УК РФ, так как она включена в перечень статей, по которым в соответствии со ст. 76.1 УК РФ при возмещении ущерба и уплате двукратного размера штрафа возможно освобождение от уголовного наказания или прекращение уголовного преследования в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ. Выделение отдельного состава мошенничества в ст. 159.1 УК РФ законодателем также вызывает вопросы, потому как фактически имеет место конкуренция ст. 159.1 УК РФ и ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, так как последние улучшают положение обвиняемого, если речь идет именно о разбираемой ситуации, где заемщиком выступает коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, а кредитором является коммерческий банк. Квалификация по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ также позволяла бы при возмещении ущерба и уплаты двукратного размера штрафа быть освобожденным от уголовного наказания, что отвечало бы интересам и обвиняемого, и потерпевшей стороны.

Изложенное позволяет говорить о том, что за период существования УК РФ было внесено слишком много изменений, которые далеко не всегда можно считать последовательными, что приводит к коллизии норм, ошибочной оценке общественной опасности и др. Поэтому должна быть сформирована четкая уголовная политика в части экономических преступлений с учетом курса на либерализацию предпринимательских составов ввиду особой значимости реальных предпринимателей, на которых возложено решение важных задач и которые должны быть ограждены от необоснованного силового давления [18], что при таком курсе не должно создать лазейки для лиц, которые будут лишь прикрываться

предпринимательской деятельностью для совершения преступлений, причиняя ущерб хозяйствующим субъектам и экономике в целом, в том числе и банковскому сектору.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лопашенко Н. А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2015. № 1. С. 44–55.
2. Ермаков С. Л. Кредитная сделка – самостоятельный правовой институт российского права // Право и управление. XXI век. Научно-правовое публицистическое издание. 2008. № 3 (8). С. 21–27.
3. О банках и банковской деятельности : федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 24.07.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Авдеева Е. В. Эволюция применения ч. 1.1 ст. 108 УК РФ // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 2 (22). С. 65–78.
5. Авдеева Е. В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : моногр. М., 2023. 227 с.
6. Авдеева Е. В. Защита гражданских прав в рамках уголовного процесса по экономическим преступлениям // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 4 (24). С. 88–101.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Авдеева Е. В. Безопасность финансовых организаций: значения, угрозы и пути предотвращения // Банковское дело. 2023. № 6. С. 64–71.
9. Яни П. С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 3 (965). С. 47–52.
10. Степанов М. В. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 133–136.
11. Приговор суда по ч. 1 ст. 176 УК РФ № 1-216/2017. Незаконное получение кредита. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/255091.html> (дата обращения: 20.03.2024).
12. Полянский А. Ю. Уголовно-правовые аспекты мошенничества в сфере кредитования // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 220–223.
13. Приговор № 22-1344/2020 от 13 августа 2020 г. по делу № 1-15/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SYkCmNVdbYVI/?ysclid=lljl1kks5257679624> (дата обращения: 20.03.2024).
14. Кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. Декабрь 2023 : стат. бюл. 2024. № 12 (43). 21 с. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/48915/stat_bulletin_lending_23-12_43.pdf (дата обращения: 20.03.2024).
15. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК за 2022 г. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 20.03.2024).
16. Приговор суда по ч. 4 ст. 159.1 УК РФ № 1-145/2017. Мошенничество в сфере кредитования. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/203467.html?ysclid=llko6taltt414064526> (дата обращения: 20.03.2024).
17. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоциалистических государствах Азиатско-Тихоокеанского региона : моногр. М., 2022. 144 с.
18. Встреча с членами Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71211> (дата обращения: 20.03.2024).

REFERENCES

1. Lopashenko N.A. Criminal policy on the principle of “What do you want?”, or criminal law as a means of solving all problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo = Bulletin of the Moscow University. Series 11. Law*, 2015, no. 1, pp. 44–55. (In Russ.).
2. Ermakov S.L. Credit transaction – independent legal institute of Russian law. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and Management. XXI century*, 2008, no. 3 (8), pp. 21–27. (In Russ.).
3. About banks and banking activities: Federal Law No. 395-1 of December 2, 1990 (as amended of July 24, 2023). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy “Konsul’tantPlyus”* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
4. Avdeeva E.V. Evolution of the application of Part 1.1 of Article 108 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 65–78. (In Russ.).
5. Avdeeva E.V. *Organizatsiya zashchity prav sub”ektov predprinimatel’skoi deyatelnosti v khode rassledovaniya prestuplenii: monogr.* [Organization of protection of the rights of business entities during the investigation of crimes: monograph]. Moscow, 2023. 227 p.
6. Avdeeva E.V. Protection of civil rights in the framework of criminal proceedings on economic crimes. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 88–101. (In Russ.).
7. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 79-FZ of June 4, 2024. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy “Konsul’tantPlyus”* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
8. Avdeeva E.V. Security of financial organizations: meanings, threats and ways of prevention. *Bankovskoe delo = Banking*, 2023, no. 6, pp. 64–71. (In Russ.).
9. Yani P.S. Special types of fraud. *Zakonnost’ = Legality*, 2015, no. 3 (965), pp. 47–52. (In Russ.).
10. Stepanov M.V. Criminal and legal characteristics of fraud in the field of lending (Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Probely v rossiiskom zakonodatel’stve = Gaps in Russian Legislation*, 2014, no. 3, pp. 133–136. (In Russ.).
11. *Prigovor suda po ch. 1 st. 176 UK RF No. 1-216/2017. Nezakonnoe poluchenie kredita* [Verdict of the court under Part 1 of Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation No. 1-216/2017. Illegal receipt of a loan]. Available at: <https://sud-praktika.ru/precedent/255091.html> (accessed March 20, 2024).
12. Polyanskii A. Yu. Criminally-legal aspects of fraud in the lending. *Vestnik OmGU. Seriya “Pravo” = Herald of Omsk University Series “Law”*, 2014, no. 1 (38), pp. 220–223. (In Russ.).
13. *Prigovor No. 22-1344/2020 ot 13 avgusta 2020 g. po delu No. 1-15/2020* [Verdict No. 22-1344/2020 of August 13, 2020 in case No. 1-15/2020]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/SYkCmNVdbYVI/?ysclid=lljl1kksw5257679624> (accessed March 20, 2024).
14. *Kreditovanie sub”ektov malogo i srednego predprinimatel’stva. Dekabr’ 2023: stat. byul. 2024. No. 12 (43). 21 s.* [Lending to small and medium-sized businesses. December 2023: statistical bulletin]. 2024. No. 12 (43). 21 p. Available at: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/48915/stat_bulletin_lending_23-12_43.pdf (accessed March 20, 2024).
15. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo. Dannye o naznachennom nakazanii po stat’yam UK za 2022 g.* [Criminal proceedings. Data on the punishment imposed under the articles of the Criminal Code for 2022]. Available at: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (accessed March 20, 2024).
16. *Prigovor suda po ch. 4 st. 159.1 UK RF No. 1-145/2017. Moshennichestvo v sfere kreditovaniya* [Verdict of the court under Part 4 of Article 159.1 of the Criminal Code No. 1-145/2017. Fraud in the field of lending]. Available at: <https://sud-praktika.ru/precedent/203467.html?ysclid=llko6taltt414064526> (accessed March 20, 2024).

17. Fedorov A.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v postsotsialisticheskikh gosudarstvakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: monogr.* [Criminal liability of legal entities in the post-socialist states of the Asia-Pacific region: monograph]. Moscow, 2022. 144 p.

18. "Vstrecha s chlenami Obshcherossiiskoi obshchestvennoi organizatsii «Delovaya Rossiya'". [Meeting with members of the All-Russian public organization "Business Russia". The President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71211> (accessed March 20, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, руководитель Экспертного центра по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Москва, Россия, pravo@deloros.ru

EKATERINA V. AVDEEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Legal Support of Market Economics at the Law School of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Head of the Expert Center for Criminal Law Policy and Enforcement of Judicial Acts of the All-Russian Public Organization "Business Russia", Moscow, Russia, pravo@deloros.ru

Статья поступила 17.04.2024

Научная статья

УДК 343.985.1

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.009

Изучение личности при подготовке к допросу подозреваемого из числа осужденных к лишению свободы, совершившего мошеннические действия с использованием средств сотовой связи

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ВОЛКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, hartman1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8773-1321>

МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ КРЕМЛЕВ

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, mvkremlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0084-0902>

Аннотация. В статье анализируется один из существенных элементов подготовки к допросу подозреваемого – изучение его личности. Минимально необходимый перечень характеризующей информации закреплен на уровне уголовно-процессуального законодательства и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, но следователь не должен ограничиваться исключительно указанным объемом. При изучении личности пенитенциарного преступника следователь должен избегать шаблонной схемы сбора информации, обязательным условием должно являться установление социальных связей осужденного, так как именно родственники и знакомые, как правило, осуществляют доставку средств сотовой связи на территорию исправительного учреждения. Комплексная характеризующая информация о допрашиваемом, полученная в том числе и от оперативных уполномоченных органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы, призвана способствовать выработке версий совершения преступления, установлению психологического контакта, определению времен проведения допроса, проработке запланированных вопросов и т. д.

Ключевые слова: допрос; подготовка к допросу; подозреваемый; изучение личности; пенитенциарная преступность; дистанционные мошенничества.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Волков Д. Ю., Кремлев М. В. Изучение личности при подготовке к допросу подозреваемого из числа осужденных к лишению свободы, совершившего мошеннические действия с использованием средств сотовой связи // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 81–86. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.009.

Original article

Studying the Personality for Preparing Interrogation a Suspect from among Those Sentenced to Imprisonment Who Committed Phone Fraud

DMITRII Yu. VOLKOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, hartman1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8773-1321>

MAKSIM V. KREMLEV

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia, mvkremlev@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-0084-0902>

Abstract. The article analyzes one of the essential elements of preparation for the interrogation of a suspect – the study of the identity of the interrogated. The minimum required list of characterizing information is fixed at the level of criminal procedure legislation and explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, but the investigator should not be limited solely to the specified volume. When studying the personality of a penitentiary criminal, the investigator should avoid a template scheme for collecting information, a prerequisite should be the establishment of social ties of the convicted person, since it is relatives and acquaintances who, as a rule, deliver cellular communications to the territory of the correctional institution. Comprehensive characterizing information about the interrogated, received, among other things, from the operational authorized bodies of internal affairs and the penal system, is designed to facilitate development of versions of the commission of a crime, establishment of psychological contact, the determination of the time of interrogation, elaboration of planned issues, etc.

Key words: interrogation; preparation for interrogation; suspect; personality study; penitentiary crime; remote fraud.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Volkov D.Yu., Kremlev M.V. Studying the personality for preparing interrogation a suspect from among those sentenced to imprisonment who committed phone fraud. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 81–86. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.009.

Бесспорным представляется тот факт, что допрос подозреваемого, обвиняемого является одним из самых сложных и информативных следственных действий. Зачастую именно от результатов допроса зависят оперативность расследования, минимизация трудозатрат следователя и сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих сопровождение расследуемого уголовного дела, а также последующее неизбежное привлечение виновного к уголовной ответственности.

Не является исключением и допрос подозреваемого, совершившего преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ, с использованием средств сотовой связи в период отбывания наказания в местах лишения свободы.

Следует отметить, что методика расследования данных преступлений будет отличаться от большинства аналогичных преступлений, совершенных на воле, и вносить свои коррективы в тактику проведения отдельных следственных действий. Данная специфика в первую очередь будет обусловлена местом совершения преступления (территорией исправительного учреждения (ИУ)) и субъектом преступления (лицом, отбывающим наказание за ранее совершенное преступление).

Основной чертой значительной части допрашиваемых осужденных в местах лишения свободы является нежелание давать показания, то есть оказывать какое-либо содействие органам предварительного расследования [1, с. 120]. В связи с этим требуется тщательный подход к подготовительному этапу допроса подозреваемого. Следователь должен подготовиться к допросу так, чтобы у подозреваемого не оставалось никаких вопросов относительно доказывания его вины и пришло осознание необходимости написания явки с повинной и дачи признательных показаний.

К основным данным о личности подозреваемого, подлежащим выяснению в рамках предварительного расследования, следует отнести информацию, перечисленную в ч. 4. ст. 304 УПК РФ: фамилия, имя и отчество осужденного, дата и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные, имеющие значение для уголовного дела.

Пояснение относительно «иных данных» мы можем найти в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре», где указывается, что судом могут быть учтены данные об имеющейся у подсудимого инвалидности, наличии у него государственных наград, почетных, воинских и иных званий и др. Кроме того, в отношении ранее судимых лиц необходимо получить сведения о дате осуждения с указанием наименования суда, норме уголовного закона и мере наказания с учетом последующих изменений, если таковые имели место, об испытательном сроке при условном осуждении, о дате отбытия (исполнения) наказания или дате и основании освобождения от отбывания наказания, размере неотбытой части наказания. В случае, когда лицо имеет судимость за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, указание об этом должно содержаться в приговоре.

Следует отметить, что практически все перечисленные данные добываются следователем путем получения ответов на запросы из органов МВД России, судов, психо- и наркодиспансеров, военкоматов и т. д. [2, с. 284]. Что же касается запросов на характеризующие материалы, следователи, как правило, направляют один–два шаблонных запроса участковому по месту проживания подозреваемого до заключения его в ИУ и по месту отбывания им наказания. Ответы, как правило, тоже присылаются шаблонные и не раскрывают существенных особенностей личности.

Указанные обстоятельства нашли подтверждение в результатах проведенного анкетирования сотрудников подразделений ОВД и УИС, которое показало, что 81 % опрошенных ограничиваются направлением минимально необходимых запросов для изучения личности, 17 % – стараются получить информацию о личности в рамках допроса свидетелей, в том числе знакомых, друзей и родственников преступника, 4 % – направляют также запросы на характеристики по месту учебы, работы, предыдущим местам отбывания наказания и т. д.

Результаты интервьюирования также говорят о формальном подходе при сборе характеризующих материалов. Большая часть следователей ограничивается лишь сбором данных и не реализует их в ходе допросов, что говорит о недооценке получаемой информации.

Вместе с тем неформальный подход к сбору характеризующих материалов призван способствовать не только успешному допросу подозреваемого, но и всего предварительного расследования в целом. Так, обязательным положением, которое следует отражать при сборе характеризующих материалов, являются социальные связи подозреваемого. Данный момент необходимо фиксировать в запросах на характеризующие данные, при проведении допросов родственников, знакомых, сотрудников ИУ, осужденных, с кем отбывает наказание подозреваемый.

Собранная информация о социальных связях способна помочь в установлении пути получения средств сотовой связи, которые использовались как орудия преступления. В отличие от иных орудий преступлений, которые, как правило, используются в ИУ, например для совершения преступлений против жизни и здоровья (ножи, заточки, предметы интерьера, используемые в качестве орудия, и т. д.), сотовые телефоны не изготавливаются осужденными, не переделываются и их нахождение на территории ИУ запрещено. Указанные обстоятельства говорят о необходимости установления путей получения средств сотовой связи осужденным-подозреваемым, и неформальный подход к сбору характеризующих материалов может способствовать этому.

Как показывает уголовная и административная практика, основные пути поступления средств сотовой связи в ИУ – это проносы и перебросы, осуществляемые знакомыми и родственниками осужденных (2022 г. – 11 909 единиц) [3, с. 38], проносы, совершаемые следователями, дознавателями, защитниками, а также сотрудниками учреждений (2022 г. – 66 единиц) [4]. Для установления коррумпированных сотрудников привлекаются представители оперативных подразделений ОСБ и подразделений по противодействию коррупции, а установление лиц, совершающих перебросы, возможно путем тщательного сбора характеризующих материалов.

Так, в характеристике от участкового уполномоченного полиции могут содержаться сведения о родственниках подозреваемого, знакомых, их образе жизни, совершенных административных проступках и судимостях.

В характеристиках из мест лишения свободы, уголовных инспекций может отражаться информация о том, с кем из осужденных подозреваемый поддерживает и поддерживал приятельские и дружеские отношения. Зачастую именно совместное отбывание наказания способствует обмену криминальным опытом, спланирует осужденных [5, с. 188]. Такие связи продолжают существовать и после освобождения, в том числе используются для «грева» лиц, отбывающих наказание. Лица, ранее отбывавшие наказания, способны к совершению более грамотных перебросов, так как лучше знают особенности устройства и функционирования средств режима, надзора и охраны, имеют общее представление о работе отдельных подразделений и служб ИУ.

Полученная информация о социальных связях способна определить дальнейшее направление расследования, содержание поручений и заданий для сотрудников оперативных подразделений, а в отработанном и проанализированном виде должна быть использована в рамках последующих допросов подозреваемого, обвиняемого.

Обстоятельства, изложенные выше, говорят о необходимости постоянного взаимодействия между субъектами правоохранительных органов, осуществляющих раскрытие и расследование по уголовному делу [6, с. 196]. Кроме помощи в сборе характеризующих материалов и отработки появляющихся версий сотрудники оперативных подразделений способны доводить до следователя информацию о морально-психологическом состоянии подозреваемого на конкретный момент, что представляется особенно актуальным для

допроса подозреваемого из числа осужденных, этапированных в следственный изолятор (СИЗО). Данные такого рода могут быть получены сотрудниками оперативного отдела СИЗО, в том числе через привлечение лиц, оказывающих негласное содействие.

Информация о психологическом состоянии осужденного может помочь с определением времени проведения допроса. Так, следователь должен учитывать подавленное или возбужденное состояние осужденного, позицию отрицания или признания вины, высказывания в период нахождения в камере после свиданий с родственниками, встреч с защитником, оперативными уполномоченными уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в основе тщательной и полноценной подготовки к допросу подозреваемого в совершении мошеннических действия с использованием средств сотовой связи из числа осужденных к лишению свободы лежит комплекс следственных и процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий. Так, при изучении личности допрашиваемого следователь не должен ограничиваться перечнем стандартных запросов и шаблонных вопросов на допросах свидетелей. Личность мошенника должна изучаться комплексно с учетом установления социальных связей преступника. Указанная информация призвана способствовать отработке версий поступления сотового телефона к подозреваемому, установлению психологического контакта с допрашиваемым, подготовке необходимого перечня вопросов и т. д.

Следователь должен учитывать место проведения допроса и умело пользоваться ресурсами оперативных отделов ИУ и СИЗО. Последние обладают значительным потенциалом в части характеризующей информации о подозреваемом-осужденном, его социальных связях в среде лиц, находящихся в учреждениях УИС, психологическом состоянии на конкретный момент предварительного расследования. Умелое использование следователем данной информации может помочь в последующем при проведении допроса осужденного, подозреваемого в мошеннических действиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нуждин А. А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 232 с.
2. Волков Д. Ю. Изучение личности как подготовительный этап допроса подозреваемого, обвиняемого, содержащегося в следственном изоляторе // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 2. С. 283–287.
3. Отчет по форме № ФСИН-1, установленный приказом ФСИН России от 01.08.2014 № 398 «Об утверждении формы статистической отчетности ФСИН-1 «Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы» и инструкции по ее заполнению и представлению». Тверь, 2023. 390 с.
4. Александр Калашников о работе тюремного ведомства. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/808052-fsin-rabota-vedomstvo> (дата обращения: 20.09.2023).
5. Акчурин А. В. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования пенитенциарных преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2022. 509 с.
6. Остапенко В. Н. Проблемы взаимодействия органов предварительного расследования с оперативными подразделениями ФСИН России при расследовании мошенничеств, совершенных с использованием средств сотовой связи в условиях исправительных учреждений // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 20–22 ноября 2019 г.) : в 10 т. Рязань, 2019. Т. 4. С. 195–199.

REFERENCES

1. Nuzhdin A.A. *Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo osuzhdennymi v uchrezhdeniyakh UIS s ispol'zovaniem sredstv sotovyykh sistem podvizhnoi svyazi: dis. ... kand. yurid. nauk* [Investigation of fraud committed by convicts in penal institutions using mobile cellular communication systems: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2013. 232 p.
2. Volkov D.Yu. The study of personality as a preparatory stage of interrogation of a suspect, accused, detained in the detention center. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 283–287. (In Russ.).
3. *Otchet po forme No. FSIN-1, ustanovlennyy prikazom FSIN Rossii ot 01.08.2014 No. 398 "Ob utverzhdenii formy statisticheskoi otchetnosti FSIN-1 "Itogi deyatel'nosti uchrezhdenii, organov i predpriyatii ugovovno-ispolnitel'noi sistemy» i instruksii po ee zapolneniyu i predstavleniyu"* [Report on form No. FSIN-1, established by Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 398 of August 1, 2014 "On approval of the form of statistical reporting of the Federal Penitentiary Service-1 "Results of the activities of institutions, bodies and enterprises of the penal system" and instructions for completing and submitting it]. Tver. 2023. 390 p.
4. *Aleksandr Kalashnikov o rabote tyuremnogo vedomstva* [Alexander Kalashnikov on the work of the prison department]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/article/808052-fsin-rabota-vedomstvo> (accessed September 20, 2023).
5. Akchurin A.V. *Teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty rassledovaniya penitentsiarnykh prestuplenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Theoretical foundations and applied aspects of the investigation of penitentiary crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2022. 509 s.
6. Ostapenko V.N. Problems of interaction of preliminary investigation bodies with operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia in the investigation of frauds committed using cellular communications in correctional facilities. In: *IV mezhdunarodnyi penitentsiarnyy forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (k 140-letiyu ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii): sb. tez. vystup. i dokl. uchastnikov (Ryazan', 20–22 noyabrya 2019 g.) v 10 t. T. 4* [IV International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction" (to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the FPS of Russia): collection of reports (Ryazan, November 20–22, 2019), 10 vols. Volume 4]. Ryazan, 2019. Pp. 195–199. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ВОЛКОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, hartman1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8773-1321>

МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ КРЕМЛЕВ – кандидат юридических наук, начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, mvkremlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0084-0902>

DMITRII YU. VOLKOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigative Activities of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, hartman1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8773-1321>

MAKSIM V. KREMLEV – Candidate of Sciences (Law), Head of the Department of Organization of Operational Investigative Activities of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia, mvkremlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0084-0902>

Статья поступила 27.09.2023

Научная статья

УДК 343.7

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.010

Преступление в сфере предпринимательской деятельности: понятие и виды

ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРИАНОВИЧ ЗВОРЫКИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vz001@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и виды преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Отмечается, что, несмотря на разработанность данной темы в юридической литературе, она является одной из спорных и противоречивых. Определено, что рассматриваемые преступления являются составной частью группы преступлений в сфере экономической деятельности. Для них характерен свой субъект – физическое и юридическое лицо, осуществляющее законную предпринимательскую деятельность или участвующее в ней. Под преступлениями в сфере предпринимательской деятельности понимаются общественно опасные деяния, посягающие на установленный законодательством порядок самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; предприниматель; преступление.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Зворыкин В. В. Преступление в сфере предпринимательской деятельности: понятие и виды // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 87–93. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.010.

Original article

Crime in the Field of Entrepreneurial Activity: Concept and Types

VLADISLAV V. ZVORYKIN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vz001@list.ru

Abstract. The article discusses the concept and types of crimes in the field of entrepreneurial activity. Despite this topic is developed in the legal literature, it is still rather controversial. The author comes to a number of conclusions. Crimes in the field of entrepreneurial activity are an integral part of a group of crimes in the field of economic activity. They are characterized by their own subject – an individual and a

legal entity engaged in legitimate business activities or participating in it. Crimes in the field of entrepreneurial activity are understood to be socially dangerous acts that infringe on the procedure established by law for carrying out independent activities aimed at systematically making a profit.

Keywords: entrepreneurial activity; entrepreneur; crime.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Zvorykin V.V. Crime in the field of entrepreneurial activity: concept and types. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 87–93. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.010.

За время действия российского уголовного закона проведено значительное количество научных исследований, посвященных категории «преступление в сфере предпринимательской деятельности». Это вполне объяснимо, поскольку предпринимательство занимает центральное место в развитии общества, а предприниматель является опорой и гарантом стабильности и устойчивого развития Российской Федерации, особенно в современных условиях. Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, эффективная защита прав предпринимателей, предпринимательских свобод – это важнейшее условие успешного развития национальной экономики, всей страны [1].

Несмотря на то что вопрос о понятии и видах преступлений в сфере предпринимательской деятельности в последние годы является одним из самых разработанных в юридической литературе, он при этом остается спорным и противоречивым. Во многом это связано с тем, что предпринимательские преступления не выделены российским законодателем в отдельную группу.

При формулировании понятия «предпринимательское преступление» большинство исследователей стараются отталкиваться от понятия «предпринимательство». В Современном экономическом словаре указанное понятие определяется как инициативная, самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Предпринимательство преследует также цель повышения имиджа, статуса предпринимателя [2]. В действующем отечественном законодательстве под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (ГК РФ).

Исходя из приведенного понятия, под преступлением в сфере предпринимательской деятельности следует понимать вид общественно опасного и уголовно наказуемого деяния, посягающего на отношения в сфере получения прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Данные преступления совершаются особой категорией субъектов – лицами, осуществляющими самостоятельно, на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Подобный вывод следует исходя из экономической теории и, следовательно, требует уточнения применительно к целям уголовного права.

Анализ отечественного уголовного законодательства позволяет выявить ряд составов преступлений, при конструировании которых законодатель использует понятия, относимые к исследуемой сфере деятельности (предприниматель, предпринимательство, предпринимательская деятельность и т. п.). Так, к подобным составам следует отнести преступления, предусмотренные следующими статьями УК РФ: ст. 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности», ст. 171 «Незаконное предпринимательство», ст. 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой», ст. 176 «Незаконное получение кредита», ст. 199.2 «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов», ст. 289 «Незаконное участие в предпринимательской деятельности» и др.

Примечательно, что большинство составов располагаются в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере предпринимательской деятельности», на основании чего можно было бы сделать вывод о тождественности между собой преступлений в сфере экономики и предпринимательской деятельности. Однако такой подход неверен, поскольку исходя из толкования действующего законодательства и анализа терминов «экономическая деятельность» и «предпринимательская деятельность» следует, что отмеченные понятия соотносятся как целое (преступления в сфере экономической деятельности) и часть (преступления в сфере предпринимательской деятельности). Следовательно, экономические преступления – это преступления, ответственность за которые предусмотрена гл. 22 УК РФ и посягающие на установленный порядок осуществления самостоятельной и систематической предпринимательской и иной экономической деятельности. В свою очередь, преступления в сфере предпринимательской деятельности являются составной частью группы преступлений в сфере экономической деятельности и посягают на специфические общественные отношения.

Думается, что анализ понятия и видов преступлений в сфере предпринимательской деятельности был бы неполным без учета мнения ученых-юристов по данному вопросу. Так, например, О. Г. Карпович предлагает к числу преступлений, препятствующих законной предпринимательской деятельности, отнести ст. 169, 178 УК РФ, а вторую группу образуют ст. 171, 171.1, 172, 195–197 УК РФ [3, с. 12]. По мнению А. А. Чугунова, преступления, посягающие на свободу предпринимательской деятельности, предусмотрены ст. 169, 178, 179 УК РФ [4, с. 10]. В. О. Лапин под преступлениями в сфере предпринимательской деятельности понимает общественно опасные уголовно наказуемые умышленные деяния, совершенные субъектами предпринимательства в процессе осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности либо под прикрытием такой деятельности, путем нарушения нормативной модели предпринимательской деятельности в той или иной сфере или отрасли экономики, преследуя корыстный мотив для извлечения криминального дохода или причинения материального ущерба гражданам, организациям или государству [5, с. 94]. По мнению указанного автора, условно преступления в сфере предпринимательской деятельности следует разделить на две группы:

– основные (базовые) составы преступлений, в результате совершения которых извлекается криминальный доход: ст. 159, 159.1, 159.2, 159.5, 160, 165, 171, 171.1, 171.2, 171.3, 171.5, 172, 172.2, 176, 178, 180, 191, 191.1, 196, 200.3, 201, 235.1, 238.1 УК РФ;

– вспомогательные (сопутствующие) составы, которые, как правило, выступают обязательной составляющей преступной деятельности в сфере предпринимательства (базовых преступлений) и могут совершаться на различных этапах преступной деятельности (как до совершения базового преступления, одновременно с ним либо после его совершения в

целях сокрытия): ст. 172.1, 172.3, 173.1, ч. 2 ст. 173.2, 174, 174.1, 187, 193, 193.1, 195, 197, 327.1, 327.2 УК РФ [6, с. 131].

Как мы видим, вопрос о понятии и видах преступлений в сфере предпринимательской деятельности является неоднозначно решаемым в юридической литературе. И это неслучайно, поскольку данные преступления отличаются сложностью, что обусловлено многообразием способов их совершения. Полагаем, что при решении вопроса об отнесении конкретного состава преступления к группе преступлений в сфере предпринимательской деятельности следует руководствоваться в том числе судебной практикой. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» ключевым критерием отнесения противоправного деяния к предпринимательскому преступлению является именно сфера совершения преступления. Такой вывод следует из п. 6 постановления, где сказано, что при решении вопроса о соответствующих мерах следует использовать их при условии, что эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

В целях определения составов предпринимательских преступлений, включенных в ныне действующий уголовный закон, нами в период с октября по декабрь 2023 г. был проведен опрос трех групп респондентов из числа предпринимателей, практических работников (следователей, дознавателей, судей), а также научных и педагогических работников общей численностью 524 чел. В ходе исследования респондентам было предложено ответить на вопрос: «Какие статьи УК РФ, по вашему мнению, относятся к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности?» Результаты опроса приведены в таблице.

Таблица

Ответы респондентов на вопрос о том, какие статьи УК РФ относятся к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности

Статьи УК РФ	Группы респондентов		
	Предприниматели (%)	Практические работники (%)	Научные и педагогические работники (%)
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Статья 159. Мошенничество	–	1	2
Статья 160. Присвоение или растрата	–	2	3
Статья 165. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием	–	1	1
Статья 171. Незаконное предпринимательство	15	19	18
Статья 171.1. Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации	2	1	2
Статья 171.2. Незаконная организация и проведение азартных игр	3	4	5

1	2	3	4
Статья 172.3. Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах	2	3	5
Статья 171.4. Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции	3	2	–
Статья 171.5. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)	3	2	–
Статья 172. Незаконная банковская деятельность	1		1
Статья 172.1. Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации	1	1	2
Статья 172.2. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества	2	2	3
Статья 172.3. Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах	2	1	5
Статья 173.1. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица	4	1	5
Статья 173.2. Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица	2	1	1
Статья 174. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем	4	5	4
Статья 174.1. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления	3	2	1
Статья 176. Незаконное получение кредита	5	3	1
Статья 177. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности	–	1	–
Статья 178. Ограничение конкуренции	–	1	–
Статья 180. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)	–	1	4
Статья 181. Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм	–	1	–
Статья 183. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну	4	3	2
Статья 185.3. Манипулирование рынком	2	5	1
Статья 187. Неправомерный оборот средств платежей	2	4	1
Статья 189. Незаконный экспорт из Российской Федерации или передача товаров или технологий, вооружения или военной техники, незаконное выполнение работ либо незаконное оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль	–	–	1
Статья 190. Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей	–	–	2
Статья 191. Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга	1	–	3
Статья 191.1. Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины	5	6	4
Статья 192. Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней	1	–	1
Статья 193. Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации	1	–	2
Статья 193.1. Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов	1	1	1

1	2	3	4
Статья 194. Уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица	4	3	–
Статья 195. Неправомерные действия при банкротстве	2	2	1
Статья 196. Преднамеренное банкротство	3	5	4
Статья 197. Фиктивное банкротство	3	4	1
Статья 198. Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица-плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов	3	2	4
Статья 199. Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией-плательщиком страховых взносов	4	5	1
Статья 199.1. Неисполнение обязанностей налогового агента	4	2	1
Статья 199.2. Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов	2	1	1
Статья 199.3. Уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд	3	1	3
Статья 199.4. Уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд	2	3	1
Статья 201. Злоупотребление полномочиями	1	–	3

Как следует из проведенного опроса, респонденты отнесли к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности противоправные деяния, предусмотренные ст. 171, 171.2, 171.3, 172.3, 173.1, 174, 176, 183, 191.1, 195–199, 199.1, 199.2.

Следует обратить внимание, что определение круга преступлений в области предпринимательской деятельности – задача весьма сложная и неоднозначная. Это связано с особенностями самой деятельности, а также с широким и разнообразным спектром охватываемых ею общественных отношений. В этой связи в действующем уголовном законе имеется широкий перечень преступлений, которые можно отнести к сфере предпринимательской деятельности. Из всей совокупности данных преступлений, которую образуют преступления, предусмотренные ч. 5–7 ст. 159, ст. 171, 171.1, 171.3, 172.3, 173.1, 174.1, 176–178, 180, 181, 183, 190–199.4 УК РФ, ч. 1–4 ст. 159, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201, следует выделить две группы преступлений. Так, в УК РФ имеются составы преступлений, которые непосредственно относятся к рассматриваемой группе противоправных деяний, например незаконное предпринимательство, так и преступления, относимые в анализируемой группе противоправных деяний с определенной долей условности, например фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации или злоупотребление полномочиями.

Полагаем, что преступления в сфере предпринимательской деятельности являются составной частью группы преступлений в сфере экономической деятельности. Для них характерен свой субъект – физическое и юридическое лицо, осуществляющее законную предпринимательскую деятельность или участвующее в ней. Под преступлениями в сфере предпринимательской деятельности понимаются общественно опасные деяния, посяга-

ющие на установленный законодательством порядок реализации самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выступление Владимира Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://opora.ru/news/vladimir-putin-effektivnaya-zashchita-prav-predprinimateley-predprinimatelskikh-svobod-eto-vazhneysh.html?ysclid=18bwjd4o54593700925> (дата обращения: 01.08.2022).
2. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд. М., 1999. 476 с.
3. Карпович О. Г. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности в России и странах Европы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 61 с.
4. Чугунов А. А. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 26 с.
5. Лапин В. О. Преступления в сфере предпринимательской деятельности как объект криминалистического исследования // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 93–102.
6. Лапин В. О. Типичные модели преступной деятельности в сфере предпринимательства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 1. С. 127–132.

REFERENCES

1. *Vystuplenie Vladimira Putina na rasshirennom zasedanii kollegii General'noi prokuratury RF* [Vladimir Putin's speech at an expanded meeting of the Board of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. Available at: <https://opora.ru/news/vladimir-putin-effektivnaya-zashchita-prav-predprinimateley-predprinimatelskikh-svobod-eto-vazhneysh.html?ysclid=18bwjd4o54593700925> (accessed August 1, 2022).
2. Raizberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyyi ekonomicheskii slovar'* [Modern economic dictionary]. Moscow, 1999. 476 p.
3. Karpovich O.G. *Ugolovno-pravovaya okhrana predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Rossii i stranakh Evropy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal law protection of entrepreneurial activity in Russia and European countries: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2003. 61 p.
4. Chugunov A.A. *Ugolovno-pravovaya okhrana predprinimatel'skoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal and legal protection of entrepreneurial activity: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2001. 26 p.
5. Lapin V.O. Typical models of criminal activity in the field of entrepreneurship. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2020, no. 2 (54), pp. 93–102. (In Russ.).
6. Lapin V.O. Typical models of criminal activity in the field of entrepreneurship. *Vestnik Altaiskoi Akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2022, no. 1, pp. 127–132. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРИАНОВИЧ ЗВОРЫКИН – соискатель ученой степени, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vz001@list.ru

VLADISLAV V. ZVORYKIN – Degree Candidate of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vz001@list.ru

Статья поступила 15.05.2024

Научная статья

УДК 343.3

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.011

Противодействие реабилитации нацизма и формированию фашистской идеологии: уроки истории и современные реалии

НОДАР ШОТАЕВИЧ КОЗАЕВ

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
Ставрополь, Россия, nkosaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5575-2750>

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РЯСОВ

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
Ставрополь, Россия, ryasov_dmitriy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-0299>

Аннотация. В статье исследуются ключевые аспекты Стратегии национальной безопасности России в контексте противодействия реабилитации нацизма и формированию фашистской идеологии. Предпринят анализ исторических факторов, обусловивших возникновение фашистской идеологии, а также основных мер по противодействию современным формам неонацизма. Сформулированы важные направления криминологического противодействия реабилитации нацизма и формированию нацистской идеологии.

Ключевые слова: реабилитация нацизма; фашистская идеология; неонацизм; преступность; экстремизм; криминологическое противодействие; безопасность государства.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Козаев Н. Ш., Рясков Д. А. Противодействие реабилитации нацизма и формированию фашистской идеологии: уроки истории и современные реалии // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 94–101. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.011.

Original article

Countering Nazism Rehabilitation and Fascist Ideology Formation: History Lessons and Modern Realities

NODAR SH. KOZAEV

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior
of Russia, Stavropol, Russia, nkosaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5575-2750>

© Козаев Н. Ш., Рясков Д. А., 2024

DMITRII A. RYASOV

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, ryasov_dmitriy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-0299>

Abstract. The article considers key aspects of Russia's National Security Strategy in the context of countering Nazism rehabilitation and fascist ideology formation. The authors analyze historical factors that led to the fascist ideology emergence, as well as the main measures to counteract modern forms of neo-fascism. The important directions of criminological counteraction to Nazism rehabilitation and Nazi ideology formation are formulated.

Key words: Nazism rehabilitation; fascist ideology; neo-Nazism; crime; extremism; criminological counteraction; state security.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kozaev N.S., Ryasov D.A. Countering Nazism rehabilitation and Fascist ideology formation: history lessons and modern realities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 94–101. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.011.

История России омрачена двумя мировыми войнами, геноцидом и военными конфликтами. XXI век несет в себе потенциал для развязывания третьей мировой войны, включая возможность ядерной. Это создает серьезную опасность для будущего человечества. Преступления такого рода не только лишают человека его прав и свобод, но также негативно сказываются на развитии отдельных стран и всего мирового сообщества в целом. Они нарушают гармонию в мире, которая является необходимой для выживания человечества, и представляют угрозу для его безопасности.

С течением времени меняются исторические концепции. Раньше сравнивали нацистский режим с тоталитарным советским, а сейчас пытаются возложить всю ответственность за войну на Советский Союз и объявить его преступником хуже Третьего рейха. Замалчиваются значение и суть приговора Нюрнбергского трибунала – международного военного трибунала, который вынес наказание главным военным преступникам европейских стран оси. Этот приговор расставил все по местам, осудив главарей нацистского режима и признав военные преступления и преступления против человечности, совершенные нацистами и их приспешниками. Благодаря Нюрнбергскому процессу мир узнал о ужасах национал-социализма и зверских преступлениях последователей этой идеологии. Но сегодня приговор Нюрнбергского трибунала является помехой для приверженцев миропорядка, основанного на правилах. Многие наблюдатели говорят, что история повторяется, и шаблоны, разработанные нацистской Германией, сегодня реализуются на практике.

Во время специальной военной операции России на Украине стало очевидным, насколько широко распространены нацистские идеи в украинском обществе. Особую обеспокоенность вызывают угрозы трансформации сознания молодой части общества. Распространение экстремистских организаций, особенно среди молодежи, вызывает серьезные опасения. Дело в том, что молодые люди особенно уязвимы перед радикальными и разрушительными взглядами. Число преступлений экстремистской направленности и связанных с пропагандой и реабилитацией нацизма постоянно растет [1, с. 24]. Еще до начала спецоперации МВД России отмечало рост преступлений экстремистской направлен-

ности. Например, в 2020 г. количество таких преступлений выросло на 42,4 % по сравнению с 2019 г. и достигло отметки в 833 случая. В январе 2022 г. зарегистрировано 52 преступления экстремистской направленности (на 15,6 %, больше, чем в 2021 г.), в январе 2021 г. – 45 (на 27,4 % меньше, чем в 2020 г.), в январе 2020 г. – 62 (на 77 % больше, чем в 2019 г.) и в 2019 г. – 35 (на 60,2 % меньше, чем в 2018 г.) [2]. Таким образом, количество преступлений экстремистской направленности продолжает увеличиваться, несмотря на сокращение числа приговоров. За девять месяцев 2022 г. количество рассматриваемых преступлений выросло на 31 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов в докладе Совету Федерации в 2021 г. отметил увеличение числа преступлений, связанных с реабилитацией нацизма (ст. 354.1 УК РФ), в 2,5 раза за три года [3].

Проблема героизации нацизма стала одной из наиболее актуальных для современного общества. Ее глобальный характер и значимость требуют незамедлительного и окончательного решения, поскольку события, связанные с нацизмом, оставили неизгладимый след в истории человечества. К ним относится холокост – систематическое преследование и уничтожение европейских евреев нацистским режимом Германии и их соучастниками в 1933–1945 гг. Также стоит упомянуть о медицинских экспериментах, проводимых на заключенных в концентрационных лагерях нацистской Германии во время Второй мировой войны. Расистские выступления и нацизм в отношении африканского населения в США, массовые нацистские убийства в Японии и колонизация африканских стран, где местные жители становились рабами для белых колонизаторов, – все эти события привели к миллионам невинных жертв, которые просто желали свободы от этих зверей в обличьи людей. К сожалению, существует множество людей с убеждениями, основанными на негативном отношении к другим расам, которые не готовы изменить свои взгляды на мир и принимать существующие моральные нормы и законы. Очень обидно, что такие люди есть среди русского народа, который в свое время смог победить главных хищников человеческой цивилизации – нацистов во главе с фашистской Германией.

Проблема возрождения идей нацизма и фашизма активно обсуждается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344. В современных условиях, когда противостояние идей превратилось в повсеместный феномен, история стала своеобразной ареной взаимной борьбы, не оставляющей равнодушным никого. Внутреннее напряжение напоминает напряженность холодной войны. Однако следует помнить, что на международном уровне ранее были приняты законы, запрещающие публичное одобрение преступлений, совершенных нацистами, во многих странах мира, включая Австрию, Венгрию, Германию, Литву, Польшу, Словению, Чехию, Швейцарию, Канаду и Израиль. В современной истории, к сожалению, некоторые государства поставили знак равенства между коммунизмом и нацизмом, учредив уголовную ответственность за отрицание «преступлений коммунизма» или «коммунистического геноцида» [4, с. 160]. Тем не менее наша позиция заключается в том, что такой подход не обоснован и свидетельствует о попытках законодателей навязать свою версию истории и угрожать наказанием за высказывание новых идеологических убеждений. Введение нормы об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в УК РФ имеет свою обоснованную предысторию.

Нацизм, известный также как национал-социализм, представляет собой идеологию, которая ставит определенную нацию (расу или народ) в центр мирового порядка и пропагандирует применение репрессивных мер в отношении остальных людей. Осуждение на-

цизма основано на его репрессивных методах и невозможности выбраться из категории угнетаемых, принадлежность к которой определяется при рождении на основе расовых или национальных признаков. Этот термин стал широко известен с появлением Третьего рейха в фашистской Германии в 1933–1945 гг., но концепция нацизма вытекает из итальянского фашизма.

В Италии в марте 1919 г. появились «фашидикомбаттименто» (боевые союзы). Эти организации включали участников, в основном бывших фронтовиков, которых объединяли крайне националистические и шовинистические взгляды, отрицание социалистических идей и желание укрепить власть. Бенито Муссолини, уже имевший политическую известность, возглавил это движение.

После Нюрнбергского процесса, казалось, что фашизм окончательно покинет мировую арену. Однако сегодня мы вынуждены признать, что идеи фашизма не только продолжают существовать, но и находят свое воплощение в реальности. Во многих странах рецидивы прошлого становятся все более заметными и громкими. В настоящее время преобразование истории Второй мировой войны и оправдание нацизма становятся практическими инструментами для перекладывания ответственности на современную Россию. Целью таких действий является не только обвинение в мнимых и реальных ошибках и просчетах советского руководства, но и создание ситуации, в которой страны, являющиеся наследниками антигитлеровской коалиции, оказываются в бессмысленном споре о национальном вкладе в общую победу.

На сегодняшний день нет единого и всеобъемлющего определения фашизма. С самого возникновения этого явления оно исследуется представителями различных гуманитарных наук. Не зависимо от философского, социологического, исторического, юридического или другого подхода к его толкованию определение фашизма всегда основывалось на идеологическом и политическом взгляде интерпретатора. Именно поэтому существует множество концепций, которые определяют его сущность и содержание.

Определение понятий «фашизм» и «нацизм» является сложным в связи с их способностью к мимикрии и адаптации к изменяющейся обстановке. Фашизм имеет множество проявлений и разновидностей. Он существует как идеология, общественно-политическое движение, политический режим вождистского типа и террористическая диктатура. При определении этих явлений необходимо обратить внимание не только на их сходство, но и на различия.

Изучение фашизма и формулирование его определения невозможно без учета исторического контекста его возникновения и развития.

Термин «фашизм» (от итальянского слова «fascio» – «союз») связан с политической деятельностью Бенито Муссолини, который в 1919 г. при создании Итальянского союза борьбы использовал римские «фасции» [1, с. 30] в качестве символа данной организации.

Фашизм и национал-социализм (нацизм) возникли в Италии и Германии после Первой мировой войны, в период политических и социально-экономических кризисов.

Фашизм был предметом исследования с момента своего появления. В 1923 г. Н. Л. Мещеряков отметил, что фашизм был инструментом буржуазии, который помог ей сохранить власть и предотвратить мировую пролетарскую революцию. Одновременно с этим ученый указывал, что фашисты выращивают национализм и делают его центральной идеей своей идеологии [5, с. 32].

Фашизм – это идеология, политический режим и движение, основанные на принципе национализма, особенно в его крайних формах, таких как шовинизм и расизм. Фашисты

пропагандируют радикальные и насильственные методы захвата и удержания власти, которые часто сопровождаются нарушением прав человека и преступной деятельностью [6, с. 92–93].

Проявления фашизма обладают следующими ключевыми характеристиками: антикоммунизм, антилиберализм, антидемократизм и тоталитаризм; милитаризация в социально-политической и экономической сферах; стимулирование ненависти к внутреннему и внешнему противнику для консолидации нации и подготовки к войне, применяя любые захватывающие методы, включая преступные; популизм и почитание высшего руководства» [4, с. 158].

Однако самой опасной формой фашизма считается нацизм, который сформировался в национал-социалистической идеологии и практиках Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

Основными характеристиками нацизма являются: использование тоталитарных, экстремистских и террористических методов при захвате и удержании власти; пропаганда превосходства определенной расы (в данном случае «чистой германской расы»), шовинизм и расизм; принятие официального законодательства, основанного на национализме, расизме и антисемитизме; совершение преступлений, угрожающих существованию государств и народов, в том числе военных преступлений и преступлений против человечности.

Из всего вышеизложенного следует, что фашизм и нацизм объединяет идея национального превосходства, но есть и различия. Фашизм сконцентрирован на укреплении государства и возрождении империи, тогда как нацизм сосредоточен на доминировании определенной расы и проявляется в агрессии к придерживающимся иной идеологии людям.

Таким образом, понятия «нацизм» и «фашизм» имеют схожие черты, но их следует различать для правильного применения закона и противодействия этим опасным идеологиям.

В период Второй мировой войны нацисты совершили множество злодеяний. Используя оружие, виселицы, огонь и воду, голод и холод, они стремились уничтожить людей и очистить оккупированные ими территории от местного населения. Однако благодаря усилиям стран, объединившихся в антигитлеровскую коалицию, фашистское варварство не смогло овладеть миром. Битва была выиграна не только за жизнь и свободу людей, но и за международное правосудие» [7, с. 196].

Россия – одна из стран, которая пострадала от нацистской доктрины во время Великой Отечественной войны. В настоящее время все чаще проявляются антисоветские и русофобские настроения, которые можно наблюдать не только в Российской Федерации, но и в других странах. Это дает основание утверждать, что нацизм представляет угрозу для современного общества, его порядка существования, государственного устройства и всего мирового порядка. В связи с этим установление уголовной ответственности за совершение действий, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ, является прямым выражением негативной реакции государства на проявление нацизма во всех его формах. Особые опасения вызывают попытки пересмотра истории, отдельных событий и ключевых военных операций. Пересмотр взглядов на нацизм и его влияние на безопасность государств связан с ростом фальсификации исторических фактов.

Сложившаяся ситуация представляет опасность, так как распространение нацизма продолжается по всему миру. События на Украине, включая антиконституционный государственный переворот, и тенденции, наблюдаемые в некоторых политических выступлениях лидеров государств, требуют принятия мер. В 2014 г. была введена статья 354.1 УК РФ для борьбы с этой проблемой.

Неонацизм, который сейчас тесно связан с украинскими ультраправыми организациями, также соответствует признакам экстремистской деятельности. Хотя он основан на идеях превосходства украинского этноса над другими, особенно русскоговорящими, он все же опирается на идеи, символы и лозунги немецкого нацизма времен Третьего рейха.

«Бандеровский» неонацизм не отличается высоким интеллектуальным уровнем. Эта идеология основана на грубых физических действиях и полном игнорировании мировых процессов, которые не соответствуют ее узкому мировоззрению. Несмотря на попытки представить лидеров этого движения как интеллектуалов и мыслителей, бандеровщина не породила ни одного значимого мыслителя или философа. В результате распространения идеологии по всей Украине киевский режим привел только к отравлению всей страны этой токсичной идеологией [8, с. 132].

Бандеровский неонацизм XXI в. обречен на поражение не только из-за экономических и политических причин и военных поражений, но, прежде всего, из-за его более глубокой антропологической природы. Украинский неонацизм базируется на самых низменных человеческих чертах – ненависти, хамстве, лжи и подлости – и поэтому изначально привлекает только моральных и интеллектуальных дегенератов. Бандеровский неонацизм способен только на саморазрушение и разрушение своей собственной страны.

Неофашизм – это термин, используемый для описания некоторых праворадикальных организаций и движений в разных странах, которые являются преемниками фашистских организаций, распущенных после Второй мировой войны. Неофашисты представляют собой небольшие маргинальные группировки без широкой поддержки со стороны избирателей. Появление неофашизма связано с экономическими трудностями и межэтническими противоречиями. Неофашистские группировки пытаются привлечь поддержку социально ущемленных слоев населения. Они используют тактику напряженности, чтобы вызвать впечатление о неспособности законно избранных правительств обеспечить общественный порядок. Рост угрозы с их стороны стимулируется опасениями европейцев о потере своей национальной и культурной идентичности из-за увеличивающейся иммиграции, в основном из афро-азиатских стран. Антииммигрантские настроения подпитывают праворадикальные партии, которые придерживаются крайне националистических и шовинистических идей, близких к фашизму.

Проявления фашизма, неонацизма, расизма и нацизма в современной истории становятся все более распространенными явлениями в культурной, социальной и политической сферах некоторых стран Европы, США и Канады. Даже официальные власти в некоторых случаях поощряют подобные проявления, что требует установления нормативно-правовых мер не только на национальном, но и международном уровне.

В заключение необходимо отметить, что угрозы возникновения нацизма в России обусловлены несколькими причинами, связанными с социально-экономическими и политико-юридическими факторами. Среди них: 1) фактор «идеологической вседозволенности»: некоторые группы общества воспринимают разнообразие идей и взглядов в России как отсутствие ограничений и наказания; 2) фактор «экономической катастрофы 1990-х гг.»: при поиске виновных за экономический кризис, представители разных демографических групп начали связывать его с определенными национальностями; 3) фактор «политической децентрализации»: усиление неонацистской активности было ответной реакцией на процесс политической децентрализации; 4) фактор «ослабления исторической памяти»: отсутствие государственной поддержки патриотического воспитания молодежи в 1990-х и начале 2000-х гг. привело к ослаблению исторической памяти; 5) фактор «иностранныго

влияния»: националистические настроения были усилены последствиями экономического кризиса 2014–2022 гг., введением экономических санкций против России западными государствами, а также активностью националистических движений в некоторых соседних странах (Украина, прибалтийские государства).

Основное решение в сфере уголовно-правовой политики государства по вопросу противодействия нацизму представляется в легальном определении понятий «нацизм» и «фашизм». Для этого следует принять специальный закон, который установит точное содержание этих понятий и связанных с ними категорий. Также можно внести изменения в статью УК РФ о «Реабилитации нацизма», чтобы устранить пробелы в определении объективной стороны этого преступления.

Кроме того, реабилитация нацизма не только оправдывает преступную деятельность нацистов, но и является своего рода призывом к подобным преступлениям. Поэтому в федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» следует внести изменения, чтобы включить реабилитацию, оправдание и пропаганду нацизма и фашизма в перечень деяний, которые следует признавать экстремистскими.

Таким образом, в целях совершенствования системы правового регулирования в области противодействия проявлениям фашизма и нацизма необходимо законодательно определить эти понятия, внести изменения в УК РФ и федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Это позволит более эффективно бороться с распространением идеологий нацизма и фашизма и обеспечить национальную безопасность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вердикханова А. Н., Голубкова Н. И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2022. № 4 (40). С. 21–32.
2. В РФ в январе почти на 160 % выросло количество преступлений экстремистской направленности. URL: https://tass.ru/proisshestviya/17194839?ysclid=lp8atgi2dz976530475&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 21.10.2023).
3. Генпрокурор РФ представил доклад о состоянии законности и правопорядка в 2021 году. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/genprokuror-rf-predstavil-doklad-o-sostoyanii-zakonnosti-i-pravoporyadka-v-2021-godu/?ysclid=llkjmyyn65r654636206> (дата обращения: 20.10.2023).
4. Левандовская М. Г. Реабилитация нацизма как преступление // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 155–162.
5. Мировой фашизм / под ред. Н. Мещерякова. М. ; Прага, 1923. 286 с.
6. Меркурьев В. В., Рубцов Д. И. Совершенствование уголовно-правовых средств. Противодействие фашизму и нацизму при нарастании угроз национальной безопасности России // Обозреватель. 2022. № 5–6 (388–389). С. 89–103.
7. Василенко В. А. Ответственность государств за международные правонарушения. Киев, 2017. 267 с.
8. Неменский О. Б. Неонацизм на современной Украине // Вопросы национализма. 2019. № 1 (32). С. 125–142.

REFERENCES

1. Verdikhanova A.N., Golubkova N.I. Rehabilitation of Nazism and distribution of neo-Nazi views as forms of extremist activity in the modern context. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2022, no. 4 (40), pp. 21–32. (In Russ.).

2. *VRF v yanvare pochti na 160% vyroslo kolichestvo prestuplenii ekstremistskoi napravlenosti* [In January, the number of extremist crimes in the Russian Federation increased by almost 160%]. Available at: https://tass.ru/proisshestiya/17194839?ysclid=lp8atgi2dz976530475&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (accessed October 21, 2023).
3. *Genprokuror RF predstavil doklad o sostoyanii zakonnosti i pravoporyadka v 2021 godu* [The Prosecutor General of the Russian Federation presented a report on the state of law and order in 2021]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/genprokuror-rf-predstavil-doklad-o-sostoyanii-zakonnosti-i-pravoporyadka-v-2021-godu/?ysclid=llkjmyn65r654636206> (accessed October 20, 2023).
4. Levandovskaya M.G. The rehabilitation of Nazism as a crime. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 12, pp. 155–162. (In Russ.).
5. *Mirovoi fashizm* [World Fascism]. Ed. by Meshcheryakov N. Moscow, 1923. 286 s.
6. Merkur'ev V.V., Rubtsov D.I. Improving criminal justice remedies. Countering Fascism and Nazism in the face of growing threats to Russian national security. *Obozrevatel' = Observer*, 2022, no. 5–6 (388–389), pp. 89–103. (In Russ.).
7. Vasilenko V.A. *Otvetstvennost' gosudarstv za mezhdunarodnye pravonarusheniya* [Responsibility of states for international offenses]. Kiev, 2017. 267 p.
8. Nemenskii O.B. Neo-Nazism in modern Ukraine. *Voprosy natsionalizma = Questions of Nationalism*, 2019, no. 1 (32), pp. 125–142. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НОДАР ШОТАЕВИЧ КОЗАЕВ – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, Ставрополь, Россия, nkosaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5575-2750>
ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РЯСОВ – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Россия, ryasov_dmitriy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-0299>

NODAR SH. KOZAEV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, nkosaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5575-2750>
DMITRII A. RYASOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, ryasov_dmitriy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-0299>

Статья поступила 20.11.2023

Научная статья

УДК 343.13

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.012

Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности: вопросы юридической техники

ИЛЬЯ ЛЕОНИДОВИЧ КРУТИКОВ

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

Вологодская коллегия адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия

advokatkrutikov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8113-405X>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы отсутствия законодательно закрепленной дефиниции понятия фальсификации доказательств в контексте ст. 303 УК РФ. Анализируются научные точки зрения, иностранное уголовное законодательство, судебная практика применения норм о фальсификации доказательств. Обосновывается решение обозначенной проблемы путем применения правоинтерпретационной техники (техники толкования).

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; преступления против правосудия; фальсификация доказательств; юридическая техника; толкование права.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Крутиков И. Л. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности: вопросы юридической техники // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 102–112. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.012.

Original article

Falsification of Evidence and Results of Law Enforcement Intelligence Operations: Legal Technique Issues

IL'YA L. KRUTIKOV

North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Vologda Bar Association "Standard", Vologda, Russia

advokatkrutikov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8113-405X>

© Крутиков И. Л., 2024

Abstract. The article considers problems of the lack of a legally fixed definition of the concept of falsification of evidence in the context of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes scientific points of view, foreign criminal legislation, judicial practice of applying norms on falsification of evidence. A solution to the problem of the absence of the concept of falsification of evidence is proposed and justified through the use of legal interpretation techniques.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; crimes against justice, falsification of evidence; legal technique; interpretation of law.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Krutikov I.L. Falsification of evidence and results of law enforcement intelligence operations: legal technique issues. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 102–112. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.012.

Современная социально-экономическая обстановка в стране влечет рост активности всех субъектов правоотношений, а следовательно, значительное повышение роли правосудия как способа разрешения различных споров и правовой защиты.

Одной из гарантий законности и средством охраны правосудия является предусмотренная ст. 303 УК РФ уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Вместе с тем в практике возникает множество проблем, связанных с применением данной нормы, а также определением признаков общественно опасных отношений, подпадающих под санкцию данной статьи.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2020 г. по ст. 303 УК РФ (включая все части) осуждено 88 лиц, в 2021 г. – 135, в 2022 г. – 153, в первом полугодии 2023 г. – 66, что свидетельствует о росте количества осужденных лиц в 2021 г. на 53 %, в 2022 г. – на 13,3 %.

В настоящей статье считаем необходимым рассматривать понятие фальсификации доказательств и перспективы его законодательного закрепления через призму применения института юридической техники.

Статья 303 УК РФ определяет диспозиции следующих составов фальсификации: доказательств по гражданскому и административному делу, по делу об административном правонарушении; по уголовному делу и по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении (повлекших тяжкие последствия); фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности.

Несмотря на то что отмеченные предметы различны, преступное воздействие на них имеет одну общность, которая заключается в их фальсификации, что позволяет утверждать о полном совпадении признаков объективной стороны рассматриваемых преступлений [1, с. 83].

Термин «фальсификация» связан с понятием «доказательства», которое широко исследовано в научной литературе. По мнению С. А. Шейфер, доказательства – это сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму [2, с. 56].

Для исследуемой проблемы представляет интерес такое свойство доказательств, как их достоверность, о котором также ведется немало дискуссий. Понятие достоверности охватывает известность, доброкачественность и проверяемость не только источника доказательств, но и способа получения информации [3, с. 50–51].

Определение достоверности доказательств неразрывно связано с понятием «фальсификация», поскольку установление достоверности доказательств содержит его проверку на предмет возможной фальсификации. Данное обстоятельство имеет существенное значение, поскольку недостоверные доказательства зачастую бывают фальсифицированными [4, с. 296–297].

В ст. 303 УК РФ объективная сторона состава преступления определена иностранным термином «фальсификация» (от лат. falsificatio подделывание, искажение) [5, с. 812].

Согласно толковому словарю русского языка фальсификация определена, как поддельный предмет, вещь, выдаваемая за настоящую, подделка. Фальсифицировать – значит подделать, исказить с целью выдать за подлинное, настоящее [6, с. 848].

Следует рассмотреть несколько научных точек зрения о содержании понятия «фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности».

В уголовном праве фальсификация – это профессиональный термин, поэтому юристу следует опередить в нем тот смысл, который характерен для его использования именно в профессиональном дискурсе, в противном случае законы комментировали бы не юристы, а лингвисты [7, с. 92].

Так, по мнению А. И. Чучаева и И. В. Дворянскова, фальсификация представляет собой искажение фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела. Подобное искажение подразумевает определенные действия с материальными носителями доказательственной информации: вещественными доказательствами, протоколами, заключениями эксперта, иными документами и т. д. [8, с. 46].

И. С. Иванов полагает, что фальсификация заключается в полном или частичном изменении формы и содержания не только информации, но и свойств, состава самих материальных объектов [9, с. 11].

По мнению Ю. А. Кондратьева и Т. Ю. Марковой, под фальсификацией доказательств наряду с названными выше действиями понимается также внесение в документы ложных сведений, уничтожение вещественных и иных доказательств [10, с. 89].

В комментариях к УК РФ отмечается, что фальсификация может выражаться в виде действий, состоящих в подделке, искажении предметов, выступающих доказательствами. Выделяется особое значение подмены, когда фальшивые доказательства выдаются за подлинные [11, с. 233–234].

Существует точка зрения, согласно которой одним из способов фальсификации доказательств является подкладывание, подбрасывание предметов или документов с целью последующего их изъятия и оформления в качестве доказательств [12, с. 21].

В данном случае согласимся с мнением Г. Г. Радионова о том, что такие действия не могут признаваться способом фальсификации доказательств. Однако аналогичные действия, совершаемые лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в тех же целях следует признавать фальсификацией результатов оперативно-розыскной деятельности [1, с. 93].

Несмотря на то что смысл термина «фальсификация» явно указывает на создание ложных либо искажение (подделку, подмену и т. п.) уже имеющихся доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности, в юридической науке активно поддерживается точка зрения о широкой трактовке данного понятия.

Так, часть исследователей относят к фальсификации доказательств также их уничтожение, изъятие или сокрытие, поскольку такие действия опасны в не меньшей мере, чем их искажение, и они также посягают на порядок судопроизводства [13, с. 9–10] и могут при-

вести к тем же общественно опасным последствиям, что и замена одних доказательств другими.

Полагаем, что целесообразно придерживаться принципа законности, изложенного в ст. 3 УК РФ, и недопустимости широкого толкования уголовного закона. В связи с этим представляется верным мнение, высказанное И. В. Дворянским и А. И. Чучаевым, о том, что уничтожение или изъятие ликвидируют доказательства, а фальсификация подразумевает их оставление в деле, хотя и в искаженном виде [8, с. 47].

Такая точка зрения исследователей подкреплялась длительное время позицией Верховного Суда Российской Федерации о том, что под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств, сокрытие улик, предъявление ложных вещественных доказательств [14].

Такая, по нашему мнению, спорная позиция наблюдалась вплоть до принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», что позволяло широко толковать объективную сторону фальсификации доказательств.

Можно привести пример, когда отсутствие в законе четкого определения фальсификации доказательств и необоснованно широкое его толкование привели к значительным практическим проблемам.

Так, Р. обвинялся по ч. 3 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком преступлении). В ходе предварительного следствия Р. в связи с обвинением его в тяжком преступлении избрана мера пресечения в виде заключения под стражу с последующим ее изменением на менее строгую. Согласно предъявленному обвинению Р. в группе лиц совершил фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком преступлении путем их уничтожения. Своего рода спасением Р. от необоснованного осуждения стало указанное постановление пленума и по приговору Вологодского городского суда от 21.09.2022 он был оправдан по ч. 3 ст. 303 УК РФ. Суд указал, что объективную сторону ч. 3 ст. 303 УК РФ не образуют действия, выразившиеся в уничтожении предметов, являющихся вещественными доказательствами по уголовному делу [15].

Есть и другие примеры привлечения лиц к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств, совершенную путем их уничтожения, изъятия и сокрытия.

Так, приговором Мурманского областного суда следователь признан виновным за фальсификацию доказательств по уголовному делу, выразившуюся в уничтожении подлинного заключения судебно-бухгалтерской экспертизы и замене его на сфальсифицированное [16]. Постановлением Краснокутского районного суда Саратовской области от 20.06.2019 по делу № 1-62/2019 уголовное дело, возбужденное по ч. 2 ст. 303 УК РФ, прекращено по нереабилитирующему основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ. Согласно постановлению суда, следователь совершил фальсификацию доказательств по уголовному делу путем незаконного изъятия из материалов дела и уничтожения протокола осмотра предметов и протокола допроса свидетеля, являющихся доказательствами [17].

Приговором Балаковского районного суда Саратовской области от 21.01.2020 по делу № 1-1-5/2020 сотрудник полиции Г. осужден за фальсификацию доказательства по делу об административном правонарушении, выразившуюся в составлении объяснения лица с указанием заведомо ложных сведений с последующим уничтожением ранее данного объяснения [18].

На наш взгляд, действующая редакция ст. 303 УК РФ при буквальном ее толковании, как этого требует закон, не охватывает такие общественно опасные действия, как уничтожение, изъятие и сокрытие доказательств.

Возвращаясь к исследованию понятия фальсификации доказательств, следует обратиться к тому, как оно определяется в зарубежном уголовном законодательстве.

Так, в Уголовном кодексе ФРГ фальсификация упоминается в § 269, где предусмотрена ответственность за подделку или фальсификацию документов и данных, имеющих важное значение для судебного разбирательства [19].

В ст. 434-4 Уголовного кодекса Франции предусмотрена уголовная ответственность за воспрепятствование установлению истины путем изменения, фальсификации или стирания следов или улики, либо путем внесения, перемещения или удаления любых предметов. Уголовно наказуемыми являются также уничтожение, изъятие, сокрытие или изменение государственного или частного документа или предмета, которые могут способствовать раскрытию преступления или правонарушения, поиску доказательств или осуждению виновных [20].

В Уголовном кодексе КНР фальсификации доказательств уделено две статьи, которые отнесены к § 2 «Преступления против правосудия». Статьей 306 предусмотрена ответственность за уничтожение, фальсификацию доказательств, помощь стороне в деле по уничтожению, фальсификации доказательств. В ст. 307 установлена ответственность за содействие сторонам, участвующим в процессе, в уничтожении или фальсификации доказательств преступления при отягчающих обстоятельствах [21, с. 156–157].

В УК РФ термин «фальсификация» встречается семь раз (ст. 142, 142.1, 170.1, 172.1, 185.5, 195, 303), а в ст. 238.1 упоминается термин «фальсифицированный». В отличие от упомянутых статей, в диспозиции которых содержатся действия, которые законодатель относит к фальсификации, в ст. 303 УК РФ такие действия не раскрываются.

В УПК РФ толкование термина «фальсификация доказательств» также отсутствует, законодатель только единожды в ст. 413 упоминает термин «подложность вещественных доказательств» и трижды упоминает о недостоверности доказательств (ст. 389.19, 401.16, 412.12), не раскрывая их.

В АПК РФ содержится упоминание фальсификации в ст. 161, посвященной действиям суда, в случае обращения стороны с заявлением в письменной форме о фальсификации доказательства.

В п. 39 Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» термин «фальсификация» заменен на «подложность». В порядке ст. 161 АПК РФ подлежат рассмотрению заявления, мотивированные наличием признаков подложности доказательств, то есть совершением действий, выразившихся в подделке формы доказательства: изготовление документа специально для представления его в суд либо внесение в уже существующий документ исправлений или дополнений.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации разделяет понятия достоверности доказательств и их фальсификации, что, на наш взгляд, является неверным, поскольку, как уже указывалось, определение достоверности доказательства включает в себя в том числе его проверку на предмет фальсификации.

В ГПК РФ термин «фальсификация» упоминается единожды в ст. 392, согласно которой к вновь открывшимся обстоятельствам отнесена фальсификация доказательств. В ГПК РФ наряду с фальсификацией доказательств в ст. 186 встречается термин «подложное доказательство», но смысл его не раскрывается. В данном случае можно предположить, что законодатель использовал при языковом (лингвистическом) оформлении предписаний такое

средство юридической техники, как синонимия понятий «фальсификация» и «подложность доказательств», причем ни одно из них не имеет законодательно закрепленной дефиниции.

Одной из задач, решаемых при реализации данного средства юридической техники, является минимизация использования синонимов. Это следует из таких принципов юридико-технического конструирования уголовно-правовых запретов, как ясность и точность языка нормативного акта, направленных на однообразность его применения [22, с. 133].

Использование синонимии при отсутствии в законе сформулированной дефиниции рассматриваемых терминов дает нам основание предположить его необоснованное использование, что приводит к искажению и неопределенности закона.

В научной литературе значительный блок исследований посвящен законодательной терминологии. Согласимся с А. Т. Валеевым, что отсутствие универсальности (унификации) юридической терминологии несет целый ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных негативных последствий (неясность и неоднозначность закона, разные интерпретации закона и др.) [23, с. 381].

В постановлении Пленума «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» предпринята попытка решения вопроса о содержании термина «фальсификация». Так, в п. 12, 13, 15 постановления указано, что в случае фальсификации доказательств объективная сторона состоит в приобщении к делу в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов; внесении в процессуальные акты ложных сведений; подделке ранее приобщенных вещественных доказательств и документов; внесении недостоверных сведений о результатах оперативно-розыскной деятельности, представлении в качестве объектов поддельных носителей информации или иных предметов.

Конституционный Суд Российской Федерации под фальсификацией доказательств понимает изготовление подложных протоколов осмотра предметов и допроса свидетелей, подделку подписей понятых, искажение информации посредством подлога вещественных доказательств, внесения в документы ложных сведений, изготовления поддельных доказательств [24; 25].

В Постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2016 № 72П16 отмечено, что фальсификация доказательств может быть осуществлена путем их изъятия из материалов уголовного дела [14].

В решениях арбитражных судов апелляционной инстанции фальсификация доказательств определяется как совершение действий, направленных на искажение действительного содержания объектов, выступающих в гражданском, арбитражном или уголовном деле в качестве доказательств [26]. Суды отмечают, что фальсификация заключается в искажении доказательств путем их подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих действительный смысл, то есть в искусственном создании доказательств [27].

Анализ законодательства показал, что в УК РФ и ином законодательстве, отсылку к которому можно было бы сделать при определении признаков фальсификации доказательств, отсутствует четко сформулированная и законодательно закрепленная дефиниция термина «фальсификация».

Одним из способов решения описанной коллизии, по нашему мнению, может являться такой самостоятельный вид юридической техники, как правоинтерпретационная техника. Техника интерпретации нормативных актов тесно связана с законодательной техникой, а толкование юридических норм представляет собой процесс, обратный тому, который осуществляется законодателем при разработке юридической нормы [28, с. 44–45, 91].

По мнению А. В. Иванчина, применение уголовного закона немыслимо без его толкования (интерпретации) [29, с. 63]. Вышеизложенные практические проблемы подтверждают утверждение М. Д. Шаргородского о том, что с толкованием связаны самые насущные проблемы судебной практики [30, с. 176].

Используя понятие «юридическая техника» мы придерживаемся точки зрения, сформулированной М. Н. Прониной, о том, что юридическая техника в уголовном законодательстве является самостоятельным институтом, в рамках которого с учетом общеправовых и отраслевых правил, приемов и средств происходят оптимизация и выработка юридических норм, правил их применения и толкования [22, с. 147].

Использование такого приема внешней законодательной техники, как примечания, представляется, на наш взгляд, неэффективным в связи с лингвистическими особенностями терминологии, используемой в различных нормативных предписаниях, а также наличием явного внутриотраслевого противоречия.

Наиболее эффективным решением в данном случае видится толкование постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации понятия «фальсификация доказательств» применительно только к ст. 303 УК РФ.

Причинами, по которым нами выбрано толкование как способ разрешения рассматриваемой проблемы, являются, во-первых, использование при создании исследуемой нормы специальных правовых понятий, имеющих неоднозначный, неопределенно широкий смысл; во-вторых, то, что при конструировании уголовно-правовых норм законодатель использует специальные термины, поэтому без их разъяснения, а затем уяснения с использованием правил толкования невозможно верное их применение [22, с. 259].

В нашем случае законодателем используется центральное оценочное понятие «фальсификация», требующее разъяснений. Использование в ст. 303 УК РФ этого термина без надлежащего его толкования вызывает обозначенные выше проблемы.

Попытка законодательного толкования термина «фальсификация» в постановлении пленума, на наш взгляд, была неудачной. В нем не содержится четко и детально сформулированных, легко определяемых признаков фальсификации применительно к ст. 303 УК РФ. В результате отсутствует единообразная судебно-следственная практика, возникают проблемы выявления и расследования таких преступлений, латентность которых очевидна, происходит неправильное применение уголовного закона и др.

Полагаем, что для решения проблемы неопределенности термина «фальсификация» применительно к ст. 303 УК РФ необходимо внести изменения в п. 11 постановления Пленума «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», дополнив его абзацем следующего содержания:

«При рассмотрении уголовных дел о фальсификации доказательств (статья 303 УК РФ) под фальсификацией доказательств по гражданскому, административному делу, по делу об административном правонарушении, по уголовному делу (ч. 1–3 ст. 303 УК РФ) следует понимать действия лиц, имеющих право собирать и предоставлять доказательства, направленные на искажение действительного содержания объектов, выступающих в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, судопроизводстве по делам об административных правонарушениях, в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств, их сознательное искажение путем их подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих их действительный смысл, внесения в процессуальные акты ложных сведений, то есть в искусственном создании (ложных) вещественных доказательств».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радионов Г. Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 202 с.
2. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : моногр. 2-е изд., испр. и доп. М., 2024. 240 с.
3. Гришина Е. П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 213 с.
4. Попов В. П. Уголовно-правовая охрана правосудия от фальсификации доказательств // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 5. С. 293–302.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2006. 944 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006. 944 с.
7. Поппер К. Р. Логика научного исследования / под общ. ред. В. Н. Садовского. М., 2005. 447 с.
8. Чучаев А. И., Дворянсков И. В. Фальсификация доказательств // Уголовное право. 2001. № 2. С. 46–49.
9. Иванов И. С. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 22 с.
10. Кондратьев Ю. А., Маркова Т. Ю. Преступления против интересов правосудия: вопросы истории, теории и практики : моногр. / отв. ред. А. В. Наумов. М., 2019. 260 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный. 9-е изд., перераб. и доп. / под ред. Г. А. Есакова, 2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Белозерских А. Н. Вопросы квалификации фальсификации доказательств по уголовному делу // Российский следователь. 2010. № 8. С. 20–22.
13. Вишняков В. В. Уголовно-правовая оценка фальсификации доказательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 33 с.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016 г.), утв. Президиумом Верхов. Суда Российской Федерации 20.12.2016 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 10.
15. Приговор Вологодского городского суда от 21.09.2022 по делу № 1-4/202. URL: <https://vologodskygorvld.sudrf.ru> (дата обращения: 15.12.2023).
16. Приговор Мурманского областного суда от 21.12.2012 по делу № 1-55/2012. URL: <https://oblsud--mrm.sudrf.ru> (дата обращения: 16.12.2023).
17. Постановление Краснокутского районного суда Саратовской области от 20.06.2019 по делу № 1-62/2019. URL: <https://krasnokutsky--sar.sudrf.ru> (дата обращения: 16.12.2023).
19. Уголовный кодекс ФГР. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html> (дата обращения: 14.12.2023).
20. Уголовный кодекс Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 14.12.2023).
18. Приговор Балаковского районного суда от 21.01.2020 по делу № 1-1-5/2020. URL: <https://balakovsky.sar.sudrf.ru/> (дата обращения: 16.12.2023).
21. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. проф. А. И. Чучаева и проф. А. И. Коробеева. 2-е изд. М., 2021. 312 с.
22. Пронина М. П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 540 с.
23. Валеев А. Т. О проблеме универсальности юридической терминологии // Право и экономика: стратегии регионального развития : сб. материалов III Вологод. регион. форума с междунар. участием. Вологда, 2023. С. 380–386.
24. По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. О. Никитина :

постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.05.2022 № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 21. Ст. 3530.

25. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Латыпова К. Е. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 303 УК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 2175-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2022 № 11АП-19807/2021 по делу № А65-12250/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.02.2023 № 09АП-91492/2022 по делу № А40-263069/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Соловьев О. Г. Юридическая техника в механизме уголовно-правового регулирования: проблемы теории и практики : учеб. пособие. Ярославль, 2008. 166 с.

29. Иванчин А. В. Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества: учеб. пособие. Ярославль, 2009. 188 с.

30. Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. 434 с.

REFERENCES

1. Radionov G.G. *Ugolovnaya otvetstvennost' za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv i rezul'tatov operativno-razysknoi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for falsification of evidence and results of law enforcement intelligence operations: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2015. 202 p.

2. Sheifer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: monogr.* [Evidence in criminal cases: problems of the theory and legal regulation: monograph]. 2024. 240 p.

3. Grishina E.P. *Dostovernost' dokazatel'stv i sposoby ee obespecheniya v ugolovnom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [Reliability of evidence and ways of its protection in the legal process: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1996. 213 p.

4. Popov V.P. Criminal protection of justice from falsification of evidence. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 293–302. (In Russ.).

5. Krysin L.P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, 2006. 944 p.

6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions]. Moscow, 2006. 944 p.

7. Popper K.R. *Logika nauchnogo issledovaniya* [Logic of research]. Ed. by Sadovskii V.N. Moscow, 2005. 447 p.

8. Chuchayev A.I., Dvoryanskov I.V. Evidence falsification. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2001, no. 2, pp. 46–49. (In Russ.).

9. Ivanov I.S. *Ugolovnaya otvetstvennost' za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv po ugolovnomu delu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for falsification in criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Volgograd, 2005. 22 p.

10. Kondrat'ev Yu.A., Markova T.Yu. *Prestupleniya protiv interesov pravosudiya: voprosy istorii, teorii i praktiki: monogr.* [Crime against interests of justice: issues of history, theory and practice: monograph]. Moscow. Ed. by Naumov A.V., 2019. 260 p.

11. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: article-by-article. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).

12. Belozerskikh A.N. Questions of qualification of falsification of evidence in a criminal case. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2010, no. 8, pp. 20–22. (In Russ.).

13. Vishnyakov V.V. *Ugolovno-pravovaya otsenka fal'sifikatsii dokazatel'stv: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal legal assessment of falsification of evidence: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2007. 33 p.
14. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2016), approved the Presidium of the Supreme Courts of the Russian Federation of December 20, 2016. In: *Byul. Verkhov. Suda Ros. Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2017. No. 10. (In Russ.).
15. *Prigovor Vologodskogo gorodskogo suda ot 21.09.2022 po delu No. 1-4/202* [Verdict of the Vologda City Court of December 21, 2022 in case No. 1-4/202]. Available at: <https://vologodskygorvld.sudrf.ru> (accessed December 15, 2023).
16. *Prigovor Murmanskogo oblastnogo suda ot 21.12.2012 po delu No. 1-55/2012* [Verdict of the Murmansk Regional Court of December 21, 2012 in case No. 1-55/2012]. Available at: <https://oblsud--mrm.sudrf.ru> (accessed December 16, 2023).
17. *Postanovlenie Krasnokutskii raionnogo suda Saratovskoi oblasti ot 20.06.2019 po delu No. 1-62/2019* [Resolution of the Krasnokutsky District Court of the Saratov Oblast of June 20, 2019 in case No. 1-62/2019]. Available at: <https://krasnokutsky--sar.sudrf.ru> (accessed December 16, 2023).
18. *Prigovor Balakovskogo raionnogo suda ot 21.01.2020 po delu No. 1-1-5/2020* [Verdict of the Balakovo District Court of January 21, 2020 in case No. 1-1-5/2020]. Available at: <https://balakovsky.sar.sudrf.ru/> (accessed December 16, 2023).
19. *Ugolovnyi kodeks FGR* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html> (accessed December 14, 2023).
20. *Ugolovnyi kodeks Frantsii* [Criminal Code of France]. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr> (accessed December 14, 2023).
21. *Ugolovnyi kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Criminal Code of the People's Republic of China]. Moscow, 2021. 312 p.
22. Pronina M.P. *Yuridicheskaya tekhnika v ugolovnom zakonodatel'stve: teoretiko-prikladnoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal technique in criminal legislation: theoretical and applied research: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2022. 540 p.
23. Valeev A.T. On the problem of universality of legal terminology. In: *Pravo i ekonomika: strategii regional'nogo razvitiya: sb. materialov III Vologod. region. foruma s mezhdunar. uchastiem* [Law and economics: strategies of regional development: collection of materials of the III Vologda Regional Forum with international participation]. Vologda, 2023. Pp. 380–386. (In Russ.).
24. In the case of checking the constitutionality of the Part 1 of Article 42 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. O. Nikitin: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of May 12, 2022. In: *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2022. No. 21. Art. 3,530. (In Russ.).
25. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Latypov K.E. on violation of his constitutional rights, Part 1 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2175-O of September 21, 2023. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
26. *Postanovlenie Odinnadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 15.02.2022 No. 11AP-19807/2021 po delu No. A65-12250/2021. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
27. *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 16.02.2023 No. 09AP-91492/2022 po delu No. A40-263069/2021. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the ConsultantPlus reference legal system]. (In Russ.).
28. Solov'ev O.G. *Yuridicheskaya tekhnika v mekhanizme ugolovno-pravovogo regulirovaniya: problemy teorii i praktiki: ucheb. posobie* [Legal technique in the mechanism of criminal law regulation: problems of theory and practice: training aid]. Yaroslavl, 2008. 166 p.

29. Ivanchin A.V. *Zakonodatel'naya tekhnika v mekhanizme ugovnogo pravotvorchestva: ucheb. posobie* [Legislative technique in the mechanism of criminal lawmaking: training aid]. Yaroslavl, 2009. 188 p.
30. Shargorodskii M.D. *Izbrannye raboty po ugovnomu pravu* [Selected works on criminal law]. Saint Petersburg, 2003. 434 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

ИЛЬЯ ЛЕОНИДОВИЧ КРУТИКОВ – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия; аспирант кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия; адвокат Вологодской коллегия адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия, advokatkrutikov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8113-405X>

IL'YA L. KRUTIKOV – Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminology of the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia; postgraduate student at the Department of Criminal Law and Criminology of the P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; lawyer at the Vologda Bar Association “Standard”, Vologda, Russia, advokatkrutikov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8113-405X>

Статья поступила 18.01.2024

Научная статья

УДК 343.4

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.013

Противодействие манипулированию общественным сознанием и распространению фейковой информации в сети Интернет

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА КРЮКОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ofrolova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9005-6830>

АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФЕДОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nesti2028@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей противодействия манипулированию общественным сознанием и распространению недостоверных сведений в сети Интернет на примере отечественного опыта. Анализируются такие понятия, как «манипуляция» и «фейковая информация». Исследуются вопросы правового регулирования в сфере противодействия манипулированию общественным сознанием в Российской Федерации. Авторы анализируют проблему распространения недостоверной информации в современной России, определяют основные направления государственной политики в рамках ее преодоления.

Ключевые слова: Интернет; информация; киберпреступления; информационная среда; манипуляция; массовые коммуникации; общественное сознание.

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Для цитирования: Крюкова О. Ю., Федорова А. В. Противодействие манипулированию общественным сознанием и распространению фейковой информации в сети Интернет // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 113–122. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.013.

Original article

Countering Manipulation of Public Consciousness and Dissemination of Fake Information on the Internet

OL'GA Yu. KRYUKOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, ofrolova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9005-6830>

ANASTASIYA V. FEDOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, nesti2028@inbox.ru

Abstract. The article considers the specifics of countering manipulation of public consciousness and dissemination of false information on the Internet on the example of domestic experience. Concepts, such as “manipulation” and “fake information” are analyzed. The article studies issues of legal regulation in the field of countering manipulation of public consciousness in the Russian Federation. The authors analyze the problem of spreading false information in modern Russia and identify key directions of state policy.

Key words: Internet; information; cybercrimes; information environment; manipulation; mass communications; public consciousness.

5.1.4. Criminal law sciences

For citation: Kryukova O.Yu., Fedorova A.V. Countering manipulation of public consciousness and dissemination of fake information on the Internet. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 113–122. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.013.

Современные интеграционные процессы в различных сферах жизни общества крайне сложно представить без использования ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет, поскольку она объединяет большое количество информации и позволяет осуществлять коммуникацию, решать сложные задачи, получать знания и т. д.

Согласно данным годового отчета организации Global Digital, в 2022 г. во всем мире около 12,5 триллионов часов онлайн провели 4,95 миллиардов пользователей [1]. В 2024 г. количество пользователей увеличилось до 5,35 миллиардов человек [2]. Вместе с тем важно обратить внимание на динамику данного общественного явления: с каждым днем интернет-потребителей становится все больше, что обусловлено рядом факторов, среди которых особое место занимает пандемия COVID-19. С 2019 по 2021 г. выросло количество преступлений, совершаемых посредством использования сети Интернет. Число киберпреступлений в России в январе–сентябре 2023 г. увеличилось на 29,2 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, достигнув 89 тыс. Эти данные приводятся в докладе МВД России о состоянии преступности в России за январь–сентябрь 2023 г. [3].

В общем числе зарегистрированных преступлений доля киберпреступлений выросла с 25,3 до 33,3 %. Больше половины таких преступлений (51,9 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (253,7 тыс., рост на 26,8 % по сравнению с январем–сентябром 2022 г.). С использованием Интернета совершено 377,6 тыс. киберпреступлений (+36,7 %), с использованием средств мобильной связи – 220,3 тыс. (+46,7 %). Почти три четверти преступлений (71,1 %) приводят к краже или мошенничеству (347,5 тыс., +28,9 %) [4].

Проживание людей в социуме обуславливает необходимость постоянного взаимодействия, коммуникации. Информационную среду, в которой находится человек, можно сравнить с огромной базой, содержащей различные сведения. Сознание интернет-потребителя наполняется новостями и событиями вне всякой последовательности, что делает невозможным их полное осмысление.

Человек, находясь в таких информационных потоках, чаще всего отбирает информацию, которая соответствует его представлениям о действительности, считая ложным все

то, что не подтверждает его мнение. Такой объем данных оказывает непрерывное воздействие на людей, манипулируя их сознанием. Манипуляции, основанные на искажении, сокрытии и другом использовании информации, далеко не редкость в наше время. Они оказывают непрерывное воздействие.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению понятия «манипуляция». Так, например, М. А. Денисов и Н. В. Хорошева считают, что манипуляция представляет собой психологическое воздействие, в ходе которого осуществляется умышленное искажение информации [5]. В. И. Староверов и В. И. Левашов манипулирование определяют как вид управления поведением личности, социальной группы, общества или планетарного социума, при котором используются скрытые методы социально-психологического воздействия на подсознание (внушение и т. д.) и сознание людей в целях обеспечения частных, отличных от их собственных, противоречащих им интересов отдельных лиц, социальных групп, институтов, государственных и общественных структур [6].

Искаженная, недостоверная информация называется фейковой. Фейки используются как мощное средство манипулирования общественным сознанием.

Манипулятивное воздействие характеризуется следующими устойчивыми показателями: оно осуществляется целенаправленно и скрытно, содержит алгоритмы программирования как мышления, так и восприятия и поведения объекта, включает методы и приемы, с помощью которых оказывает целенаправленное воздействие на психику, вторую сигнальную систему и компоненты сознания объекта воздействия [7].

Само понятие общественного сознания отражает совокупность идей, теорий, взглядов, представлений, чувств, верований, эмоций, настроений, в которых отражаются определенные стороны общественной жизни.

Общественное сознание очень просто поддается манипулированию и искажению, если правильно применить различные приемы воздействия. Субъектами манипуляции могут выступать средства массовой информации, блогеры, актеры и политики. Сегодня примером для подражания для большей части населения являются блогеры. Люди наблюдают за ними, запоминают их советы и следуют им.

Почему же большая часть общества им доверяет? С целью выяснения причин был проведен письменный опрос 30 респондентов, являющихся курсантами ВИПЭ ФСИН России, по заранее разработанной анкете с последующей ручной обработкой результатов. Возраст респондентов – 18–20 лет, среди респондентов были лица как мужского, так и женского пола в равном процентном соотношении. Из результатов опроса следует: большинство (70 %) респондентов получают информацию от блогеров, (50 %) считают, что блогеры приносят пользу посредством полезных советов, имеют своих референтных блогеров (50 %), верят своим референтным лицам, в том числе блогерам, потому что видят и слушают их каждый день (16,6 %). 50 % респондентов считают, что референтные люди не оказывают негативного влияния на сознание своей аудитории.

Также имеются материалы общероссийского исследования относительно вопроса доверия блогерам со стороны молодежи. Доверие формируется вследствие того, что блогеры говорят о себе, делятся информацией и стараются общаться аудиторией. Рассказывая, какая погода в городе, показывая, как гуляет с собакой в парке, блогер создает у подписчика иллюзию близости, становится своего рода виртуальным другом, которому хочется довериться [8]. Блогеры очень коммуникабельны и способны наладить контакт с аудиторией, поэтому ложную и искаженную информацию они способны донести всем интернет-потребителям. Можно утверждать, что блогеры несут в массы информацию, которая может по-

влиять на общественное сознание, внушить что-то и заставить что-то делать. В настоящее время блогерам верят даже больше, чем средствам массовой информации (далее – СМИ).

Что касается СМИ, то они являются одним из основных институтов информирования и просвещения граждан. Кроме того, они также занимаются рекламой и создают развлекательный контент. Охват аудитории позволяет им контролировать функционирование общества и формировать общественное сознание [9].

СМИ, осуществляя свою деятельность, способны извлекать информацию из общественной жизни, устанавливать связи между правительствами или обществами и освещать вопросы каждой сферы общества.

Помимо СМИ, на население могут воздействовать иностранные агенты, лица, получившие поддержку и (или) находящиеся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющие деятельность, связанную с целенаправленным сбором сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, занимающиеся распространением предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) принимающих участие в создании таких сообщений и материалов.

Иностранные агенты обладают способностью вмешиваться в события, оказывать влияние на какой-либо процесс, использование властных полномочий другими лицами. С использованием сети Интернет им стало проще добиваться внимания аудитории и внушать им свою точку зрения. С помощью такого инструмента, как доверие, иностранный агент может управлять массами. Они также могут использовать персональные данные других людей, манипулировать ими и вводить в заблуждение.

На сегодняшний день в реестре иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации содержится 523 позиции [10]. В число иностранных агентов входят не только организации, но и известные люди, которые достаточно популярны в нашей стране (видеоблогеры, актеры и певцы, а также политики, журналисты и публицисты).

Распространяя фейковую информацию, они получают выгоду: влияние на репутацию, достижение политических целей и власти, обогащение и распространение паники среди населения.

Политика государства по противодействию манипулированию общественным сознанием основывается прежде всего на серии нормативных правовых актов.

Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» содержит положения, которые касаются недостоверной общественной значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает административную ответственность за размещение в информационно-телекоммуникационных сетях и средствах массовой информации заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений.

Особое место в государственной политике занимает уголовно-правовое регулирование тех или иных общественных отношений, в том числе исследуемого нами объекта. Так, Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были введены в ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и ст. 207.2 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия», а спустя два года Федеральным

законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была введена ст. 207.3 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий».

Таким образом, в современном мире средства массовой информации, блогеры, политики, актеры, журналисты и иностранные агенты выступают инструментом влияния на общественное мнение, в связи с чем возникает необходимость анализировать получаемую информацию, не поддаваясь манипулятивному воздействию. Вместе с тем существует ряд нормативных правовых актов, которые отражают государственную политику в области противодействия распространению фейковой информации в сети Интернет. Поправки в российское законодательство можно расценивать как свидетельство опасности проблемы распространения фейковой информации, актуальности вопроса разработки и принятия эффективного и достаточного правового механизма противодействия данной угрозе.

Противодействие манипулированию общественным сознанием посредством распространения недостоверной информации является глобальной проблемой. Во многих государствах разработана законодательная база для данного противодействия, но для эффективного решения этой проблемы недостаточно проведения законодательных реформ в одностороннем порядке. Необходимо объединение усилий на уровне международного сообщества, принятие базовых соглашений на площадке международных организаций в строгом соответствии с основополагающими принципами международного права, такими как свобода слова и равный доступ к информации [11].

Распространение фейковой информации с целью введения в заблуждение и манипулирования общественным сознанием в последнее время набирает обороты. Такая информация затрагивает различные направления жизни общества: личную жизнь простых граждан и известных личностей, деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации, пандемию COVID-19 и чрезвычайные происшествия. Медиа перестают восприниматься как источник правдивых и объективных свидетельств о том, что происходит в регионе, стране, мире.

Показательным примером в этом отношении можно считать трагедию, произошедшую 25 марта 2018 г. в Кемерово в ТЦ «Зимняя вишня». В день пожара по разным каналам распространилась информация о сотнях погибших, хотя по официальной статистике погибло 64 человека. Распространять «лженовости» начал украинский блогер Е. В., который на своем канале говорил о якобы 300 жертвах пожара, а также о сокрытии данных, что и ввело в заблуждение местных жителей. Они, поверив в ложные сообщения, на стихийном митинге потребовали объяснений от властей. Своих чудовищных размеров дезинформация достигла после того, как новость подхватили популярные блогеры Д. И., Н. С., А. Д., а затем к ним присоединились деятели оппозиции. Следственный комитет Российской Федерации возбудил в отношении Е. В. уголовное дело по статье «Возбуждение ненависти или вражды», но официальный представитель Службы безопасности Украины Елена Гитлянская заявила, что Украина не намерена выдавать России пранкера.

В настоящее время освещение хода специальной военной операции на Украине также не обходится без распространения фейковой информации.

Так, например, Мещанский суд Москвы приговорил депутата Красносельского муниципального округа Москвы А. Г. к семи годам лишения свободы, в соответствии с ч. 2 ст. 207.3 УК РФ. Депутат публично дискредитировал российские войска «используя свое служебное

положение», «руководствуясь мотивом политической ненависти» и «предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий» [12].

Учительница из Пензы И. Г. во время урока сделала высказывание относительно спецоперации, один из учеников осуществил запись разговора педагога на диктофон, после чего данная запись попала в правоохранительные органы [13]. Женщина была признана судом виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, приговорена к пяти годам лишения свободы условно.

Кроме того, в 2021 г. Следственный комитет Российской Федерации возбудил 60 уголовных дел за фейковые новости о COVID-19. Наиболее популярными темами стали сведения о продаже поддельных сертификатов и справок о вакцинации [14].

Первое уголовное дело по ст. 207.1 УК РФ было возбуждено через три дня после подписания соответствующего закона. Поводом послужило сообщение в «ВКонтакте», в котором говорилось, что в одной из поликлиник Сестрорецка человека с положительным тестом на коронавирус отправили домой на общественном транспорте.

Житель Буйнакска разместил запись о том, что над городами летали вертолеты, которые распылили «коронавирусный газ», приводивший к гибели людей. Дело в итоге прекратили, а нарушителю назначили штраф.

Журналист из Нижегородской области А. П. обратил на себя внимание следственных органов в связи с неудачным постом о работающих во время локдауна храмах. Верующих он сравнил со смертниками, а церковную службу назвал «акцией по инфицированию населения». В итоге П. признали виновным, назначив ему штраф в размере 300 тыс. руб. [15].

Таким образом, распространение недостоверной информации может исказить общественное сознание, а также привести к стихийным митингам и бунтам.

Распространители фейковой информации могут спровоцировать «информационные теракты» огромной разрушительной силы. Поэтому негативные тенденции, связанные с применением фейков, необходимо изучать и анализировать, чтобы избежать их манипулятивного влияния.

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о необходимости совершенствования мер по противодействию распространению фейковой информации в сети Интернет.

Наличие недостоверной информации, маскирующейся под новостную, должно пресекаться на законодательном уровне. Пока законодатель не предоставляет нам надежных инструментов для фейков, если при этом не затрагиваются чьи-либо интересы. УК РФ предусматривает наказание за клевету, но дело в отношении клеветника возбуждается только по заявлению потерпевшего. Появившиеся новые составы преступлений касаются не только журналистов, но и блогеров, владельцев информационных ресурсов, не зарегистрированных в качестве СМИ, рядовых граждан, имеющих аккаунты в социальных сетях.

В российском законодательстве понятие «фейковая информация» не закреплено, поэтому следует внести соответствующее изменение в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

В 2016 г. был принят Федеральный закон от 23.06.2016 № 208-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» для предупреждения вброса фейков за пределами социальных сетей, обеспечения нравственной безопасности общества. Но в данном нормативном акте мы наблюдаем правовую неопределенность относительно многих употребляемых категорий: какие слова должны быть включены в перечень нецензурных, что считать культом насилия и жестокости и т. д. Без соответствующих уточнений открывается возможность для субъ-

ективного трактования соответствующих положений закона представителями публичной власти в процессе осуществления контроля и надзора в данной сфере, что может повлечь за собой необоснованное ограничение конституционных прав и свобод граждан.

Так, если мыслить категориями рассматриваемого федерального закона буквально, большая часть художественной литературы, кинофильмов и другого рода творческих произведений может быть заблокирована, несмотря на то что уже имеет возрастные ограничения и должна быть недоступна для несовершеннолетних. Следовательно, в целях устранения правовой неопределенности должны быть разработаны четкие критерии, на основании которых информация в сети Интернет должна блокироваться.

Также предлагаем создать в структуре Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций отдел по борьбе с манипулированием общественного сознания посредством распространения фейковой информации.

Следует разработать и запустить в сети Интернет бесплатные программные платформы с возможностью автоматической проверки любого вида контента и внедрения цензуры, чтобы недостоверная информация не попадала во всемирную компьютерную сеть.

Решение указанных выше задач связана с довольно значительным объемом работ, задействование больших ресурсов и времени. Для того чтобы максимально оптимизировать этот процесс, необходима системная координация и сотрудничество всех составляющих российского общества.

Учитывая вышесказанное, возрастает важность подготовки аналитиков, информационных работников в сфере работы с массовыми коммуникациями, повышения их профессионального уровня и готовности к глубокому анализу контента при подготовке информационно-аналитических материалов на базе информации из социальных медиа. Они должны обладать навыками грамотного поиска информации, анализа источников, уметь критически оценивать ее и проверять факты на достоверность.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В настоящее время ввиду различных интеграционных процессов интернет-пользователей становится все больше, поэтому каждый человек является потенциальной жертвой массового воздействия на сознание. Неконтролируемое распространение недостоверной информации может создать реальную опасность жизни и здоровью граждан, создать угрозу государственной, общественной или экологической безопасности. Поэтому необходим эффективный механизм противодействия манипулированию сознанием людей посредством использования ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

2. Противодействие манипулированию общественным сознанием посредством распространения недостоверной информации является глобальной проблемой. Во многих государствах разработана законодательная база для данного противодействия, но этого недостаточно для эффективного решения указанной проблемы. Необходимо объединение усилий на уровне международного сообщества, требуется принятие базовых соглашений на площадке международных организаций в строгом соответствии с основополагающими принципами международного права, такими как свобода слова и равный доступ к информации.

3. Практика привлечения лиц к ответственности носит разносторонний характер относительно применяемых санкций к нарушителям. Негативные тенденции, связанные с применением фейков, необходимо изучать и анализировать, чтобы избежать манипулятивного влияния фейковой информации на сознание людей.

Реализация указанных выше задач потребует больших ресурсов и времени. Для того чтобы максимально оптимизировать этот процесс, необходима системная координация и сотрудничество всех составляющих российского общества.

Вместе с тем предлагаем законодательно закрепить определение понятия «фейковая информация» с целью унификации юридической практики, и внести в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» следующие изменения. Дополнить ст. 2 понятием следующего содержания: «фейковая информация» – недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционирования или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистика интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 16.01.2023).
2. Статистика интернета и соцсетей на 2024 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/#1> (дата обращения: 01.04.2024).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Число киберпреступлений в России выросло почти на треть. URL: <https://www.pnp.ru/incident/chislo-kiberprestupleniy-v-rossii-vyroslo-pochti-na-tret.html> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Денисов М. А., Хорошева Н. В., Проблема определения термина «манипулирование» в работах российских исследователей // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 94–101.
6. Староверов В. И., Левашов В. И. Манипулирование общественным мнением: социологические аспекты анализа // Социология власти. 2009. № 4. С. 28–42.
7. Кучеренко К. В. Речевое манипулятивное воздействие в политической коммуникации : автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2013. 24 с.
8. Почему молодежь доверяет блогерам больше, чем СМИ? URL: <http://capitalgains.ru/novosti/pochemu-molodezh-doveryaet-blogeram-bolshe-chem-smi.html> (дата обращения: 14.01.2023).
9. Зелинский А. С. Манипуляции массами и психоанализ: манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик. СПб., 2008. 248 с.
10. Реестр иностранных агентов в России. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-01-12-2022.pdf> (дата обращения: 14.01.2023).
11. Крайнюкова Л. М., Станишевская А. В., Ажмухамедов И. М. Юридические аспекты противодействия созданию и распространению «фейкового» контента // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2021. № 1 (53). С. 98–106.
12. Московский муниципальный депутат получил 7 лет за дискредитацию армии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2022/62c7ff969a79472a291906ef> (дата обращения: 14.01.2023).
13. Пять лет дословно. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5493555> (дата обращения: 14.01.2023).

14. СК возбудил 60 уголовных дел за фейки о ковиде. URL: <https://www.bfm.ru/news/486675> (дата обращения: 25.01.2023).

15. «Где границы этого понимания?» Оштрафованный нижегородский журналист о подробностях приговора. URL: <https://www.nn.ru/text/gorod/2020/11/11/69537616/> (дата обращения: 14.01.2023).

REFERENCES

1. *Statistika interneta i sotssetei na 2022 god – tsifry i trendy v mire i v Rossii* [Internet and social media statistics for 2022 – figures and trends in the world and in Russia]. Available at: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (accessed January 16, 2023).

2. *Statistika interneta i sotssetei na 2024 god – tsifry i trendy v mire i v Rossii* [Statistics of the Internet and social networks for 2024 – figures and trends in the world and in Russia]. Available at: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/#1> (accessed April 1, 2024).

3. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–sentyabr' 2023 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–September 2023]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/42989123/> (accessed April 1, 2024).

4. *Chislo kiberprestuplenii v Rossii vyroslo pochni na tret'* [Number of cybercrimes in Russia has increased by almost a third]. Available at: <https://www.pnp.ru/incident/chislo-kiberprestupleniy-v-rossii-vyroslo-pochti-na-tret.html>: (accessed April 1, 2024).

5. Denisov M.A., Khorosheva N.V. The problem of definition of the term “manipulation” in the works of Russian scholars. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2015, no. 2 (52), pp. 94–101. (In Russ.).

6. Staroverov V.I., Levashov V.I. Public opinion manipulation: sociological aspects of the analysis. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, 2009, no 4, pp. 28–42. (In Russ.).

7. Kucherenko K. V. *Rechevoe manipulyativnoe vozdeistvie v politicheskoi kommunikatsii: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [Speech manipulative influence in political communication: Candidate of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Moscow, 2013. 24 p.

8. *Pochemu molodezh' doveryaet blogeram bol'she, chem SMI?* [Why do young people trust bloggers more than the media?]. Available at: <http://capitalgains.ru/novosti/pochemu-molodezh-doveryaet-blogeram-bolshe-chem-smi.html> (accessed January 14, 2023).

9. Zelinskii A.S. *Manipulyatsii massami i psikhoanaliz: manipulirovanie massovymi psikhicheskimi protsessami posredstvom psikhoanaliticheskikh metodik* [Mass manipulation and psychoanalysis: manipulation of mass mental processes through psychoanalytic techniques]. Saint Petersburg, 2008. 248 p.

10. On the control of the activities of persons under foreign influence: Federal Law No. 255-FZ of July 14, 2022. In: *Sobr. zakonodatel'stvo Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2022. No. 29 (Part II). Art. 5,222. (In Russ.).

11. *Reestr inostrannykh agentov v Rossii* [Register of Foreign Agents in Russia]. Available at: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-01-12-2022.pdf> (accessed January 14, 2023).

12. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code: Federal Law No. 586-FZ of December 29, 2022. In: *Sobr. zakonodatel'stvo Ros. Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2023. No. 1 (Part 1). Art. 33. (In Russ.).

13. Krainyukova L.M., Stanishevskaya A.V., Azhmukhamedov I.M. Legal aspects of countering the creation and distribution of fake content. *Prikaspiiskii zhurnal: upravlenie i vysokie tekhnologii = Caspian Journal: Control and High Technologies*, 2021, no. 1 (53), pp. 98–106. (In Russ.).

14. *Moskovskii munitsipal'nyi deputat poluchil 7 let za diskreditatsiyu armii* [Moscow municipal deputy received 7 years for discrediting the army]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2022/62c7ff969a79472a291906ef> (accessed January 14, 2023).

15. *Pyat' let doslovno* [Five years verbatim]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5493555> (accessed January 14, 2023).

16. *SK vozбудil 60 ugovolnykh del za feiki o kovide* [The Investigative Committee opened 60 criminal cases for fakes about COVID]. Available at: <https://www.bfm.ru/news/486675> (accessed January 25, 2023).

17. *"Gde granitsy etogo ponimaniya?" Oshtrafovannyi nizhegorodskii zhurnalist o podrobnostyakh prigovora* ["Where are limits of this understanding?" Fined Nizhny Novgorod journalist disclosed details of the verdict]. Available at: <https://www.nn.ru/text/gorod/2020/11/11/69537616/> (accessed January 14, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА КРЮКОВА – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ofrolova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9005-6830>

АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФЕДОРОВА – курсант третьего курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nesti2028@inbox.ru

OL'GA YU. KRYUKOVA – Candidate of Sciences (Law), Senior Researcher at the Department of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, ofrolova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9005-6830>

ANASTASIYA V. FEDOROVA – third-year cadet at the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nesti2028@inbox.ru

Статья поступила 03.04.2024

Научная статья

УДК 343.811

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.014

К вопросу о совершенствовании служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по нейтрализации негативного влияния уголовного жаргона и его использования в исправительных учреждениях

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА НАРЫШКИНА

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, natanaryshkina@mail.ru

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Аннотация. В статье рассматривается проблема специфической роли уголовного жаргона как коммуникативного элемента тюремной субкультуры, актуализирующая его всестороннее изучение в рамках предупредительно-профилактической работы с осужденными. Акцентируется внимание на культурологических, социально-психологических и правовых механизмах его функционирования в местах лишения свободы. Представлены точки зрения ряда ученых пенитенциарного профиля, определено назначение уголовного жаргона в неформальной жизни осужденных, приведен анализ его признаков. Отмечаются сложности правового характера при определении его терминологической базы. Рассматриваются вопросы совершенствования служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по нейтрализации негативного влияния уголовного жаргона и его использования в исправительных учреждениях. Сформулирован ряд предложений в области практической и научной деятельности, ведомственного образования, имеющих цель пресечения распространения и влияния рассматриваемого атрибута тюремной субкультуры.

Ключевые слова: тюремная субкультура; коммуникация; уголовный жаргон; осужденные; исправительное учреждение; служебная деятельность; нейтрализация.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Нарышкина Н. И., Писарев О. М. К вопросу о совершенствовании служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по нейтрализации негативного влияния уголовного жаргона и его использования в исправительных учреждениях // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 123–132. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.014.

Original article

On the Issue of Improving the Performance of Employees of the Penitentiary System of the Russian Federation to Neutralize the Negative Impact of Criminal Jargon and Its Use in Correctional Institutions

NATAL'YA I. NARYSHKINA

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, natanaryshkina@mail.ru

OLEG M. PISAREV

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Abstract. The article deals with the problem of the specific role of criminal jargon as a communicative element of the prison subculture, actualizing its comprehensive study in the framework of preventive work with convicts. Attention is focused on the cultural, socio-psychological and legal mechanisms of its functioning in places of deprivation of liberty. The points of view of a number of scientists of the penitentiary profile are presented, the purpose of criminal jargon in the informal life of convicts is determined, and the analysis of its elements is given. The difficulties of a legal nature in determining its terminological base are noted. The issues of improving the performance of penal system employees to neutralize the negative impact of criminal jargon and its use in correctional institutions are considered. A number of proposals in the field of practical and scientific activities and departmental education to suppress the spread and influence of the considered attribute of the prison subculture are formulated.

Keywords: prison subculture; communication; criminal jargon; convicts; correctional institution; official activity; neutralization.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Naryshkina N.I., Pisarev O.M. On the issue of improving the performance of employees of the penitentiary system of the Russian Federation to neutralize the negative impact of criminal jargon and its use in correctional institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 123–132. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.014.

Статистические данные ФСИН России содержат сведения о ежегодно совершаемых в исправительных учреждениях нарушениях установленного порядка отбывания наказания, в том числе злостных, и преступлениях. Следовательно, нельзя в полной мере говорить о достижении такой цели уголовно-исполнительного законодательства, как недопущение совершения новых преступлений осужденными (ст. 1 УИК РФ).

Для реализации поставленной цели и качественного выполнения служебных задач сотрудникам необходимо не только знать в совершенстве отечественное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, но и владеть информацией, так или иначе касающейся неформальной жизни лиц, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы. Одним из аспектов, оказывающих влияние на характер взаимоотношений в диа-

де «сотрудник – осужденный», является коммуникативный атрибут тюремной субкультуры – уголовный жаргон (арго). Следует подчеркнуть, что негативное влияние рассматриваемого атрибута проявляется как объективно (непосредственно оказывает отрицательное воздействие на качество и эффективность выполнения служебных задач персоналом, выступающим гарантом соблюдения законности при исполнении уголовных наказаний), так и субъективно (способствует появлению и дальнейшему росту профессионально-нравственной и профессионально-коммуникативной деформации личности сотрудника). Закономерным следствием такого влияния являются привыкание сотрудников уголовно-исполнительной системы к жаргону и образу коммуникативного поведения представителей криминальной среды, некритичное отношение к криминальной субкультуре, культивирование отдельных ее элементов, построение жизненной картины мира через призму криминальных ценностей.

Актуальность изучения уголовного жаргона с целью профилактики его негативного влияния проявляется во многих сферах деятельности исправительных учреждений:

– во-первых, знание уголовного жаргона позволяет сотруднику правильно и грамотно оценивать поступающую от осужденных информацию, проводить ее анализ с последующим принятием административных решений, направленных на соблюдение законности в местах лишения свободы. Зачастую осужденные используют жаргон для обмана персонала исправительных учреждений и сокрытия своих противоправных намерений и действий в процессе отбывания уголовного наказания. В этом случае понимание их лексики помогает распознавать ложные сведения и отличать правдивые сообщения от фальшивых;

– во-вторых, изучение уголовного жаргона ориентирует сотрудников (особенно имеющих небольшой практический опыт) на лучшее понимание особенностей противоправной деятельности в местах лишения свободы, способствует развитию профессиональных умений и навыков;

– в-третьих, использование уголовного жаргона оказывает существенное влияние на выбор того или иного варианта поведения осужденного в ситуации отбывания уголовного наказания, особенно в процессе общения с сотрудниками исправительных учреждений. В условиях социальной изоляции жаргон, имея достаточно агрессивный характер, может стать своего рода спусковым социально-психологическим механизмом, способным не только создать опасную ситуацию в учреждении, но и вызвать ее дальнейшую эскалацию, спровоцировав совершение правонарушений и преступлений.

Дополнительно следует отметить весьма широкое распространение уголовного жаргона в местах лишения свободы. Так, проведенное В. А. Афиногеновым исследование показывает, что в процессе отбывания наказания при общении жаргонные слова употребляют 42,6 % лиц, впервые осужденных, и 63,1 % неоднократно отбывавших наказание. Полученные данные наглядно демонстрируют «усвоение отрицательных установок в поведенческом плане, стремление противопоставить себя другим категориям граждан в обществе» [1, с. 55].

Таким образом, знание сотрудниками уголовно-исполнительной системы уголовного жаргона позволяет проводить оперативную работу и осуществлять наблюдение за осужденными в плане пресечения любых противоправных деяний с их стороны.

Согласно ст. 11 УИК РФ осужденные обязаны вежливо относиться к персоналу, иным лицам, посещающим учреждения, исполняющие наказания, а также к другим осужденным. В соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ПВР ИУ), осужденным к

лишению свободы запрещено при общении с другими лицами использовать нецензурную брань, а также жаргонные слова и выражения, применяемые в криминальной среде (п. 12.32). Соответственно, употребление осужденными жаргонных слов и выражений, применяемых в криминальной среде, является нарушением порядка отбывания наказания, что автоматически должно влечь установленную законом ответственность. Как мы видим, уголовно-исполнительное законодательство запрещает использование жаргона, но на практике данный факт имеет место быть. Также следует отметить, что и на более ранних исторических этапах развития российского государства власти уделяли внимание вопросам противодействия тюремной субкультуре, в том числе в правовом поле [2, с. 67; 3].

В этой связи встает вопрос об определении допустимых границ речевых проявлений в рамках пенитенциарного коммуникативного воздействия, исключающих употребление с обеих сторон (как персонала, так и осужденных) нецензурных и жаргонных выражений, а также недопущении проявления угроз и насилия на вербальном уровне. Уже было отмечено, что работа с осужденными требует от сотрудников высокой квалификации и профессионализма, заключающихся не только в понимании особенностей тюремной среды и психологии осужденных, но и в умении применять в строгом соответствии с российским законодательством меры принуждения в отношении лиц, преступивших закон. Соответственно, возрастает роль коммуникативного влияния на последних, которое выражается именно в субъект-объектных отношениях (стремлении сотрудника повлиять на осужденного) и выступает как профессионально значимая функция исправительного процесса.

В ситуации, когда осужденный, по мнению сотрудника, употребляет слова, присущие уголовному жаргону, должна следовать однозначная реакция, целью которой является немедленное пресечение подобного рода высказываний, напоминание об ответственности за использование слов, имеющих криминальное значение и выступающих своеобразными маркерами возможного возникновения противоправной ситуации. Однако в этом случае необходимо однозначное понимание того, что употребляемые осужденным слова относятся именно к жаргонной лексике криминального характера.

Жаргон – слово не исконно русское, а заимствованное из французского языка (франц. jargon – «испорченный язык», галло-романское gargone – «болтовня») [4, с. 35; 5, с. 130]. На основе анализа этого термина, содержащихся в толковых, этимологических словарях русского языка, выделим основные признаки, присущие жаргону:

1. Жаргон – это испорченное наречие, местная речь, говор, произношение, искусственный язык [6, с. 724; 7, с. 1312; 8, с. 342]. То есть можно сказать, что жаргон является разновидностью устной, разговорной речи [9, с. 54].

2. Данная речь содержит большое количество специфических, искусственных, тайных или условных слов и выражений (жаргонизмов), которые не используются в общенародном (общем) языке, не имеют своего грамматического строя и основного словарного фонда в отличие от диалектов территориальных и отличаются специфической лексикой и фразеологией [10, с. 300; 11, с. 122].

3. Это речь какой-либо социальной, профессиональной или иной объединенной общими интересами группы, отражающая специальные потребности и вкусы данной социальной группы [12, с. 193]. Соответственно, жаргон является разновидностью социальной речи и понятен исключительно представителям определенной группы [13, с. 129].

4. Жаргоны придумываются для конкретной цели, например для языкового обособления, обозначения принадлежности говорящего к «своей» социальной группе, противопоставленной «чужой» группе [6, с. 724; 9, с. 54; 14, с. 240].

Анализ выделенных нами признаков свидетельствует о том, что криминальный (воровской, тюремный) жаргон полностью им отвечает и соответствует, так как:

- является искусственным языком и выступает разновидностью устной, разговорной речи;
- содержит большое количество специфических слов и выражений;
- придуман и используется представителями определенной социальной группы – осужденными;
- создан с целью обособления, противопоставления и противодействия другой социальной группе – работникам исправительных учреждений;
- не используется в общенародном языке, но, по мнению ряда ученых, базируется на фонетике и грамматике общенародного языка и «имеет существенные диалектные и социально-групповые различия и реализуется в специфических условиях социальной изоляции» [15, с. 55].

Недооценивать значение уголовного жаргона как закономерного явления, отражающего специфику криминальной субкультуры, степень организованности и профессионализации преступной среды, ни в коем случае нельзя. В. С. Елистратов обращает внимание на то, что уголовный жаргон как социально-культурный феномен имеет преимущественное влияние на все остальные жаргоны в силу того, что проявляет экспансивную тенденцию и активно внедряется в язык и культуру. Исследователь связывает это «с беспрецедентным ростом маргинальности, влияния маргиналов на язык и жизнь общества» [16, с. 650]. Н. П. Барабанов разделяет воровской (тюремный) жаргон на «общеуголовный, которым пользуются как профессиональные преступники, так и обычные; специальный профессиональный, присущий определенным “профессиям” преступников (шулерам, карманникам и т. д.)» [17, с. 38].

Владение жаргоном позволяет осужденному не только приобщиться к криминальному образу жизни (принимая криминальный стереотип мышления и поведения, криминальную идеологию как средство морального оправдания совершаемых преступлений), но и войти в ряды осужденных, придерживающихся криминальных традиций, скрыто или открыто противодействующих администрации исправительного учреждения в вопросах соблюдения правил внутреннего распорядка, оказания исправительного воздействия сотрудников на осужденных. По мнению Я. Э. Красковского, уголовный жаргон обеспечивает преступную деятельность криминальных сообществ. Большинство используемой лексики «обозначает орудия преступной деятельности, способы ухода от преследования, поведения на суде, характера преступной деятельности, субъектов и объектов преступлений» [18, с. 309]. Таким образом, главное назначение воровского (уголовного) жаргона заключается в обеспечении противоправной деятельности неформальных групп осужденных, находящихся в исправительном учреждении.

В контексте рассматриваемого вопроса возрастает роль сотрудников уголовно-исполнительной системы, в профессиональные обязанности которых входят обеспечение постоянного надзора за осужденными с целью выявления причин и условий, способствующих совершению последними правонарушений в процессе отбывания уголовного наказания, организация и проведение индивидуально-профилактической работы, направленной на разъяснение осужденным требований уголовно-исполнительного законодательства, правил внутреннего распорядка, обеспечение точного и неуклонного выполнения каждым осужденным своих обязанностей.

Кроме того, при обнаружении факта совершения нарушения установленного порядка отбывания наказания, выразившегося в употреблении осужденным жаргонных слов, выражений, необходимо доказать, что они являются именно жаргонизмами.

Как это можно доказать? Нормативных актов, которые бы регламентировали отнесение того или иного слова или выражения к криминальным жаргонизмам, нет и не существовало, в том числе на уровне локальных источников. Конечно, в наличии имеются многочисленные словари криминального (тюремного) жаргона, в которых представлена база языковых блатных арготизмов, являющаяся существенной характеристикой тюремной субкультуры [19–21]. Анализ различных источников показывает, что в настоящее время в криминальном жаргоне насчитывается от десяти до пятнадцати тысяч слов, выражений и словосочетаний. Однако следует отметить, что информация, содержащаяся в подобных словарях, не обладает юридической силой и не может лечь в основу квалификации того, является то или иное слово, произнесенное осужденным, жаргонным или нет.

Кроме того, следует сделать акцент на том, что криминальный жаргон является довольно динамичной категорией, уследить за изменениями, происходящими с ним, очень сложно, поскольку он не только постоянно пополняется новыми словами (выражениями) или новыми значениями старых слов (выражений), но и может существенным образом различаться в местах лишения свободы разных субъектов Российской Федерации и даже в различных исправительных учреждениях одного региона. При этом стоит отметить, что определенная часть жаргонизмов имеет довольно длинные синонимичные ряды, что характеризует основную цель уголовного жаргона – скрыть особенности преступного образа жизни через своеобразное кодирование (шифрование) процесса коммуникации. В то же время, по мнению Д. А. Корецкого, В. В. Тулегенова, для уголовного жаргона характерны бедность, грубость, примитивизм, сложность в передаче чувств, мыслей и настроения человека [22, с. 180]. Фактор монотонии, «однообразия жизнедеятельности, способствующие потере, так называемой социальной автономии личности, отсутствие четких границ между частной и публичной жизнью осужденных, обуславливающих развитие деперсонализирующих (обезличивающих) форм отношений в среде ближайшего социального окружения» приводят к специфической живучести уголовного жаргона в условиях несвободы [23, с. 56].

Мы предлагаем следующий алгоритм действий сотрудника уголовно-исполнительной системы в процессе решения поставленной проблемы. Слово или выражение, чтобы считаться жаргонизмом, должно соответствовать тем признакам, которые мы выделили выше, особенно тому критерию, что оно не входит в состав общенародного языка. Для определения соответствия слова (выражения) заданным параметрам должна создаваться экспертная комиссия (группа), в состав которой, по нашему мнению, целесообразно включить специалистов в области лингвистики, социологии, культурологии, юриспруденции. Решением данной группы в форме экспертного заключения слово (выражение) будет отнесено или не отнесено к числу жаргонизмов, применяемых в криминальной среде. Соответствующее экспертное заключение будет учитываться при доказывании факта совершения нарушения установленного порядка отбывания наказания, предусмотренного п. 12.32 ПВР ИУ, и определения меры дисциплинарной ответственности. Подобные экспертные комиссии (группы) целесообразно, на наш взгляд, создавать на уровне функционирования территориальных органов уголовно-исполнительной системы.

Кроме того, представляется необходимым проведение учеными пенитенциарного профиля совместно с опытными практическими работниками уголовно-исполнитель-

ной системы, не понаслышке знакомыми с данным атрибутом тюремной субкультуры, культурологического (или комплексного) исследования, направленного на изучение словарного состава уголовного (воровского, криминального) жаргона, итогом которого станет подготовка и постоянное поддержание в актуальном состоянии соответствующего словаря.

Не менее актуальным видится изучение данной темы в рамках образовательного процесса с целью информирования сотрудников о роли уголовного жаргона в неформальной жизни осужденных с выработкой конкретного алгоритма действий персонала по пресечению его использования, распространения в среде осужденных, а также недопущения употребления жаргонных слов самими сотрудниками. Представляется, что такой алгоритм будет состоять из комплекса практических ситуационных задач (ситуаций), предлагаемых к решению обучающимися, с последующей выработкой однозначно четкой законной позиции сотрудника в случае возникновения таких ситуаций в процессе осуществления режимно-профилактических мероприятий в отношении осужденных.

Таким образом, сотрудникам уголовно-исполнительной системы в своей служебной деятельности необходимо иметь четкое представление об уголовном жаргоне. Это будет способствовать пониманию психологии конкретных групп преступников, помогать выявлению планируемых осужденными правонарушений и преступлений на ранней стадии, установлению существующих в среде осужденных скрытых негативных социально-психологических тенденций и процессов, направленных на дестабилизацию обстановки в исправительном учреждении. Важное значение имеют формирование и совершенствование соответствующих умений и навыков, которые позволят уже в практической плоскости реализовать мероприятия по искоренению уродливых форм пенитенциарной субкультуры. Обладая глубокими знаниями о существовании и специфике функционирования уголовного жаргона в местах лишения свободы, грамотно применяя сформированные навыки по его пресечению, сотрудник уголовно-исполнительной системы будет эффективно бороться с данным атрибутом тюремной субкультуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афионгенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2016. 215 с.
2. Нарышкина Н. И. Сравнительно-правовое исследование деятельности тюрем в Российском государстве и европейских странах (XVI–XVII вв.) : моногр. М., 2014. 184 с.
3. Нарышкина Н. И. Зарождение тюремной субкультуры в России и европейских странах // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 27 апреля 2016 г.). Рязань, 2016. С. 189–193.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М., 1986. Т. 2. 672 с.
5. Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб., 2005. 432 с.
6. Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон : в 86 т. СПб., 1891. Т. XIa. 958 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. М., 1903. Т. 1. 1724 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. 960 с.
9. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М., 2003. 320 с.
10. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.

11. Краткий словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. 5-е изд. М., 1950. 438 с.
12. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003. 511 с.
13. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
14. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е изд., испр. и доп. Назрань, 2016. 610 с.
15. Писарев О. М. Психология пенитенциарного социума : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Томск, 2021. 89 с.
16. Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. М., 2000. 694 с.
17. Барабанов Н. П. Криминологическая и социально-психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных: субкультурная идеология, нравственность, образ жизни, коммуникации, профилактическая деятельность персонала : моногр. / под ред. В. М. Анисимкова. Рязань, 2013. 399 с.
18. Красковский Я. Э. Уголовный жаргон // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2014. Т. 2. С. 309–310.
19. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001. 152 с.
20. Алферов Ю. А. Пенитенциарная социология. Особенная часть (предм.-метод. аспект) : учеб. для вузов МВД России. Домодедово, 1995. 182 с.
21. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира / авт. и сост. З. М. Зугумов. М., 2015. 728 с.
22. Корецкий Д. А., Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб., 2006. 243 с.
23. Денисов С. Н., Афанасьева О. И. Особенности успешной организации общего образования в условиях учреждений уголовно-исполнительной системы // Информация и образование: границы коммуникаций. 2012. № 4 (12). С. 54–57.

REFERENCES

1. Afiongenov V. A. *Subkul'tura osuzhdennykh i ee vliyaniye na ikh povedeniye v usloviyakh izolyatsii: dis... kann. yurid. nauk* [Subculture of convicts and its influence on their behavior in isolation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Stavropol, 2016. 215 p. (In Russ.).
2. Naryshkina N.I. *Sravnitel'no-pravovoe issledovanie deyatel'nosti tyurem v Rossiiskom gosudarstve i evropeiskikh stranakh (XVI–XVII vv.): monogr.* [Comparative legal study of the activity of prisons in the Russian state and European countries (XVI–XVII centuries): monograph]. Moscow, 2014. 184 p.
3. Naryshkina N.I. The origin of prison subculture in Russia and European countries. In: *Aktual'nye problemy ugovovno-ispolnitel'nogo prava i ispolneniya nakazanii: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. (g. Ryazan', 27 aprelya 2016 g.)* [Actual problems of penal enforcement law and execution of punishments: materials of the interuniversity scientific and practical conference (Ryazan, April 27, 2016)]. Ryazan, 2016. Pp. 189–193. (In Russ.).
4. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 2* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Volume 2]. Moscow, 1986. 672 p.
5. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Comp. by Krylov G.A. Saint Petersburg, 2005. 432 p.
6. *Entsiklopedicheskii slovar': v 86 t. T. Xla* [Encyclopedic dictionary: in 86 volumes. Volume Xla]. Saint Petersburg, 1891. 958 p.
7. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dalya: v 4 t. T. 1* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language by Vladimir Dahl: in 4 volumes. Volume 1]. Moscow, 1903. 1,724 p.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1992. 960 p.

9. Nelyubin L.L. *Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'* [Explanatory translation dictionary]. Moscow, 2003. 320 p.
10. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The great explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, 2000. 1,536 p.
11. *Kratkii slovar' inostrannykh slov* [Short dictionary of foreign words]. Moscow, 1950. 438 p.
12. Kononenko B.I. *Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologii* [Large explanatory dictionary of cultural studies]. Moscow, 2003. 511 p.
13. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow, 2006. 312 p. Available at: <http://sociology.niv.ru/doc/dictionary/sociolinguistics/index.htm#198> (accessed March 20, 2024).
14. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatii* [Dictionary of linguistic terms and concepts]. Nazran, 2016. 610 p.
15. Pisarev O.M. *Psikhologiya penitentsiarnogo sotsiuma: ucheb. posobie* [Psychology of the penitentiary society: studies guide]. Tomsk, 2021. 89 p.
16. Elistratov V.S. *Slovar' russkogo argo: materialy 1980–1990 gg.: okolo 9000 slov, 3000 idiomaticheskikh vyrazhenii* [Dictionary of Russian argot: materials of 1980–1990: about 9,000 words, 3,000 idiomatic expressions]. Moscow, 2000. 694 p.
17. Barabanov N.P. *Kriminologicheskaya i sotsial'no-psikhologicheskaya kharakteristika kriminal'noi subkul'tury osuzhdennykh: subkul'turnaya ideologiya, нравственность, образ жизни, kommunikatsii, profilakticheskaya deyatelnost' personala: monogr.* [Criminological and socio-psychological characteristics of the criminal subculture of convicts: subcultural ideology, morality, lifestyle, communication, preventive activities of personnel: monograph]. Ryazan, 2013. 399 p.
18. Kraskovskii Ya.E. Criminal jargon. In: *Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma "Nadezhnost' i kachestvo". T. 2* [Proceedings of the international symposium "Reliability and quality". Volume 2]. 2014. Pp. 309–310. (In Russ.).
19. Aleksandrov Yu.K. *Ocherki kriminal'noi subkul'tury* [Essays on criminal subculture]. Moscow, 2001. 152 p.
20. Alferov Yu.A. *Penitentsiarnaya sotsiologiya. Osobennaya chast' (predm.-metod. aspekt): ucheb. dlya vuzov MVD Rossii: v 2 ch.* [Penitentiary sociology. Special part (methodological aspect): textbook for universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia: in 2 parts]. Domodedovo, 1995. 182 p.
21. Zugumov Z.M. *Russkoyazychnyi zhargon. Istoriko-etimologicheskii, tolkovyi slovar' prestupnogo mira* [Russian-language jargon. Historical and etymological, explanatory dictionary of the criminal world]. Moscow, 2015. 728 p.
22. Koretskii D.A., Tulegenov V.V. *Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie* [Criminal subculture and its criminological significance]. Saint Petersburg, 2006. 243 p.
23. Denisov S.N., Afanas'eva O.I. Features of successful organization of general education in conditions of institutions of the penal system. Communications. *Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsii = Information and Education: Boundaries of Communication*, 2012, no. 4 (12), pp. 54–57. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА НАРЫШКИНА – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, natanaryshkina@mail.ru

NATAL'YA I. NARYSHKINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Penal Law and Organization of the Execution of Punishments Not Related to Isolation from Society of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, natanaryshkina@mail.ru

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

OLEG M. PISAREV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Organization of Personnel, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Статья поступила 03.04.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.015

Групповые неповиновения в местах лишения свободы и ответственность за их организацию в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве

МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ ОКШИН

Главное оперативное управление ФСИН России, Москва, Россия,
okshin-fsin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема отсутствия в законодательстве уголовной ответственности за организацию групповых неповиновений в местах лишения свободы, подчеркивается их общественная опасность и обосновывается целесообразность криминализации рассматриваемого деяния. Автор указывает на необходимость привлечения к ответственности лиц, осуществляющих склонение или иное вовлечение лица в совершение групповых неповиновений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; учреждения уголовно-исполнительной системы; групповые неповиновения; уголовная ответственность; организация.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Окшин М. С. Групповые неповиновения в местах лишения свободы и ответственность за их организацию в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 133–137. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.015.

Original article

Group Disobedience in Places of Detention and Liability for Their Organization in Penal and Criminal Legislation

MAKSIM S. OKSHIN

Operational Department of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, okshin-fsin@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problem of the lack of criminal liability in the legislation for the organization of group disobedience in places of deprivation of liberty, emphasizes their public danger and justifies the expediency of criminalizing the act in question. The author points out the need to bring to justice persons who incite or otherwise involve a person in committing group disobedience.

Keywords: law enforcement intelligence operations; penitentiary institutions; group disobedience; criminal liability; organization.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Okshin M.S. Group disobedience in places of detention and liability for their organization in penal and criminal legislation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 133–137. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.015.

Оперативные подразделения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) решают задачи, поставленные перед ними законодательством, в первую очередь – в области борьбы с преступностью. Согласно письму НИИИТ ФСИН России от 15.01.2024 № исх-46/7-88 за последние два года благодаря эффективной организации оперативно-розыскных мероприятий и профилактической работе количество преступлений в учреждениях УИС снизилось на 45 % (с 1612 до 885). Однако, несмотря на достигнутые результаты, оперативная обстановка в ряде территориальных органов ФСИН России продолжает оставаться сложной. Подозреваемые, обвиняемые и осужденные продолжают совершать противоправные действия, в том числе групповые неповиновения, причем как в форме действия, так и бездействия.

Групповые неповиновения выражаются, как правило, в демонстративно-шантажных деяниях (актах группового членовредительства, групповых отказах от приема пищи, групповом пассивном воспрепятствовании выполнению сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации своих служебных обязанностей), могут сопровождаться уничтожением имущества учреждений (камер видеонаблюдения, замков, решеток, спальных принадлежностей и др.).

Указанные действия предпринимаются для отстаивания собственного авторитета в преступной среде, послабления режимных требований, необоснованного получения льгот и преимуществ, насаждения норм преступной субкультуры, принижения авторитета администрации учреждений УИС [1, с. 17]. По нашему мнению, главная опасность групповых неповиновений в местах лишения свободы – противопоставление группировок осужденных администрации учреждений УИС, попытка подменить законные требования традициями криминального мира.

Примером могут служить события 2023 г. В ИК-3 УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике 300 осужденных (всего в учреждении отбывал наказание 451 осужденный) в знак протеста против привлечения одного из осужденных к дисциплинарной ответственности вышли из жилой зоны, сломав замки трех локальных участков, после чего подошли к зданию штрафного изолятора. В ИК-5 УФСИН России по Калужской области 17 осужденных самовольно покинули свои рабочие места в промышленной зоне и, открыв запорное устройство ворот, направились в сторону общежитий в жилой зоне. В обоих случаях действия осужденных повлекли значительное отвлечение сил и средств УИС от решения текущих задач, привлечение для разрешения ситуации руководителей различного уровня, дестабилизацию повседневной деятельности учреждений УИС.

Законодатель относит организацию забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участие в них, а также организацию группировок осужденных, направленных на совершение правонарушений, к злостным нарушениям установленного порядка отбывания наказания. Нами проведен детальный анализ количества случаев группового неповиновения требованиям сотрудников учреждений УИС, который показал, что в 2019–2023 гг. совершено 166 деяний (менее 10 участников – 62 случая, от 10 до 100 участников – 91 случай, более 100 участников – 13 случаев). При этом злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания по указанным основаниям признано

13 осужденных – участников групповых неповиновений. Таким образом, лица привлечены к дисциплинарной ответственности лишь в 7,8 % случаев от общего количества деяний.

По нашему мнению, основной проблемой являются выявление и документирование властно-распорядительных функций организатора без средств и методов оперативно-розыскной деятельности. Следует признать невозможность оперативно-розыскного предупреждения организаторов групповых неповиновений в связи с отсутствием имеющихся законодательных механизмов. Статья 84 УИК РФ предусматривает задачу предупреждения нарушений установленного порядка отбывания наказания, однако этим законодательство и ограничивается, не включая в себя такой важнейший элемент, как соответствующее основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий [2, с. 8].

Иные меры дисциплинарного воздействия также не дают желаемого результата для профилактики групповых неповиновений в местах лишения свободы. Практика показывает, что групповые неповиновения могут быть организованы лицом непосредственно при отбывании им дисциплинарного наказания в штрафном изоляторе или помещении камерного типа, причем, учитывая традиции криминальной среды, для их организации в отдельных случаях достаточно одной фразы лица, пользующегося авторитетом среди содержащихся под стражей или осужденных.

Уголовным законодательством предусмотрена ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ) и за организацию массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ). Однако объективная сторона основных составов ст. 321 УК РФ характеризуется либо применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угрозой применения насилия (запугиванием, применением физического насилия любой степени интенсивности в форме, доступной для восприятия потерпевшим выражаемого устрашения и однозначно воспринимаемой им). Так, под массовыми беспорядками следует понимать в целом беспорядочные, стихийные действия значительного числа лиц, заключающиеся в применении насилия к иным лицам, погромах [3]. Следовательно, уголовное законодательство не позволяет привлечь к ответственности организаторов групповых неповиновений без вышеперечисленных квалифицирующих признаков.

Как уже отмечалось ранее, пресечение указанных проявлений требует выделения значительного количества сотрудников УИС с отрывом от выполнения основных служебных обязанностей по поддержанию нормального функционирования исправительных учреждений. Групповые неповиновения создают угрозообразующие факторы, сказывающиеся на жизнедеятельности как отдельных учреждений УИС, так и территориальных органов ФСИН России в целом.

Учитывая вышеизложенное, следует признать значительную степень общественной опасности групповых неповиновений в местах лишения свободы, в связи с чем нами предлагается криминализировать состав организации групповых неповиновений законным требованиям сотрудников учреждений и органов УИС.

Еще одним немаловажным аргументом в пользу криминализации групповых неповиновений в местах лишения свободы является законодательное закрепление данного деяния в ст. 85 УИК РФ как основания для введения режима особых условий наравне с захватом заложников, массовыми беспорядками, реальной угрозой вооруженного нападения на исправительное учреждение.

В дополнение к вышесказанному следует отметить опыт белорусского уголовного законодательства. Так, ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, предусмотрена

ст. 411 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ). Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 411 УК РБ, признается лицо, подвергавшееся в течение года дисциплинарному взысканию в виде перевода в помещение камерного типа, специализированную палату, одиночную камеру или переводилось в тюрьму. Субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 411 УК РБ, признается лицо, осужденное за тяжкое или особо тяжкое преступление либо допустившее особо опасный рецидив. При этом подчеркнем, что указанная статья единственная имеет дисциплинарную преюдицию.

Мы не можем согласиться с данной позицией. Практика показывает, что наиболее часто осужденные привлекаются к дисциплинарной ответственности за мелкие проступки: нарушение распорядка дня, некачественную уборку помещений, заправку постельного места не по установленному образцу и т. д. Таким образом, фактически совершенные дисциплинарные проступки, за которые лицо понесло наказание, становятся преступлением, за которое вновь назначается наказание, причем в виде лишения свободы. В связи с этим использование дисциплинарной преюдиции в проектируемой норме не предполагается, так как, прежде всего, будет нарушаться основополагающий принцип правосудия – соразмерности (пропорциональности) наказания тяжести совершенного преступления.

Решение указанного вопроса видится путем исключения из перечня деяний, за которые осужденные признаются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказаний, организацию забастовок или иных групповых неповиновений, а также организацию группировок осужденных, направленных на совершение правонарушений, предусмотренных ст. 116 УИК РФ.

Следующим немаловажным предложением, по нашему мнению, является привлечение к ответственности не организаторов групповых неповиновений, а лиц, осуществляющих склонение или иное вовлечение лица в совершение групповых неповиновений. Под организацией групповых неповиновений следует понимать действия, направленные на инициирование групповых неповиновений и дальнейшее руководство (хотя бы относительное) и поддержание групповых неповиновений. Такими действиями могут являться подбор инициаторов действий толпы при групповых неповиновениях, разработка плана начала и продолжения групповых неповиновений, руководство (хотя бы относительное) участниками групповых неповиновений.

Необходимость привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществляющих склонение или иное вовлечение лица в совершение групповых неповиновений, обусловлена, прежде всего, характером и степенью общественной опасности деяния (объект посягательства – порядок управления) и возможностью наступления негативных социальных последствий в случаях «успеха» установления криминальными лидерами собственной власти в исправительном учреждении [4, с. 331].

Итак, нами предлагается дополнить УК РФ статьей, предусматривающей уголовную ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение групповых неповиновений законным требованиям сотрудников учреждений и органов УИС, изложив ее диспозицию в следующей редакции:

«Склонение или иное вовлечение в неповиновение законным требованиям сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей, а равно руководство такими действиями (бездействиями) при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьей 321 настоящего Кодекса».

Мы полностью согласны с позицией А. М. Алексеева, утверждающего, что состав преступления отражает диалектическую природу общественно опасной противоправности и рационализирует деятельность по соотношению совершенного деяния и нормы уголовно-

го закона [5, с. 114]. В связи с этим в предложенной нами редакции не указана санкция. По нашему мнению, ее необходимо определить путем специальных криминологических исследований. Вместе с тем надеемся, что сформулированная нами норма послужит отправной точкой для дальнейших научных исследований и законодательных инициатив.

Подводя итог вышесказанному, следует еще раз подчеркнуть значительную общественную опасность групповых неповиновений в местах лишения свободы и отметить, что криминализация указанного деяния имеет под собой объективную потребность. В современных условиях в учреждениях УИС необходимо обеспечивать установленные законом требования, не позволяя представителям криминального мира приобрести влияние на лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горяинов К. К., Исиченко А. П. Групповые правонарушения осужденных и их предупреждение // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 9. С. 17–26.
2. Агарков А. В. Проблемные вопросы правового регулирования оперативно-розыскного противодействия групповым неповиновениям в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 3 (68). С. 6–10.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2021. 588 с.
4. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Угроза применения насилия в отношении осужденных как способ дезорганизации деятельности исправительного учреждения // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1–4), № 3. С. 326–333.
5. Алексеев А. М. Понятие и значение уголовно-правовой конструкции // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 110–117.

REFERENCES

1. Goryainov K.K., Isichenko A.P. Group offenses of convicts and their prevention. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2019, no. 9, pp. 17–26. (In Russ.).
2. Agarkov A.V. Problematic issues of legal regulation of operational-investigative counteraction to group disobedience in places of deprivation of liberty. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2023, no. 3 (68), pp. 6–10. (In Russ.).
3. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. Ed. by Esakov G.A. Moscow. 588 p.
4. Pleshakov A.M., Shkabin G.S. The threat of violence against a convicted person as a way of disorganizing the activities of a correctional institution. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2022 vol. 17 (1–4), no. 3, pp. 326–333. (In Russ.).
5. Alekseev A.M. Concept and meaning of the criminal law structure. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publicnogo prava = Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 110–117. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ ОКШИН – заместитель начальника отдела Главного оперативно-управления ФСИН России, Москва, Россия, okshin-fsin@mail.ru

MAKSIM S. OKSHIN – Deputy Head of the Operational Department of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, okshin-fsin@mail.ru

Статья поступила 01.04.2024

Научная статья
УДК 343.985
doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.016

Аспекты подготовительного этапа допроса осужденных, совершивших мошенничество с территории исправительных учреждений

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ОСТАПЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vas-ostap@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании анализа результатов материалов уголовных дел, анкетирования сотрудников органов предварительного расследования и криминалистических исследований рассмотрены и выделены наиболее проблемные аспекты подготовительного этапа допроса осужденных, совершивших мошенничество. Изучены возможности использования отдельных подготовительных средств допроса осужденных, направленных на установление трудноуявляемых обстоятельств совершенного мошенничества. Сформулированы особенности их применения, приведены примеры осуществления в конкретных следственных ситуациях и даны общие рекомендации по повышению эффективности допроса при расследовании данной категории мошенничеств.

Ключевые слова: расследование; мошенничество; допрос; осужденный; средства сотовой связи.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Остапенко В. Н. Аспекты подготовительного этапа допроса осужденных, совершивших мошенничество с территории исправительных учреждений // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 138–144. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.016.

Original article

Aspects of the Interrogation Preparatory Stage of Convicts Who have Committed Fraud from the Territory of Correctional Institutions

VASILII N. OSTAPENKO

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vas-ostap@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of the results of criminal case materials, questionnaires of employees of preliminary investigation bodies and forensic research, the most problematic aspects of the preparatory stage of interrogation of convicted fraud offenders are considered and highlighted in the article. The

© Остапенко В. Н., 2024

possibilities of using certain preparatory means of interrogation of convicts aimed at establishing poorly revealed circumstances of the committed fraud are studied. The features of their application are formulated, examples of implementation in specific investigative situations are given, and general recommendations to boost interrogation effectiveness in the investigation of this category of fraud are presented.

Key words: investigation; fraud; interrogation; convict; cellular communications.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ostapenko V.N. Aspects of the interrogation preparatory stage of convicts who have committed fraud from the territory of correctional institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 138–144. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.016.

Подготовка к допросу подозреваемых в совершении мошенничества с территории исправительных учреждений с использованием средств сотовой связи имеет свою специфику, обусловленную не только местом нахождения преступника, но и необходимостью проведения большого комплекса процессуальных и следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий. Перечисленные особенности отличают расследование данной категории мошенничеств от иных пенитенциарных преступлений.

Так, для проведения результативного допроса подозреваемого по значительной части пенитенциарных преступлений зачастую достаточно иметь показания потерпевшего, свидетелей и информацию, полученную в результате осмотра места происшествия. Что же касается допроса подозреваемого из числа осужденных, совершившего дистанционное мошенничество, перечень информации, необходимой для его результативного проведения, гораздо шире. Данная особенность в первую очередь обусловлена способом совершения мошенничества и сложностью его доказывания. Следует констатировать, что для наиболее эффективного допроса подозреваемого по данной категории уголовных дел следователь должен обладать значительно большим объемом информации: данными от операторов связи о лице, на которое зарегистрирован абонентский номер (ч. 4 ст. 21 УПК РФ); сведениями по абонентскому номеру мошенника о соединениях абонентов и (или) абонентских устройств с указанием базовых станций; характеризующими данными о личности подозреваемого, полученными из различных источников (информационных учетов, допросов свидетелей (в том числе родственников, других осужденных, сотрудников операторов связи, банковских организаций и органов и учреждений УИС)); материалами, полученными в ходе проведения оперативно-розыскных и режимных мероприятий.

Целью данного исследования не являлось изучение всех положений подготовительного этапа допроса подозреваемого. Основной акцент был сделан на наиболее проблемных вопросах, в частности углубленном изучении личности подозреваемого, установлении обстоятельств доставки средств сотовой связи осужденному, анализе данных о соединениях между абонентами, передвижении средств по банковским счетам, установлении неизвестных эпизодов мошеннических действий, использовании записей телефонных переговоров между подозреваемым и потерпевшим.

В качестве одного из таких вопросов можно назвать установление способов завладения осужденными орудием преступления – средством сотовой связи. Так, согласно ст. 73 УПК РФ, данные обстоятельства входят в предмет доказывания, а также могут быть использованы для профилактики мошенничеств и являться источником сведений об иных преступлениях или правонарушениях, совершенных на территории исправительного учреждения.

Результаты анкетирования 123 сотрудников МВД России (следователей и дознавателей), принимавших участие в расследовании анализируемых пенитенциарных преступлений, проведенном в 2018–2021 гг. в 10 субъектах Российской Федерации (Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Мурманская, Рязанская, Челябинская, Ярославская и Тульская области, Республика Коми), говорят о том, что осужденные отказываются сообщать конкретную информацию о лицах, предоставивших им аппараты сотовой связи и сим-карты, способах их получения и т. д. Аналогичная информация встречается и в ранее проведенных исследованиях [1, с. 21; 2, с. 339], а также подтверждается результатами изучения 132 архивных уголовных дел исследуемой категории мошенничеств за период 2015–2022 гг. в 16 субъектах Российской Федерации (Архангельская, Брянская, Волгоградская, Вологодская, Иркутская, Кировская, Костромская, Курская, Рязанская, Самарская, Тульская, Челябинская, Ярославская области, Республики Коми и Татарстан, Алтайский край). Из материалов уголовных дел следует, что допрашиваемые осужденные объективно не отвечают на поставленные вопросы о поступлении к ним средств сотовой связи, кроме того, в 89 % случаев по итогам расследования такая информация и не устанавливается, несмотря на осуществляемые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия.

В целом, анализ проведенных допросов подозреваемых свидетельствует о недостаточной подготовке следователей к данному следственному действию. Об этом свидетельствуют отсутствующие в материалах дел допросы лиц, осведомленных с обстоятельствами, подлежащих доказыванию, анализ сведений о соединениях между абонентами, ответы на поручения, направленные сотрудникам исправительного учреждения по установлению лиц, причастных к мошенничеству, ряд данных, характеризующих личность преступника, и др. Не собрав и не проанализировав при подготовке к допросу указанный перечень материалов, следователю крайне затруднительно рассчитывать на результативность проводимого следственного действия.

Отдельно следует остановиться на изучении личности подозреваемого-мошенника, так как тщательное изучение личности призвано способствовать установлению психологического контакта с допрашиваемым, поддержанию бесконфликтной следственной ситуации или переводу конфликтной следственной ситуации в бесконфликтную. Установление контакта и отсутствие конфликтов в ходе допроса оказывают положительное влияние на его результативность.

Следователь должен подойти к сбору характеризующего материала максимально ответственно и не ограничиваться минимально необходимым объемом информации. Кроме стандартных запросов в психо- и нарко-диспансеры, военкомат, о наличии судимостей и административных правонарушений, предоставлении одной или двух формальных характеристик от участкового и из места отбывания наказаний следователю необходимо направить запросы на характеризующие материалы с места учебы, работы, службы, предыдущего места отбывания наказания, уголовно-исполнительной инспекции. Часть интересующих сведений следователь может получить в исправительном учреждении (материалы из личного дела осужденного (образование, семейное положение, трудоустройство, наличие дисциплинарных взысканий и поощрений и т. д.) и из программно-технического комплекса автоматизированного картотечного учета спецконтингента (далее – ПТК АКУС) [2, с. 233].

В рамках допросов свидетелей (родственников, друзей, знакомых, сотрудников исправительного учреждения, осужденных и т. д.) необходимо акцентировать внимание на чертах характера, интересах и обязательно круге друзей и знакомых, с кем подозреваемый поддерживал отношения в период отбывания наказания и на свободе [3, с. 284].

Так, при расследовании мошенничества в отношении потерпевшего С. не удалось установить связь между совершенным деянием и личностью подозреваемого осужденного К. В ходе допроса начальника отряда было выявлено, что осужденный К. поддерживает отношения с осужденным Т., отбывающим наказание в этом же отряде. Проверка личности осужденного Т. показала, что он располагал информацией о потерпевшем С, которая и была использована при совершении мошенничества (архив Якутского городского суда (Республика Саха (Якутия)) за 2018 г., дело № 1-27/2018).

Указанные сведения могут способствовать установлению обстоятельств поступления средств сотовой связи в исправительное учреждение, которых, согласно официальным данным ФСИН России, в 2022 г. было изъято более 40 тыс. единиц, а более 15 тыс. из них – при доставке [4, с. 58].

Основными способами доставки средств сотовой связи на территорию исправительного учреждения являются пронос и переброс, которые, как правило, совершаются гражданскими лицами из числа знакомых и родственников подозреваемого. При этом имеют место случаи проноса средств сотовой связи для осужденных и сотрудниками исправительного учреждения. Так, за 2020 г. было зафиксировано 250 фактов (возбуждено 56 уголовных дел, 170 сотрудников привлечены к административной ответственности и уволены из органов уголовно-исполнительной системы) [5].

Указанные данные также подтверждают важность и необходимость установления при расследовании дистанционных мошенничеств обстоятельств завладения средствами сотовой связи подозреваемыми. Основным способом установления способов их доставки является направление поручений сотрудникам оперативных аппаратов исправительного учреждения и отделов собственной безопасности ФСИН России.

Деятельность по установлению условий доставки средств связи в учреждения зачастую начинается с определения примерного времени доставки, которое, как правило, не сильно разнится с его последующим выходом в сеть через ближайшие вышки. Установить время представляется возможным путем анализа сведений, получаемых от операторов сотовой связи, о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) или анализа результатов радио-мониторинга абонентских номеров и сотовых телефонов, действующих на территории исправительного учреждения.

Указанная информация может также быть привязана к конкретным датам, например, свиданиям осужденного с родственниками, защитником, графику работы отдельных сотрудников исправительного учреждения, что представляет собой версии, которые необходимо будет отработать оперативно-следственным путем. В качестве одного из способов проверки интересующих дат может выступать просмотр видеозаписей с камер систем безопасности исправительного учреждения.

Кроме того, при изучении информации о соединениях между абонентами могут быть получены сведения о неизвестных ранее эпизодах противоправной деятельности, так как дистанционные мошенничества являются многоэпизодными преступлениями, что необходимо также учитывать при подготовке к проведению допроса.

Так, сведения о соединениях абонентского номера мошенника зачастую содержат множество номеров, среди которых установить номера потерпевших помогает знание таких особенностей совершения мошенничеств, как однотипность модели их совершения, средняя продолжительность звонка и неоднократность соединений. Продолжительность соединения мошенника с потерпевшим зависит от схемы совершения. Например, если легенда простая и не требует обсуждения большого количества деталей, как в случае раз-

мещения фиктивных объявлений о продаже товара (оказания услуги), как правило, звонки не длятся более 2–3 мин. В случаях сложной легенды «блокировка банковской карты» или «родственник попал в беду» длительность разговоров превышает 10 мин и может достигать до 30–60 мин. Под данные критерии также подпадают звонки родственникам и знакомым, но для мошенников чаще всего характерно наличие нескольких звонков в интервале 2–3 часов.

Кроме того, для установления потенциальных номеров потерпевших при анализе соединений необходимо обращать внимание на наличие большого количества разных номеров, которые не встречаются более в другие дни. Также для установления номеров потерпевших можно использовать возможности информационных учетов МВД России на федеральном уровне о зарегистрированных преступлениях, где фиксируются номера сотовых телефонов потерпевших.

После выделения отдельных абонентских номеров, потенциально имеющих отношение к расследуемому событию, устанавливается статус фигурантов в рамках дела (потерпевшие, свидетели, подозреваемые) путем проведения ОПМ через направление поручений оперативным сотрудникам. В последующем определяется очередность допросов, а в случае удаленности фигурантов от места предварительного расследования также будут направляться поручения на их производство.

Аналогичным образом должны быть организованы действия по подготовке к допросу в случаях перевода денег мошеннику после анализа выписки о движении денежных средств по счету потерпевшего. Данная информация позволяет установить время совершения операции, подтвердить факт перевода и размер ущерба, содержит информацию о счете мошенника или лица, на чье имя он открыт. Кроме того, после анализа персональных данных лица, на чье имя оформлены счета (мошенника), также можно получить данные о движении по ним денег.

Необходимо отметить, что в силу многоэпизодности анализируемых преступлений допрос подозреваемого является большим по объему, продолжительности и направлен на установление всех событий, их последовательности, а также отдельных деталей. В связи с этим допрос лучше проводить не одновременно, а разделить его на несколько дней. Начинать допрос лучше с эпизодов, по которым у следователя имеется широкая доказательственная база. При этом решающую роль в доказывании отдельных эпизодов могут сыграть записи телефонных разговоров мошенника с потерпевшим, которые могут быть получены в результате прослушивания телефонных переговоров, контроля и записи переговоров, выемки записей переговоров у потерпевшего или предоставления оператором сотовой связи записи переговоров по запросу органов расследования.

Анализ записей переговоров позволяет определить тактику проведения допроса и порядок предъявления доказательств. Кроме того, запись является доказательством, оказывающим давление на уверенность мошенника в эффективности совершаемого им противодействия расследованию.

При подготовке важно определить момент и порядок предъявления таких доказательств в ходе допроса, но ни в коем случае нельзя начинать допрос с их демонстрации, чтобы не повышать осведомленность мошенника об информации, известной следователю, не дать возможности придумать альтернативные версии произошедших событий, зафиксированных на записях телефонных переговоров, умолчать о неизвестных эпизодах. Так, демонстрация следователем перед допросом подозреваемому осужденному М. полного содержания записи телефонных переговоров с потерпевшими способствовала написанию ложных явок с повинной осужденного М. и выстраиванию системы ложных показаний с це-

лю скрыть факты совершения иных эпизодов мошенничеств и участия других лиц (Арх. Кировского район. суда г. Перми. Дело № 1-89/2018).

Запись лучше предъявлять после выяснения позиции допрашиваемого по отношению к расследованию и значительного объема обстоятельств, исходя из результатов его показаний. Возможно даже частичное предъявление отдельных фрагментов записи в совокупности с показаниями других лиц, или сведениями, установленными в рамках расследования, в качестве контраргументов выясненной позиции допрашиваемого по событию в целом или его отдельным элементам.

Таким образом, на основании сказанного выше можно сделать следующие выводы.

Подготовительный этап допроса осужденного-мошенника является многоаспектным процессом и во многом определяет его результативность, он должен строиться на анализе результатов спланированного и взаимосвязанного комплекса следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и режимных мероприятий. Кроме того, от следователя требуется высокий уровень осведомленности в вопросах организации и функционирования сотовой связи, особенностей среды осужденных и деятельности конкретного исправительного учреждения, а также взаимодействия с его сотрудниками.

Углубленное изучение личности подозреваемого кроме стандартных запросов должно включать характеризующие материалы с места учебы, работы, службы, предыдущего места отбывания наказания и уголовно-исполнительной инспекции. Основная часть сведений должна быть получена в исправительном учреждении из материалов личного дела осужденного и ПТК АКУС, а также в рамках допросов свидетелей (родственников, друзей, знакомых, сотрудников исправительного учреждения, осужденных и т. д.).

Основными средствами повышения эффективности установления обстоятельств о поступлении в ходе допроса являются:

- углубленное изучение личности с использованием источников информации в исправительном учреждении;
- направление поручений сотрудникам оперативных аппаратов исправительного учреждения и отделов собственной безопасности ФСИН России;
- анализ сведений, получаемых от операторов сотовой связи, о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в том числе с указанием базовых станций;
- анализ результатов радио-мониторинга абонентских номеров и сотовых телефонов, действующих на территории исправительного учреждения;
- анализ данных о лицах, посещавших конкретное исправительное учреждение.

Увеличение эффективности установления в ходе допроса неизвестных ранее эпизодов мошенничества возможно посредством следующих средств:

- анализа сведений, получаемых от операторов сотовой связи – соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами с учетом особенностей совершения схемы расследуемого мошенничества (однотипность модели, средняя продолжительность звонка и неоднократность соединений);
- использования возможностей информационных учетов МВД РФ на федеральном уровне о зарегистрированных преступлениях;
- анализа выписки о движении денежных средств по счету потерпевшего на другие счета и сведений о лицах, на чье имя они открыты;
- использования аудиозаписи переговоров мошенника с потерпевшим.

Запись переговоров мошенника и потерпевшего позволяет определить тактику проведения допроса, порядок предъявления иных доказательств, последовательность задаваемых вопросов, а также оказывает давление на уверенность мошенника в эффективности

совершаемого им противодействия расследованию. Важен момент и форма предъявления записи. Запись лучше предъявлять после ее исследования и установления позиции допрашиваемого на основе его показаний. Допустимо предъявлять запись по частям, но ни в коем случае нельзя начинать допрос с ее демонстрации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нуждин А. А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 232 с.
2. Акчурин А. В. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования пенитенциарных преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2022. 53 с.
3. Волков Д. Ю. Изучение личности как подготовительный этап допроса подозреваемого, обвиняемого, содержащегося в следственном изоляторе // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 2. С. 283–287.
4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2022 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 453 с.
5. «Хочу, чтобы ФСИН не рассматривали как карательный орган»: Александр Калашников о работе тюремного ведомства. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/808052-fsin-rabota-vedomstvo> (дата обращения: 01.05.2023).

REFERENCES

1. Nuzhdin A.A. *Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo osuzh-dennymi v uchrezhdeniyakh UIS s ispol'zovaniem sredstv sotovykh sistem podvizhnoi svyazi: dis. ... kand. yurid. nauk* [Investigation of fraud committed by convicts in penal institutions using mobile cellular communication systems: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2013. 232 p. (In Russ.).
2. Akchurin A.V. *Teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty rassledovaniya penitentsiarnykh prestuplenii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical foundations and applied aspects of the investigation of penitentiary crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2022. 53 p.
3. Volkov D.Yu. The study of personality as a preparatory stage of interrogation of the suspect, accused, detained in the detention center. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 283–287. (In Russ.).
4. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2022 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2022): informal and analytical collection]. Tver, 2018. 453 p.
5. “*Khochu, chtoby FSIN ne rassmatrivali kak karatel'nyi organ*”: Aleksandr Kalashnikov o rabote tyuremnogo vedomstva [“I want the Federal Penitentiary Service not to be considered as a punitive body”, Aleksandr Kalashnikov on the work of the prison department]. Available at: <https://russian.rt.com/russia/article/808052-fsin-rabota-vedomstvo> (accessed May 1, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ОСТАПЕНКО – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vas-ostap@yandex.ru

VASILII N. OSTAPENKO – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Law Enforcement Intelligence Operations of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, vas-ostap@yandex.ru

Статья поступила 12.07.2023

Научная статья

УДК 343.98

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.017

Некоторые вопросы применения специальных знаний на стадии возбуждения уголовных дел о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы

ЕВГЕНИЙ ИГОРЕВИЧ ПЕНЬКОВ

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, evgenipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5927-3930>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения специальных знаний на стадии возбуждения уголовных дел о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы. В частности, осуществлен анализ законодательного регулирования экспертных исследований, проводимых на стадии проверки сообщения о преступлении, судебно-следственной практики и обозначены проблемные вопросы, касающиеся применения специальных знаний на стадии возбуждения уголовных дел о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы, сформулированы предложения по корректировке обозначенных проблем.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений; уголовно-исполнительная система; строительство объектов для нужд уголовно-исполнительной системы; доказательства; доказывание; результаты оперативно-розыскной деятельности; преступление; следователь; расследование; оперативный сотрудник; правоприменение; наука об оперативно-розыскной деятельности; уголовный процесс; проверка сообщения о преступлении; эксперт; экспертиза; исследование.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Пеньков Е. И. Некоторые вопросы применения специальных знаний на стадии возбуждения уголовных дел о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 145–151. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.017.

Original article

Some Issues of Applying Special Knowledge at the Stage of Initiation of Criminal Cases on Official Offenses Committed during Construction of Penitentiary Facilities

EVGENII I. PEN'KOV

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, evgenipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5927-3930>

© Пеньков Е. И., 2024

Abstract. The article discusses issues of applying special knowledge at the stage of initiation of criminal cases on official offenses committed during construction of penitentiary facilities. The author analyzes legislative regulation of expert studies conducted at the stage of verifying crime reports, identifies problematic issues related to the use of special knowledge at the stage of initiating criminal cases on official offenses committed during construction of penitentiary facilities, and makes proposals for correcting the identified problems.

Key words: law enforcement intelligence operations; law enforcement intelligence support for the crime investigation; penal system; construction of facilities for the needs of the penal system; evidence; proof; results of law enforcement intelligence operations; crime; investigator; investigation; operational officer; law enforcement; science of law enforcement intelligence operations; criminal process; verification of a crime report; expert; examination; research.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Pen'kov E.I. Some issues of applying special knowledge at the stage of initiation of criminal cases on official offenses committed during construction of penitentiary facilities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 145–151. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.017.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена значительными объемами строительных и ремонтно-восстановительных работ, проводимых на объектах недвижимости ФСИН России в целях совершенствования материально-технической базы уголовно-исполнительной системы. Организация строительства требует немалых бюджетных ассигнований, что в свою очередь по ряду объективных и субъективных причин неизбежно способствует корыстным преступным проявлениям со стороны должностных лиц уголовно-исполнительной системы, задействованных в хозяйственных, финансовых и строительных процессах. Следует отметить, что зачастую в целях получения максимальной выгоды при минимальных издержках подрядные организации, выполняющие функции застройщиков, целенаправленно осуществляют строительные и ремонтно-восстановительные работы на объектах недвижимости уголовно-исполнительной системы с нарушением проектно-сметных нормативов. При преступном покровительстве должностных лиц уголовно-исполнительной системы это приводит к значительным потерям государственного бюджета и замедляет материально-техническую модернизацию пенитенциарной системы.

В настоящее время наиболее распространенными преступлениями в строительной сфере уголовно-исполнительной системы являются мошенничество, присвоение или растрата, злоупотребление и превышение должностных полномочий.

К способам совершения указанных категорий преступлений можно отнести следующие: осуществление строительных и ремонтно-восстановительных работ в меньших объемах, с нарушением предусмотренных проектно-сметной документацией нормативов; использование низкокачественных строительных материалов с характеристиками, не соответствующими требованиям возводимого (восстанавливаемого) объекта недвижимости; заведомо незаконное подписание актов приема строительных работ должностными лицами уголовно-исполнительной системы, состоящими в преступном сговоре с подрядными организациями, либо организация строительства силами аффилированных строительных организаций; создание видимости проведения строительных либо ремонтно-восстановительных работ с целью освоения денежных средств на объектах, возведенных ранее.

Так, 19 октября 2023 г. Ленинским районным судом г. Чебоксары Чувашской Республики вынесен обвинительный приговор в отношении М., заместителя директора ФГУП «СМУ-13 ФСИН России», за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, превысившего должностные полномочия при осуществлении строительно-монтажных работ на объекте «Следственный изолятор на 500 мест (г. Чебоксары)».

В 2015 г. между УФСИН России по Чувашской Республике и ФГУП «СМУ-13 ФСИН России» был заключен государственный контракт № 336 на выполнение строительно-монтажных работ, согласно которому «СМУ-13 ФСИН России» обязалось выполнить работы по строительству и вводу в эксплуатацию следственного изолятора и передать результат работ заказчику в установленные контрактом сроки.

Реализуя преступный умысел, М. в период с конца 2015 г. по конец 2017 г., превышая свои должностные полномочия, совершая действия, явно выходящие за пределы его полномочий, в нарушение требований ч. 1 ст. 95 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», устанавливающих запрет на изменение существенных условий государственных контрактов, в нарушение требований контракта и проектной документации организовал выполнение строительно-монтажных работ ненадлежащим образом, заключающееся в применении недопустимых средств и способов строительства, что повлекло невозможность исполнения обязательств по контракту, полную и частичную непригодность возведенных конструктивных элементов объекта. Также М. внес заведомо ложные сведения в акты о приемке выполненных работ унифицированной формы № КС-2 и в справки стоимости выполненных работ и затрат унифицированной формы № КС-3, служащие основанием для их оплаты, которые предъявил заказчику для перечисления денежных средств, тем самым совершил действия, которые ни одно должностное лицо совершать не вправе.

В результате преступных действий М. УФСИН России по Чувашской Республике перечислило на счет «СМУ-13 ФСИН России» не менее 41 456 214 руб. за работы, которые фактически не соответствовали проектной документации и требованиям строительных норм и правил, что повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства, а также причинение тяжких последствий, выразившихся в неосновательном отчуждении государственных денежных средств и причинении ущерба федеральному бюджету (Арх. Ленин. район. суда г. Чебоксары Чувашской Республики. Уголовное дело № 1-22/2023 (1-181/2022)).

Крайне высокий уровень общественной опасности указанной категории преступлений обусловлен необходимостью постоянного выполнения функций по исполнению уголовных наказаний, возложенных на уголовно-исполнительную систему, что невозможно в отсутствие надлежащим образом функционирующей материально-технической базы.

Зачастую федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление предварительного расследования указанной категории преступлений, квалифицируя действия должностных лиц уголовно-исполнительной системы, организующих строительство, сталкиваются с проблемой конкуренции гражданско-правовых и уголовно-правовых норм законодательства. Нередки случаи несвоевременного, неполного или некачественного выполнения строительных и ремонтно-восстановительных работ на объектах уголовно-исполнительной системы, что формально порождает гражданско-правовые споры. При отсутствии признаков корысти со стороны субъектов правоотношений, квалифицировать их действия как преступные проявления не представляется возможным,

в связи с чем нередки случаи принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела при рассмотрении сообщений по указанной категории преступлений.

Строительство является узкой, специфической отраслью хозяйственной деятельности, организация которой требует от субъектов наличия специального образования и профессионального опыта. Как правило, при строительстве либо реконструкции объекта недвижимости уголовно-исполнительной системы формируется большой объем финансовой и технической документации. Сопоставление информации, содержащейся в указанной документации, с результатами проделанных работ зачастую по силам лишь человеку, обладающему специальными познаниями в сфере строительства, в связи с чем вопрос о проведении экспертных исследований в рамках проверки сообщений о должностных преступлениях, совершаемых при строительстве и реконструкции объектов недвижимости уголовно-исполнительной системы, является крайне важным и требующим детального рассмотрения.

Часто только при назначении и производстве судебно-почерковедческих, судебно-бухгалтерских, судебных компьютерно-технических, судебных строительно-технических и других судебных экспертиз возможно установить наличие признаков преступлений данной категории.

Правовое регулирование вопросов, касающихся производства судебных экспертиз на стадии проверки сообщения о преступлении, является актуальным в силу востребованности указанного правового института.

Как справедливо отметил Б. В. Сергеев, в своей первоначальной редакции УПК РФ предусматривал на стадии возбуждения уголовного дела не само производство, а только назначение судебной экспертизы в ч. 4 ст. 146 (причем в скобках) в связи с требованием о представлении материалов предварительной проверки вместе с постановлением о возбуждении уголовного дела прокурору для принятия им решения о даче согласия на возбуждение уголовного дела. При этом ни в разд. VII УПК РФ, регулирующем производство в стадии возбуждения уголовного дела, ни в гл. 27 УПК РФ, регламентирующей порядок назначения и производства судебной экспертизы, ни в каких других уголовно-процессуальных нормах непосредственного указания на возможность назначения и производства указанного следственного действия предусмотрено не было. Такое неопределенное законодательное регулирование данного вопроса породило существенное разнообразие как в правоприменительной практике, так и в уголовно-процессуальной науке [1, с. 40].

Следует отметить, что результатом принятия Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»» стало исключение судебной экспертизы из стадии проверки сообщения о преступлении. До 2010 г. уголовно-процессуальное законодательство не регламентировало процесс проведения экспертных исследований до момента возбуждения уголовного дела. Длительное время процедуры, являющиеся эффективным инструментом выявления признаков должностных преступлений, совершаемых при строительстве объектов недвижимости для нужд уголовно-исполнительной системы на стадии доследственной проверки, отсутствовали.

Также необходимо подчеркнуть, что Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» наделил федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности, возможностью выдвигать требования о производстве документальных проверок, ревизий с привлечением к участию в них специалистов.

В свою очередь Федеральный закон от 09.03.2010 № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» наделил указанные органы полномочиями по производству исследований документов, предметов и трупов с привлечением к участию в этих исследованиях специалистов с возможностью продления срока проверки сообщения о преступлении до 30 суток при проведении указанных действий.

Рассмотренные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, безусловно, положительно повлияли на процесс доказывания и легитимность решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях, однако формулировка, прописанная в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в части требования производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, может неоднозначно трактоваться субъектами уголовного судопроизводства. Термин «требование производства» не подразумевает фактического производства по требованию. Само по себе требование несет в себе лишь изъявление воли должностного лица, однако не может означать и гарантировать проведение необходимых процедур.

По нашему мнению, наиболее правильным представляется изложить ч. 1 ст. 144 УПК РФ в следующей редакции: «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, *назначать* производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

На наш взгляд, указанная корректировка законодательства будет способствовать более качественному рассмотрению сообщений о преступлениях, совершаемых при строительстве и реконструкции объектов недвижимости уголовно-исполнительной системы, устранив недопонимание между субъектами уголовного судопроизводства при проведении доследственных мероприятий.

Считаем необходимым согласиться с мнением С. В. Задерако о том, что в отсутствие требуемых реквизитов бумажные и электронные носители информации, потребность в изучении которых может образоваться в ходе предварительной проверки, не несут в себе свойств официальных документов, но и изучать их как предметы не целесообразно. Кроме того, классификация ряда объектов материального мира, исследование которых может осуществляться в стадии возбуждения уголовного дела, в частности строительных материалов, тоже является некорректным. Рассматривая вопросы возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере строительства, необходимо отметить, что различные строительные объекты предметами не являются, в связи с чем следует дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ словами «зданий, строений, сооружений» после слов «предметов, трупов» [2].

В целом согласимся с мнением С. В. Задерако и отметим, что в рамках рассмотрения сообщений о должностных преступлениях, совершенных в строительной сфере уголов-

но-исполнительной системы возможно исследование представителей флоры и фауны, не являющихся предметами. Так, например, дерево, проросшее корнями в стену, крышу или фундамент здания, может указать на отсутствие капитального ремонта строительной конструкции.

Принимая во внимание мнение научного сообщества и собственные суждения по рассматриваемому вопросу, учитывая многообразие окружающего мира, предлагаем скорректировать положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дополнив словами: «исследование документов, материалов, предметов, веществ, иных материальных объектов и трупов», с одновременной корректировкой норм, регламентирующих порядок проведения следственного осмотра.

Рассматривая вопрос применения специальных знаний на стадии возбуждения уголовных дел о должностных преступлениях, совершенных при строительстве объектов уголовно-исполнительной системы, целесообразно обратиться к точке зрения Е. А. Зайцевой о том, что правовая природа экспертных исследований, проводимых до момента возбуждения уголовного дела, часто в сочетании с активной фазой оперативно-розыскной деятельности должна рассматриваться через призму федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственных нормативных актов, регламентирующих соответствующую деятельность в различных силовых ведомствах, включающих в свою структуру экспертные службы [3]. Соглашаясь со сказанным выше, отметим, что п. 5 ч. 1 ст. 6 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрена возможность проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как «исследование предметов и документов».

Сама возможность проведения оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» значительно расширяет возможности оперативных подразделений, документирующих должностную преступность в строительной сфере уголовно-исполнительной системы. Несмотря на сказанное, вопрос применения специальных познаний при исследовании объектов строительства и финансово-строительной документации в рамках проведения указанного оперативно-розыскного мероприятия остается проблемным и дискуссионным с точки зрения организации процесса и доказательственного значения результатов. Следует отметить, что официальных комментариев по данному вопросу в настоящий момент не имеется.

Исходя из сказанного, предлагаем ч. 1 ст. 57 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения в рамках уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности». Указанная формулировка позволит максимально придать доказательственное значение результатам проведения оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов», осуществляемого с участием эксперта, при условии соблюдения положений, предусмотренных гл. 27 УПК РФ.

В заключение отметим, что расширение возможностей оперативно-розыскной деятельности до возможности участия экспертов в оценке информации, добытой оперативным путем, и корректировка процедур, связанных с экспертными исследованиями на стадии проверки сообщения о преступлении, позволит оптимизировать процедуры, реализуемые на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Предлагаемые изменения в законодательстве особенно актуальны при выявлении, раскрытии и расследовании должностных преступлений, совершаемых при строительстве и реконструкции объектов недвижимости уголовно-исполнительной системы, ввиду специфики указанной категории преступлений с позиции собирания, проверки и оценки доказательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сергеев Б. В. Правовое регулирование производства исследований в стадии возбуждения уголовного дела и их значение при рассмотрении сообщений о преступлениях в сфере строительства // Актуальные проблемы противодействия преступлениям в сфере строительства : материалы межкаф. конф., 26 апреля 2018 года / под общ. ред. И. И. Иванова. СПб., 2018. С. 40–50.
2. Задерако С. В. Особенности расследования корыстных преступлений в сфере строительства, связанных с фальсификацией проектно-сметной и отчетной документации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2013. С. 28.
3. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : моногр. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. И. С. Дикарев. М., 2012. 408 с.

REFERENCES

1. Sergeev B.V. Legal regulation of research at the stage of initiation of a criminal case and their importance in considering reports of crimes in the field of construction. In: Ivanov I.I. (Ed.). *Aktual'nye problemy protivodeistviya prestupleniyam v sfere stroitel'stva: materialy mezhkaf. konf., 26 aprelya 2018 goda* [Actual problems of countering crimes in the field of construction: materials of the inter-committee conference, April 26, 2018]. Saint Petersburg, 2018. Pp. 40–50. (In Russ.).
2. Zaderako S.V. *Osobennosti rassledovaniya korystnykh prestuplenii v sfere stroitel'stva, svyazannykh s fal'sifikatsiei proektno-smetnoi i otchetnoi dokumentatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Features of the investigation of mercenary crimes in the field of construction related to the falsification of design estimates and accounting documentation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Rostov on Don, 2013. Pp. 28. (In Russ.).
3. *Sushchnost' i aktual'nye problemy stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela: monogr.* [The essence and actual problems of the stage of initiation of a criminal case: monograph]. Moscow, 2012. 408 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВГЕНИЙ ИГОРЕВИЧ ПЕНЬКОВ – старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, evgenipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5927-3930>

EVGENII I. PEN'KOV – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, evgenipenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5927-3930>

Статья поступила 19.03.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.018

Неправомерный оборот средств платежей как объект критического уголовно-правового исследования

ДИАНА ПАВЛОВНА ПРОСТЯКОВА

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
diana-03071999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0890-0210>

Аннотация. В статье рассматривается проблема квалификации неправомерного оборота средств платежей, предусмотренного ст. 187 УК РФ. Автором проанализированы данные из официальных источников, которые подтверждают существование рассматриваемого общественно опасного деяния. Кроме того, статистика демонстрирует многообразие способов совершения данного преступления. Для их четкого разграничения были рассмотрены нормативные правовые акты, проведен разбор элементов состава преступления, которые являются сложными для правильной квалификации преступного посягательства, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; неправомерный оборот средств платежей; преступления; экономическая деятельность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Простякова Д. П. Неправомерный оборот средств платежей как объект критического уголовно-правового исследования // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 2 (26). С. 152–157. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.018.

Original article

Illegal Turnover of Payment Funds as an Object of Critical Criminal Law Research

DIANA P. PROSTYAKOVA

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia, diana-03071999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0890-0210>

Abstract. The article considers the problem of qualification of illegal turnover of payment funds provided for in Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes data from official sources that confirm the existence of the socially dangerous act in question. In addition, statistics demonstrate the variety of ways to commit this crime. Regulatory legal acts are considered to clearly distinguish them. The analysis of elements of the corpus delicti, which hinder correct

qualification of a criminal offense provided for in Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, are carried out.

Key words: Criminal Code of the Russian Federation; illegal turnover of payment funds; crimes; economic activity.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Prostyakova D.P. Illegal turnover of payment funds as an object of critical criminal law research. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 152–157. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.018.

Сегодня сфера социально-экономических отношений развивается в ускоренном темпе, что выражается в первую очередь в массовом переходе значительной доли населения на расчеты платежными картами или иными средствами электронных платежей (далее – ЭСП). Об этом свидетельствуют статистические данные, представленные на официальном сайте Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) (рис. 1) [1].

Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями и Банком России, по типам карт				
				Тыс. ед.
	Всего банковских карт	расчетные карты	в том числе:	
			из них: расчетные карты с «овердрафтом» ¹	кредитные карты
1	2	3	4	5
2022				
на 1.10.22	383 976	338 793	-	45 183
на 1.07.22	374 252	331 286	-	42 965
на 1.04.22	347 125	305 773	-	41 352
на 1.01.22	334 704	294 267	-	40 437
2021				
на 1.10.21	325 080	286 086	-	38 994
на 1.07.21	319 744	279 416	-	40 328
на 1.04.21	312 429	272 664	-	39 764
на 1.01.21	305 623	266 479	-	39 143
2020				
на 1.10.20	297 368	258 535	-	38 833
на 1.07.20	288 908	250 742	-	38 166
на 1.04.20	288 415	250 021	-	38 394
на 1.01.20	285 832	248 648	-	37 184
2019				
на 1.10.19	280 284	243 393	-	36 891
на 1.07.19	275 566	239 353	-	36 213
на 1.04.19	272 904	237 265	-	35 638
на 1.01.19	272 604	237 521	-	35 082
2018				
на 1.10.18	270 634	236 572	-	34 062
на 1.07.18	268 463	235 314	-	33 150
на 1.04.18 ²	266 952	234 462	-	32 491
на 1.01.18	271 677	239 522	-	32 155

Рис. 1. Количество эмитированных платежных карт по типам

Анализ предоставленных ЦБ РФ данных за 2018–2022 гг. свидетельствует о ежегодном росте количества открытых банковских карт. Таким образом, население постепенно отказывается от использования в расчетах наличных денежных средств, что несомненно, является огромным плюсом не только для граждан из-за удобства платежей, но и для контролирующих органов, поскольку безналичные расчеты более прозрачны, а значит, позволяют выявлять, например, нарушителей в сфере неуплаты налоговых платежей.

По информации Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Банка России (далее – ФинЦЕРТ), представленной в форме обзора

о несанкционированных переводах денежных средств, отмечается возросший объем операций с использованием банковских карт и как следствие, увеличение числа несанкционированных переводов. Только за 2020 г. было совершено 773 008 операций без согласия клиентов банков, это на 196 111 операций больше, чем в 2019 г. [2, с. 4] (рис. 2).

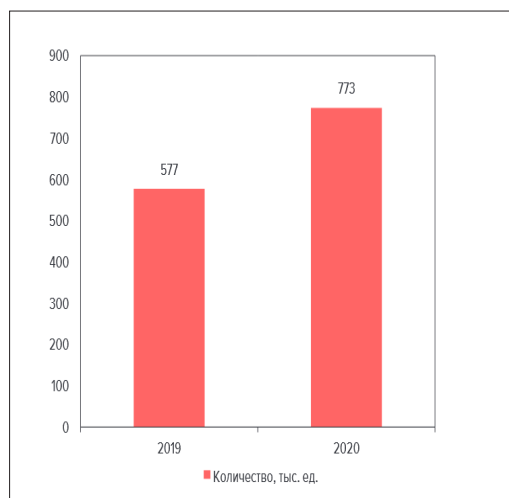

Рис. 2. Количество несанкционированных операций, тыс. ед.

ции преступных деяний, совершаемых в исследуемой сфере, необходимо уметь отграничивать их от смежных составов преступлений и принимать во внимание степень влияния существующих пробелов в законодательстве на правильное определение всех элементов состава противоправных деяний.

История изменений, вносимых в УК РФ, свидетельствует о том, что предыдущее наименование ст. 187 УК РФ «Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов» и ее наименование в актуальной редакции «Неправомерный оборот средств платежей» кодекса отличаются. В действующую редакцию внесены дополнения, касающиеся предметов преступления, а также действий, составляющих объективную сторону состава преступления.

Юридическая критика новой редакции ст. 187 УК РФ со стороны представителей научных сообществ основывается на мнении об усложнении не только самого названия статьи, но и диспозиции нормы. Несомненно, все это привело к возникновению спорных вопросов в процессе правоприменительной деятельности практических сотрудников, ошибок в квалификации деяния и т. п. Для разрешения некоторых противоречий и сложностей, рассмотрим каждый элемент состава противоправного деяния.

В качестве непосредственного объекта преступления по ст. 187 УК РФ выступают общественные отношения, охраняющие нормальное функционирование установленного по-

Суммарно за 2020 г. было совершено несанкционированных операций на 9777,3 млн руб., что на 3351,5 млн руб. больше, чем годом ранее [2] (рис. 3).

Закономерно, что количество заведенных уголовных дел по преступлениям в сфере экономической деятельности также возросло. Поскольку УК РФ включает в себя преступления в сфере экономической деятельности, регламентируемые гл. 22, то встает вопрос правильного определения состава противоправного деяния, связанного с несанкционированными переводами денежных средств различными способами. Злоумышленники могут совершать преступные деяния как при помощи банковских карт, так и используя иные электронные средства платежа. Квалификация подобного рода преступлений может выглядеть по-разному в зависимости от обстоятельств дела [3]. Поэтому для точной квалифи-

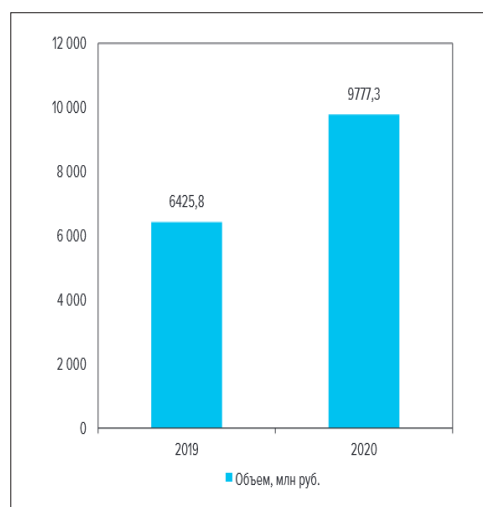

Рис. 3. Объем несанкционированных операций, млн руб.

рядка оборота средств платежей [3]. Исходя из этого, к предмету преступления относятся следующие элементы (рис. 4).

Рис. 4. Предмет преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ

Денежные купюры и ценные бумаги, являющиеся поддельными, не относятся к предмету рассматриваемого преступления.

Особую сложность в квалификации преступных деяний представляет определение сущности предметов посягательства, поскольку не совсем ясно, что относится к той или иной категории, используемой законодателем. Диспозиция неправомерного оборота средств платежей справедливо является бланкетной, поэтому необходимо обратиться к некоторым нормативным правовым актам, закрепляющим разъяснение используемых в статье понятий.

Так, например, к платежным картам, которые могут быть использованы в процессе совершения преступления, относятся обыкновенные дебетовые карты, кредитные и предоплаченные [4].

В качестве распоряжений о переводе денежных средств выступают платежные поручения, инкассовые поручения, платежные требования, платежные ордера. Сущность данного действия заключается в том, что именно на основании распоряжения производятся операции с денежными средствами.

Одним из проблемных вопросов в установлении предмета преступления являются документы и средства оплаты, поскольку законодательное закрепление данных понятий отсутствует. Положение Банка России № 266-П относит платежные поручения, инкассовые поручения и т. д. к расчетным документам. В связи с этим не ясно, каким образом следует разграничивать документы, средства оплаты и платежные документы.

Понятие электронного средства платежа регламентировано Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О национальной платежной системе»: электронное средство платежа – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [4].

Таким образом, исходя из смысла определения данного термина в категорию ЭСП включаются и платежные карты, и распоряжения о переводе денежных средств, и средства оплаты и т. д. Скорее всего, законодатель под термином «электронное средство платежа»

имел в виду не общее для всех категорий понятие, а что-то конкретное, не закрепленное нормативными документами, что порождает проблемы квалификации деяния на практике.

К электронным носителям информации можно отнести карты памяти, флеш-накопители, персональные компьютеры и т. д.

В качестве технических устройств злоумышленники зачастую используют специальные наклейки на банкоматы – скиммеры или шиммеры, которые необходимы для получения информации с карт клиентов. Также популярностью пользуются наклейки на клавиатуру, позволяющие узнать ПИН-код от платежной карты. Кроме того, имеют место случаи установки поддельных банкоматов.

Следующим элементом состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, является объективная сторона деяния. В диспозиции нормы подробно указаны альтернативные действия: изготовление, приобретение, хранение, транспортировка и сбыт. Стоит отметить, что под изготовлением здесь понимается как частичная подделка средств платежа, так и полная.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (в данном случае – 16 лет) и совершившее преступление, предусмотренное ст. 187 УК РФ. В некоторых случаях субъектов может быть несколько. Например, при совершении преступления в соучастии с сотрудниками банков или каких-либо крупных организаций. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом.

Таким образом, следует отметить, что ст. 187 УК РФ является одной из непростых норм, регламентирующих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Поэтому для правильного и эффективного ее применения законодателю необходимо четко определить действия, относящиеся в соответствии со статьей к незаконным, поскольку от привлечения к уголовной ответственности злоумышленников зависят не только безопасность граждан, но и экономическая безопасность всего государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями и Банком России, по типам карт. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций за 2020 г. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32190/Review_of_transactions_2020.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
3. Иванова Е. А. Уголовно-правовая характеристика неправомерного оборота средств платежей // *Colloquium-Journal*. 2020. № 6-6 (58). С. 59–62.
4. Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием : положение Банка России от 24.12.2004. № 266-П (ред. от 28.09.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. *Kolichestvo platezhnykh kart, emitirovannykh kreditnymi organi-zatsiyami i Bankom Rossii, po tipam kart* [The number of payment cards issued by credit institutions and the Bank of Russia, by card type]. Available at: <https://www.cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (accessed January 10, 2023).
2. *Obzor operatsii, sovershennykh bez soglasiya klientov finansovykh organizatsii za 2020 g.* [Overview of transactions performed without the consent of clients of financial

institutions in 2020]. Available at: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/32190/Review_of_transactions_2020.pdf (accessed January 10, 2023).

3. Ivanova E.A. Criminal characteristics of illegal circulation of payment means. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 6-6 (58), pp. 59–62. (In Russ.).

4. On the issue of payment cards and transactions carried out using them: Regulation of the Bank of Russia No. 266-P of December 24, 2004. (as of September 28, 2020). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the reference legal system "ConsultantPlus"]. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДИАНА ПАВЛОВНА ПРОСТЯКОВА – адъюнкт кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия, diana-03071999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0890-0210>

DIANA P. PROSTYAKOVA – adjunct at the Department of Criminal and Penal Law of the Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia, diana-03071999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0890-0210>

Статья поступила 03.04.2024

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.019

Организационно-правовое противодействие идеологии терроризма службами и подразделениями уголовно-исполнительной системы на современном этапе

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
rumyantsev.n.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

Аннотация. В статье рассматриваются задачи, стоящие перед подразделениями уголовно-исполнительной системы по противодействию идеологии терроризма в свете требований Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг. Анализируются отдельные аспекты организационно-правовых норм обеспечения безопасности органов и учреждений УИС в вопросах противодействия идеологии террористической угрозы, а также деятельность служб пенитенциарной системы по противодействию идеологии террористической направленности по итогам 2019–2023 гг. Особое внимание обращено на активизацию мер по повышению результативности в пресечении противоправного поведения и профилактического воздействия на лиц, отбывающих наказание и подверженных влиянию идеологии терроризма и неонацизма, усиление разъяснительной работы о неприятии идей массовых убийств и ответственности за совершение преступлений террористического характера; обеспечение в учреждениях УИС полноты информационно-разъяснительных и просветительных материалов, средств наглядной агитации, дискредитирующих логику террористической идеологии.

Ключевые слова: противодействие; идеология; терроризм; правовые основы; организационно-правовые нормы; уголовно-исполнительная система; Комплексный план; места лишения свободы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Румянцев Н. В. Организационно-правовое противодействие идеологии терроризма службами и подразделениями УИС на современном этапе // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 158–163. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.019.

Original article

Organizational and Legal Counteraction to the Terrorism Ideology by Services and Units of the Penal System at the Present Stage

NIKOLAI V. RUMYANTSEV

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, rumyantsev.n.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

Abstract. The article considers tasks of penal system institutions to counter the terrorism ideology in the light of requirements of the Comprehensive Plan for 2024–2028. The article analyzes certain aspects of organizational and legal norms for ensuring security of penitentiary bodies and institutions in terms of countering the ideology of the terrorist threat, as well as activities of the penitentiary system services to counter the terrorist ideology based on the results of 2019–2023. Special attention is paid to the intensification of measures to improve effectiveness in suppressing illegal behavior and preventive effects on persons serving sentences and influenced by the ideology of terrorism and neo-Nazism, strengthening explanatory work on the rejection of mass murder ideas and liability for committing terrorism-related crimes; the ensure the completeness of information, explanatory and educational materials, means of visual agitation in penal institutions discrediting the logic of the terrorist ideology.

Key words: counteraction; ideology; terrorism; legal foundations; organizational and legal norms; penal system; Comprehensive plan; places of deprivation of liberty.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Rumyantsev N.V. Organizational and legal counteraction to the terrorism ideology by services and units of the penal system at the present stage. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 158–163. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.019.

Активизация правонарушений и преступлений экстремистской направленности и террористического характера, все больше распространяющихся по территории Российской Федерации, создает серьезные проблемы в обеспечении безопасности государства и требует выполнения целого комплекса мероприятий, направленных на взаимодействие государственных структур с общественными объединениями, где на современном этапе в качестве приоритетов рассматриваются нейтрализация и устранение факторов, способствующих развитию исследуемого деструктивного явления [1].

Организация эффективного механизма по профилактике террористической деятельности стала наиболее важным направлением в работе правоохранительных органов и силовых структур, призванных обеспечивать государственную и общественную безопасность страны.

Сформулированные в основных документах законодательного и нормативно-правового регулирования (Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 34,

«Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2018 № Пр-2665, и др.) базовые стратегические направления политики государства по противодействию экстремизму и терроризму, таких как способствовали активной деятельности силовых и правоохранительных структур, направленной на противодействие экстремистским и террористическим проявлениям в тесном взаимодействии с федеральными и местными органами государственного управления и общественными организациями по сохранению в стране атмосферы нетерпимости к экстремистской и террористической идеологии, предупреждению разжигания межнациональной вражды.

Соответствующие ведомства и структуры различного уровня в конце 2023 г. проанализировали итоги реализации мероприятий, предусмотренных планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации до 2024 года. Однако на одном из заседаний Национального антитеррористического комитета по результатам борьбы с терроризмом отмечалось, что, несмотря на предотвращение правоохранительными органами 228 террористических преступлений, в том числе 146 терактов, пресечена деятельность 73 законспирированных ячеек и свыше 180 организованных преступных групп, обстановка по линии борьбы с экстремистской и террористической угрозой в стране остается сложной [2]. В рамках законодательства Российской Федерации в сфере противодействия терроризму силы и средства территориальных органов ФСИН приняли участие в 222 антитеррористических учениях, проводимых руководителями оперативных штабов в субъектах Российской Федерации, в ходе которых отрабатывались совместные действия силовых структур по пресечению террористических актов, в том числе на объектах УИС.

С целью дальнейшего противодействия террористической угрозе принят «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы», утвержденный Президентом Российской Федерации 30.12.2023 № Пр-2610 (План).

По реализации обозначенных в настоящем Plane задач по противодействию идеологии терроризма особое внимание обращено на деятельность правоохранительных органов и силовых структур. И среди них немаловажная роль отведена службам и подразделениям уголовно-исполнительной системы, в задачи которых входят: повышение результативности профилактических мероприятий в отношении лиц, склонных к идеологии неонацизма и терроризма; усиление разъяснительной работы и доведение информации до лиц, отбывающих наказание, о неприятии идей массовых убийств и ответственности за совершение преступлений террористического характера; обеспечение в учреждениях УИС полноты информационно-разъяснительных и просветительных материалов, средств наглядной агитации, печатных и аудиовизуальных материалов, дискредитирующих логику террористической идеологии, с обязательным ознакомлением ими спецконтингента.

Особое внимание при выполнении мероприятий профилактического характера должно быть уделено состоящим на различных формах учета в органах и учреждениях УИС лицам, придерживающимся идеи радикальных движений и криминальных субкультур.

В ходе выполнения мероприятий общей профилактики внимание необходимо обратить на усиление профилактики правонарушений несовершеннолетних и лиц, находившихся под влиянием неонацистских структур и проявляющих активный интерес к террористическому и деструктивному контенту радикальной насильственной и суицидальной направленности.

Несмотря на проводимую личным составом и учеными нашего ведомства информационно-пропагандистскую работу, направленную на противодействие террористической и экстремистской деятельности, сотрудникам уголовно-исполнительной системы предписано активнее участвовать в проводимых всероссийских и региональных, в том числе молодежных, мероприятиях (конференциях, круглых столах и пр.), в ходе которых давать соответствующие разъяснения о сущности террористической и иной деструктивной идеологии и ответственности за ее пропаганду.

В уголовно-исполнительной системе 1483 священника закреплены за учреждениями, в которых насчитывается 1466 объектов, используемых для проведения религиозных обрядов и церемоний, в том числе 996 зданий и помещений для исповедующих православие, 401 – для исповедующих ислам, 17 – для исповедующих иудаизм, 30 – для исповедующих буддизм, 22 – для иных религиозных течений. Поэтому для противодействия распространению террористической идеологии в местах религиозного культа необходимо разъяснять подозреваемым, обвиняемым и осужденным, особенно из числа иностранных граждан, имеющих намерения заниматься религиозной деятельностью на территории России, положения законодательства Российской Федерации, устанавливающие ответственность за участие в террористической деятельности и несообщение о ней, а также объяснять содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В настоящее время в учреждениях УИС отбывают наказание представители различных религиозных конфессий, и, безусловно, важно при противодействии пропагандистскому воздействию изучать и выявлять в библиотечных фондах учреждения издания, содержащие информацию террористического, экстремистского и деструктивного характера, обеспечивать активное и своевременное их изъятие.

Сотрудникам служб и подразделений уголовно-исполнительной системы в рамках решения задач по дерадикализации и отказа осужденных от дальнейшего участия в террористической деятельности необходимо привлекать психологов, представителей общественных и религиозных организаций к проведению информационно-просветительских и воспитательных мероприятий с осужденными. В рамках пенитенциарной пробации при осуществлении воспитательной работы важно организовывать мероприятия по формированию у осужденных антитеррористического мировоззрения.

В целях предупреждения рецидивной преступности со стороны лиц, отбывших наказание за террористическую деятельность, следует проводить мероприятия социальной направленности, предусматривающие их вовлечение в профессиональную и общественную деятельность, ресоциализацию и реинтеграцию в общество.

При реализации профилактической работы с лицами, состоящими на различных формах учета, сотрудникам УИС во взаимодействии с представителями общественных, религиозных организаций необходимо шире разъяснять преступную сущность терроризма, его деструктивную идеологию, активнее привлекать осужденных к волонтерской и иной социально полезной деятельности.

Следует уделять особое внимание лицам, отбывающим наказание и подверженным криминальным субкультурам, идеям движений и сообществ, деструктивным идеологиям и склонности к насильственному поведению, пропагандирующим совершение резонансных насильственных преступлений, стремящимся вовлекать в свою деятельность террористического характера других осужденных.

При организации работы в пенитенциарных учреждениях новых субъектов Российской Федерации необходимо активнее проводить работу по разъяснению правовых норм за-

конодательства, предусматривающих уголовную ответственность за участие в террористических организациях и содействие, несообщение о преступлениях террористической направленности.

Кроме того, необходимо постоянно анализировать и оценивать эффективность реализации профилактических мероприятий с учетом результатов проводимых социологических исследований, мониторингов. Обеспечить ежегодное планирование мероприятий по противодействию идеологии терроризма и своевременное внесение коррективов в профилактическую работу.

Научным и образовательным учреждениям УИС проведение научных исследований по противодействию идеологии терроризма и внедрению их результатов в практическую деятельность следует осуществлять во взаимодействии и согласовании с аппаратом Национального антитеррористического комитета.

Необходимо помнить, что за эффективность и качество профилактической работы по реализации Плана на руководителей, ответственных за ее организацию и контроль, возлагается персональная ответственность.

Работа служб и подразделений уголовно-исполнительной системы по пресечению противоправной террористической деятельности в настоящее время продолжается, и повышение качества результатов их работы в дальнейшем, несомненно, будет способствовать выполнению важнейшей задачи в противодействии террористической угрозы.

Безусловно, выполнить поставленные цели по пресечению правонарушений и преступлений экстремистской направленности и террористического характера невозможно без научного обеспечения и теоретически обоснованной организации деятельности служб и подразделений УИС по реализации стоящих задач.

Оперативная заинтересованность и совместная активная деятельность сотрудников служб и подразделений УИС по противодействию распространению террористической идеологии будет способствовать выполнению одной из важнейших задач в обеспечении безопасности страны [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Канунникова Н. Г. К вопросу о месте административной ответственности в системе противодействия проявлениям экстремизма // *Административное право и процесс*. 2022. № 5. С. 38–40.
2. НАК: в России с начала года предотвращено 228 террористических преступлений. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6395884> (дата обращения: 10.01.2023).
3. Казанцев С. А. Экстремизм, методы информационного противодействия, распространения экстремизма, выявление лиц, содержащихся в учреждениях УИС, склонных к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности // *Петербургские пенитенциарные конференции : сб. материалов : в 4 т. СПб., 2021. Т. 2. С. 143–159.*

REFERENCES

1. Kanunnikova N.G. On the place of administrative liability in the system of combating manifestations of extremism. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2022, no. 5, pp. 38–40. (In Russ.).
2. NAK: v Rossii s nachala goda predotvrashchenii 228 terroristicheskikh prestuplenii [NAC: since the beginning of the year, 228 terrorist crimes have been prevented in Russia]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6395884> (accessed January 10, 2023).

3. Kazantsev S.A. Extremism, methods of information counteraction, spread of extremism, identification of persons held in penal institutions prone to commit crimes of extremist and terrorist orientation. In: *Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii: sb. materialov: v 4 t. T. 2* [Saint Petersburg penitentiary conferences: collection of materials: in 4 volumes. Volume 2]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 143–159. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, rumyantsevn.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

NIKOLAI V. RUMYANTSEV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, rumyantsevn.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

Статья поступила 05.04.2024

Научная статья

УДК 343.84

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.020

К вопросу об изменении вида исправительного учреждения в отношении осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима

ЛЕВ АРАИКОВИЧ САРКИСЯН

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, lev.sarkisyan00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0629-9539>

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменения вида исправительного учреждения в отношении осужденных за особо тяжкие преступления, отбывающих наказание в исправительной колонии (далее – ИК) строгого режима. В статье проведен анализ изменений в УИК РФ, а также предлагаются пути совершенствования уже существующих норм в этой области для обеспечения эффективного исправления и ресоциализации осужденных. Анализируются проблемы применения норм, регулирующих перевод из исправительной колонии строгого режима в колонию-поселение. Также приведены статистические данные ФСИН России для анализа применения института изменения вида исправительного учреждения. В статье предлагается в п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ добавить обязательное условие в виде нахождения в облегченных условиях содержания для применения перевода в колонию-поселение в отношении осужденных, отбывающих наказание в ИК строгого режима. Это позволит соблюсти принцип последовательности и постепенности применения поощрительных мер в отношении осужденных за особо тяжкие преступления. Особое внимание уделяется анализу норм уголовного и уголовно-исполнительного права. Актуальность темы обусловлена важностью изменения вида исправительного учреждения как средства ресоциализации осужденных. Представляется, что данные изменения будут способствовать повышению эффективности исполнения наказаний.

Ключевые слова: осужденные за особо тяжкие преступления; исправительная колония строгого режима; изменение вида исправительного учреждения; изменение условий отбывания наказания.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Саркисян Л. А. К вопросу об изменении вида исправительного учреждения в отношении осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 164–172. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.020.

Original article

On the Issue of Changing the Type of Correctional Institution in Relation to Convicts Serving Sentences in a High-Security Correctional Facility

LEV A. SARKISYAN

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, lev.sarkisyan00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0629-9539>

Abstract. The article deals with the problem of changing the type of correctional institution in relation to those convicted of particularly serious crimes serving sentences in a correctional facility of a strict regime. The article analyzes changes in the penal system and also proposes ways to improve existing norms in this area to ensure effective correction and re-socialization of convicts. Problems of applying norms regulating the transfer from a high-security correctional facility to a panel settlement are analyzed. Statistical data of the Federal Penitentiary Service are also provided in the analysis of the application of the institution of changing the type of correctional institution. The article proposes to add in paragraph “d” of Part 2 of Article 78 of the Penal Code of the Russian Federation a mandatory condition, such as being in light conditions of detention, for the transfer of a convict from a strict regime correction facility to a penal settlement. This will allow observing the principle of consistency and gradual application of incentive measures against those convicted of particularly serious crimes. Special attention is paid to the analysis of norms of criminal and penal law. The relevance of the topic is caused by the importance of changing the type of correctional institution as a means of resocialization of convicts. It seems that these changes will contribute to improving effectiveness of the execution of sentences.

Keywords: convicted of particularly serious crimes; high-security correctional facility; changing the type of correctional institution; changing conditions of serving a sentence.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sarkisyan L.A. On the issue of changing the type of correctional institution in relation to convicts serving sentences in a high-security correctional facility. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 164–172. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.020.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации постоянно совершенствуется путем внесения изменений в УИК РФ, принятием подзаконных актов и др. Недавние изменения показывают повышенное внимание законодателя к ресоциализации осужденных к лишению свободы и процессу их исправления, а также дифференциации условий и индивидуализации наказания. Стимулирование правопослушного поведения у осужденных является главной задачей уголовно-исполнительной политики государства, для решения которой законодатель анализирует практику применения института изменения вида исправительного учреждения. Это позволяет совершенствовать поощрительные нормы путем внесения изменений в уже действующие нормы уголовно-исполнительного законодательства, которые улучшают правовое положение осужденных. В ходе обсуждений целесообразности принятия данных изменений в Государственной Думе Российской Федерации была представлена пояснительная записка к проекту Федерального закона

«О внесении изменения в статью 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». Один из аргументов для принятия изменений в УИК РФ основывался на статистических данных ФСИН России, согласно которым за первые 2 месяца 2022 г. из ИК строгого режима в колонии-поселения были переведены только 744 чел., осужденных за совершение особо тяжких преступлений (в 2021 г. – 4577 чел., в 2020 г. – 5351 чел.). Общее количество переведенных осужденных из ИК строгого режима в колонию-поселение за весь 2022 г. составило 6372 чел., что свидетельствует о положительной динамике [1, с. 379] и обусловлено деятельностью воспитательных и социальных служб учреждений и органов УИС.

15 июля 2022 г. в ходе выступления в Государственной Думе Российской Федерации заместитель министра юстиции Российской Федерации А. В. Логинов отметил, что 75 % лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, осуждены за особо тяжкие преступления и направлены в исправительные центры на основании ст. 80 УК РФ [2]. Это негативно сказывается на исправительных центрах: происходит нарушение принципа последовательного и постепенного применения поощрительных средств при переводе осужденных из ИК строгого режима в колонию-поселение. По мнению А. В. Логинова, «у осужденных за особо тяжкие преступления право на замену неотбытой части наказания на принудительные работы возникает после отбытия ими не менее половины срока наказания в ИК строгого режима, а право на перевод в колонию-поселение, которая, по сути, является промежуточным звеном между ИК строгого режима и принудительными работами, – по отбытии не менее двух третей срока наказания. Изменения, которые были внесены в ст. 78 УИК РФ, призваны урегулировать сложившееся несоответствие принципу последовательности» [2]. Вышеупомянутый принцип применения поощрительных норм и институтов позволит осужденному пройти весь процесс ресоциализации путем нахождения его в окружении, соответствующем его уровню исправления.

Таким образом, мы видим значительное сокращение числа осужденных за особо тяжкие преступления, которые получили возможность перевода из ИК строгого режима в колонию-поселение, что негативно сказывается на развитии института изменения вида исправительного учреждения. Существуют различные причины сокращения количества переводов осужденных за особо тяжкие преступления в колонии-поселения с улучшением их правового положения. Так, Р. М. Воронин считает, «что главной причиной является конкуренция данного института изменения вида исправительного учреждения с другими поощрительными институтами и, прежде всего, с институтом условно-досрочного освобождения» [3, с. 113]. Ю. А. Кашуба же считает, «что институт изменения вида исправительного учреждения в конкуренции уступает институту изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения» [4, с. 52].

Нам же представляется, что причиной сокращения числа переводов осужденных является конкуренция по формальным основаниям с институтом замены неотбытой части наказания более мягким видом. В связи с этим можно привести пример. В п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ законодатель предусмотрел изменение вида исправительного учреждения. В случае отбытия половины срока наказания положительно характеризующиеся осужденные, совершившие особо тяжкие преступления, имеют право на перевод из ИК строгого режима в колонию-поселение. В свою очередь норма ч. 2 ст. 80 УК РФ устанавливает замену неотбытой части наказания в виде принудительных работ в случае отбытия не менее половины срока наказания осужденными, совершившими особо тяжкие преступления.

Таким образом, сроки институтов замены неотбытой части наказания более мягким и изменения вида исправительного учреждения схожи, поэтому осужденные отдадут пред-

почтение замене неотбытой части наказания. Чтобы избежать конкуренции институтов, законодатель изменил срок отбытия наказания до назначенного приговором суда срока лишения свободы для замены неотбытой части наказания более мягким. Данные изменения позволят осужденным делать выбор в пользу института изменения вида исправительного учреждения, что позволит соблюсти принцип последовательности и постепенности, а также улучшить процесс ресоциализации осужденных к лишению свободы. Также данные меры позволят повысить эффективность социальной адаптации осужденного в исправительной колонии с более мягким режимом, что в будущем снизит процент рецидивных преступлений [5, с. 102].

Причиной уменьшения количества переводов осужденных из ИК строгого режима в колонию-поселения является и увеличение доли осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, среди которых претендентов на перевод, как правило, меньше, чем среди осужденных за преступления небольшой и средней тяжести [6, с. 614].

Федеральным законом от 24.06.2023 № 285-ФЗ (далее – ФЗ от 24.06.2023) были внесены изменения в ст. 78 УИК РФ. Тем самым положительно характеризующихся осужденных за совершение особо тяжких преступлений при отбытии не менее половины срока наказания могут перевести из ИК строгого режима в колонию-поселение.

Данные изменения указывают на гуманизацию уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, то есть государство стремится стимулировать осужденных к исправлению. Для реализации этих целей законодатель использует институт изменения вида исправительного учреждения, благодаря чему у осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, сначала будет возникать формальное основание для обращения в суд с ходатайством об изменении вида исправительного учреждения, а позднее будет наступать право на обращение в суд с ходатайством об УДО от отбывания наказания либо о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Поэтапная смена вида исправительного учреждения позволит подготовить осужденных за особо тяжкие преступления к возвращению в общество после освобождения из мест лишения свободы, то есть позволит ускорить процесс ресоциализации осужденных.

Следует отметить, что внесенные ФЗ от 24.06.2023 изменения, в частности в п. «г» ст. 78 УИК РФ, значительно улучшили положение осужденных за особо тяжкие преступления, речь идет о лицах, которые были осуждены до принятых изменений в п. «г» ч. 2 ст. 78 УК РФ, так как установленный законодательством срок отбытия наказания для перевода из ИК строгого режима в колонию-поселение сокращается с до половины. В соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ закон имеет обратную силу, если он улучшает положение лица, совершившего преступление, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления соответствующей нормы в силу. В связи с этим положительно характеризующиеся осужденные за особо тяжкие преступления до 24.06.2023 по отбытии не менее половины срока наказания имеют возможность перевода из ИК строгого режима в колонию-поселение. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.09.2022 № 365-ФЗ из абз. 4 ч. 2 ст. 80 УК РФ слова «либо не менее половины срока наказания при замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами» были удалены.

Также ч. 2 ст. 6 УК РФ устанавливает обратную силу закона, то есть осужденные за особо тяжкие преступления до внесения данных изменений могут претендовать на замену неотбытой части наказания на более мягкий вид наказания. Это касается и осужденных,

которые совершили особо тяжкие преступления до внесения изменений в п. «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ, они также имеют право перевода из ИК строгого режима в колонию-поселение после отбытия ими половины срока наказания.

По нашему мнению, положения, внесенные в УИК РФ ФЗ от 24.06.2023, являются важными. Это подтверждает ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации, закрепляющая, что каждый осужденный за преступление имеет право на помилование и смягчение наказания. Изменение вида исправительного учреждения это и есть смягчение приговора. В данном случае возникает вопрос: почему законодатель так поздно вносит эти изменения, ведь право на смягчение приговора есть у каждого осужденного независимо от тяжести совершенного им преступления? В предыдущей редакции УИК РФ, на наш взгляд, просматривается ограничение прав осужденных за особо тяжкие преступления на изменение вида исправительного учреждения. Однако не все осужденные за особо тяжкие преступления, отбыв половину срока наказания, могут быть переведены из ИК строгого режима в колонию-поселение. Законодатель в вышеуказанном федеральном законе предусмотрел исключение для определенных категорий преступлений, за совершение которых осужденные должны отбыть не менее $\frac{2}{3}$ срока наказания для изменения вида исправительного учреждения. В частности, к таким категориям относятся преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и их прекурсоров, террористической деятельностью или организацией преступного сообщества (преступной организации) или участием в нем, а также с хищением, вымогательством и незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств или с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Предлагаемое исключение соответствует принципу уголовного законодательства Российской Федерации, содержащемуся в ст. 6 УК РФ, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть соразмерны характеру и степени общественной опасности преступления. Выделение данных преступлений также обусловлено повышенной общественной опасностью личности преступника, то есть способностью лица совершить новое преступление. По этой причине законодатель и установил повышенный срок отбывания наказания для лиц, совершивших перечисленные преступления. Тем самым осужденные, совершившие особо тяжкие преступления не из числа вышеуказанных составов, не являются лицами повышенной общественной опасности.

Одним из условий перевода осужденного из ИК строгого режима в колонию-поселение является его положительная характеристика, то есть учет данных о его поведении за период отбывания наказания, его отношение к труду, а также соблюдение правил внутреннего распорядка. При следовании этим нормам осужденного могут перевести в облегченные условия отбывания наказания. В уголовно-исполнительном праве в отношении осужденных также предусмотрен институт перевода из одних условий отбывания наказания в другие с облегчением или ужесточением участи осужденного в пределах одного исправительного учреждения, данный институт действует в качестве поощрительных мер в отношении осужденных.

Таким образом, для перевода осужденного из ИК строгого режима в колонию-поселение ему необходимо положительно зарекомендовать себя перед администрацией ИК и находится в облегченных условиях отбывания наказания. Только после этого осужденный будет иметь возможность перевода. Без этого основания институт изменения вида исправительного учреждения не будет функционировать. Временной фактор нахождения в

облегченных условиях позволяет удостовериться в степени исправления осужденного [7, с. 80]. В свою очередь институт изменения условий отбывания наказания позволяет в рамках одного исправительного учреждения показать, как протекает исправление осужденного. Связано это с тем, что данный институт действует в качестве поощрительных мер.

По мнению профессора С. Л. Бабаяна, меры поощрения являются одним из важных элементов уголовно-исполнительных норм, которые эффективно используются исправительными учреждениями для стимулирования у осужденных правопослушного поведения [8, с. 4]. Улучшение условий отбывания наказания при применении поощрительных норм изменения вида исправительного учреждения эффективно воздействует на осужденных и способствует положительной динамике их поведения во время отбывания наказания. Указанные меры распространяются на положительно характеризующихся осужденных, однако законодатель в ч. 4 ст. 78 УИК РФ установил условия для перевода в другой вид исправительного учреждения злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания [9, с. 137].

Статья 87 УИК РФ регламентирует условия, в которых могут находиться осужденные в рамках одного исправительного учреждения: обычные, облегченные и строгие. В ст. 122 УИК РФ содержатся условия, при выполнении которых осужденный к лишению свободы может быть переведен из одних условий в другие. Например, вновь поступившие в ИК строгого режима отбывают наказание в обычных условиях, кроме тех, кто был осужден за умышленные преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы. Стоит отметить, что в ходе изменения условий отбывания наказания также происходит и дифференциация осужденных, то есть в зависимости от степени исправления к осужденным будут применяться разные правоограничения и различные виды карательного воздействия, что позволит более эффективно проводить воспитательную работу с осужденными.

Законодатель предусмотрел порядок поощрения осужденных за правомерное поведение и положительное отношение к труду в период отбывания наказания. Положительно характеризующиеся осужденные по отбытии не менее девяти месяцев срока наказания в обычных условиях могут быть переведены в облегченные условия отбывания наказания. Данная система перевода достаточно эффективна, так как происходит дифференциация осужденных по их поведению и процессу исправления.

Нам представляется целесообразным усовершенствовать данную систему изменения условий. Необходимо внести меры предупреждения, то есть если осужденный получает один из видов взысканий, которые установлены ч. 1 ст. 115 УИК РФ, то он остается в тех же условиях. Только получив два и более взыскания, осужденный может быть переведен в более строгие условия. Также в качестве поощрений за правомерное поведение взыскания, полученные за нарушения, могут быть сняты после истечения определенного времени. Эти меры стимулируют осужденных к правопослушному поведению обуславливают увеличение количества осужденных, находящихся в облегченных условиях содержания, что в свою очередь будет способствовать сокращению нарушений установленного порядка отбывания наказания среди осужденных. Снижение напряженности осужденных в облегченных условиях содержания позволят сделать пребывание в исправительных учреждениях менее негативным и тягостным, что повысит мотивацию осужденных к изменению и процессу ресоциализации. Это даст возможность усовершенствовать институт изменения условий отбывания наказания, что повлияет и на институт изменения вида ИК.

Анализируя ст. 78 УИК РФ, можно отметить, что в п. «б» ч. 2 данной статьи отсутствует дополнительное требование нахождения осужденного в облегченных условиях содержа-

ния для дальнейшего перевода в ИК строгого режима, тогда как в п. «в» ч. 2 такое требование указано. То есть, для осужденных за особо тяжкие преступления, которые отбывают наказание в ИК строгого режима, не действует принцип последовательности и постепенности применения поощрительных мер. А для осужденных, отбывающих наказание в ИК общего режима, есть требование нахождения в облегченных условиях не менее $\frac{1}{4}$ срока наказания. Для соблюдения вышеуказанного принципа необходимы условия применения данной поощрительной меры в отношении осужденных за особо тяжкие преступления по образцу с осужденными, которые отбывают наказание в ИК общего режима. В этом случае принцип последовательности поощрительных мер будет соблюдаться, также это позволит повысить эффективность организации исправительного процесса. Однако, по мнению Ю. А. Кашубы, Р. В. Ушакова, «дополнительные требования для перевода из ИК общего режима в колонию-поселение создают препятствия, которые часто являются труднопреодолимым либо непреодолимым барьером для перевода значительного количества осужденных» [10, с. 61]. Также О. А. Алфимова, рассуждая о норме, устанавливающей изменение вида исправительного учреждения, задается вопросом: «принципиальная ли позиция законодателя или же упущение с его стороны – отсутствие требования к осужденным, отбывающим наказания в ИК строгого режима, отбывания наказания в облегченных условиях для их перевода в колонию-поселение» [11, с. 12]. В свою очередь С. Л. Бабаян считает, «что отбывание наказания осужденных в облегченных условиях является одним из критериев положительно характеризующегося осужденного, а также требованием для перевода осужденного из ИК строгого режима в колонию-поселение. Используя данный метод, принцип последовательности и постепенности применения поощрительных институтов уголовно-исполнительного права будет действовать» [12, с. 14]. Рассматриваемый принцип предполагает, что поощрительное воздействие на осужденных должно быть последовательным и соответствовать процессу их ресоциализации.

Представляется, что осужденные, видя положительные для них моменты будут стремиться попасть в облегченные условия отбывания наказания. Указанная система позволит зафиксировать достижение осужденными определенной степени исправления. В будущем эти достижения будут способствовать дальнейшему правопослушному поведению, а также переводу осужденных из ИК строгого режима в колонию-поселение.

Одним из важных факторов изменения условий отбывания наказания помимо отбытия определенной части наказания является поведение осужденного в период отбывания наказания в виде лишения свободы. Также фактором изменения условий отбывания наказания является отсутствие взысканий в период отбытия наказания, это свидетельствует о характере поведения осужденного. Законодатель для правового регулирования данного вопроса также установил сроки погашения полученных взысканий. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что главной целью данного института является создание более благоприятной и сбалансированной среды, способствующей реабилитации и успешной ресоциализации осужденных.

Таким образом, изменение условий отбывания наказания осужденным за особо тяжкие преступления является сложной и многогранной задачей. В свете постоянно меняющихся требований и стандартов в области уголовно-исполнительного права необходимо постоянно анализировать и развивать институт изменения исправительного учреждения. Также необходимо совершенствовать поощрительные меры в отношении осужденных для стимулирования у них правопослушного поведения. В последующем это позволит успешно пройти ресоциализацию, используя принцип последовательного и постепенного при-

менения поощрительных средств. Анализируя вышеуказанные институты, видно, что все элементы пенитенциарной системы действуют в общей совокупности и создают систему отбывания наказаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь-декабрь 2022 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2023. С. 538.
2. Рассмотрение Государственной Думой Российской Федерации во втором чтении законопроекта № 160039-8 «О внесении изменения в статью 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» 01.06.2023. URL: <https://video.duma.gov.ru/watch/?id=325595> (дата обращения 11.12.2023).
3. Воронин Р. М. Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.
4. Кашуба Ю. А. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные основы правового положения больных осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 52–55.
5. Саркисян Л. А. К вопросу об изменении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения // Оригинальные исследования (ОРИС). 2023. № 2. С. 101–103.
6. Семашкина М. Д. Некоторые проблемы оснований для изменения вида исправительного учреждения в уголовно-исполнительной системе // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 613–614.
7. Латынин С. Н. Институт изменения вида исправительного учреждения: недостатки уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1 (84). С. 79–81.
8. Бабаян С. Л. Понятие и правовая природа поощрительных институтов уголовно-исполнительного права // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2 (18). С. 33–39.
9. Горбань Д. В. Понятие и правовая природа института изменения вида исправительного учреждения в механизме реализации наказания в виде лишения свободы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11 (108). С. 135–143.
10. Кашуба Ю. А., Ушаков Р. В. Перевод осужденных из исправительных колоний общего и строгого режимов в колонии-поселения // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2 (31). С. 57–63.
11. Алфимова О. А. Вопросы совершенствования правовой регламентации, связанные с изменением вида исправительного учреждения и изменением осужденному условий содержания // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 9–14.
12. Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 46 с.

REFERENCES

1. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'-dekabr' 2022 g.): inform. -analit. sb.* [Key performance indicators of the penal enforcement system (January-December 2022): information and analytical collection]. Tver, 2023. P. 538.
2. *Rassmotrenie zakonoproekta Gosudarstvennoi Dumoi Rossiiskoi Federatsii vo vtorom chtenii zakonoproekta № 160039-8 "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 78 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii" 01.06.2023* [Consideration of the draft law by the State Duma of the Russian Federation in the second reading of draft law No. 160039-8 "On Amendments to Article 78 of the Penal Code of the Russian Federation" of June 1, 2023]. Available at: <https://video.duma.gov.ru/watch/?id=325595> (accessed December 11, 2023).
3. Voronin R.M. The main directions of medical psychology in correctional institutions. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2014, no. 1, pp. 112–117. (In Russ.).

4. Kashuba Yu.A. Criminal and penal bases of a legal status of sick condemned persons. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2012, no. 1, pp. 52–55. (In Russ.).
5. Sarkisyan L.A. On the issue of changing the type of correctional institution sentenced to deprivation of liberty. *Original'nye issledovaniya (ORIS) = Original research (ORIS)*, 2023, no. 2, pp. 101–103. (In Russ.).
6. Semashkina M.D. Some problems of the grounds for changing the type of correctional institution in the penal enforcement system. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2022, no. 21 (416), pp. 613–614. (In Russ.).
7. Latynin S.N. The institute of the change the type of correctional institution: the shortcomings in criminal and penal legislation. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2014, no. 1 (84), pp. 79–81. (In Russ.).
8. Babayan S.L. Concept and the legal nature of incentive institutes of the criminal executive rights. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2012, no. 2 (18), pp. 33–39. (In Russ.).
9. Gorban' D.V. Concept and legal nature of changes the type of correctional facilities in the mechanism of imprisonment execution. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 11 (108), pp. 135–143. (In Russ.).
10. Kashuba Yu.A., Ushakov R.V. Transfer of convicts from correctional colonies of general and strict regimes to colony settlements. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2017, no. 2 (31), pp. 57–63. (In Russ.).
11. Alfimova O.A. Issues related to the improvement of legal regulation related to the change in the type of correctional institution and the conditions of detention of the convicted person. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2020, no. 4 (45), pp. 9–14. (In Russ.).
12. Babayan S.L. *Pooshchritel'nye instituty ugolovno-ispolnitel'nogo prava (teoriya i praktika primeneniya): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Incentive institutions of penal law (theory and practice of application): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2014. 46 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕВ АРАЙКОВИЧ САРКИСЯН – магистрант факультета подготовки специалистов для судебной системы Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, lev.sarkisyan00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0629-9539>

LEV A. SARKISYAN – 1st year undergraduate student at the Faculty of Training Specialists for the Judicial System of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, lev.sarkisyan00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0629-9539>

Статья поступила 05.02.2023

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.021

Значение методов прикладной психологии для раскрытия и расследования преступлений

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СОКОЛОВА

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва,
Россия, Sokolova-o-a@mail.ru

Аннотация. В статье показано значение методов прикладной психологии для раскрытия и расследования преступлений. Отмечено, что на современном этапе развития психологические знания являются наиболее востребованными как в теоретическом курсе традиционной криминалистики, где предлагается новое направление – криминалистическая диагностика лжи, так и в правоприменительной деятельности. Проведенный анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной исследованиям в области прикладной психологии, свидетельствует, что когнитивное интервью – самая значимая разработка в судебной психологии за последние двадцать лет. Автором рассматриваются возможности когнитивного интервью как одного из эффективных методов прикладной психологии, способствующего активизации памяти человека, вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства, для получения криминалистически значимой информации.

Ключевые слова: методы прикладной психологии; когнитивное интервью; активизация памяти; участники уголовного судопроизводства; раскрытие и расследование преступлений.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Соколова О. А. Значение методов прикладной психологии для раскрытия и расследования преступлений // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 2 (26). С. 173–180. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.021.

Original article

Importance of Applied Psychology Methods for the Detection and Investigation of Crimes

OL'GA A. SOKOLOVA

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Sokolova-o-a@mail.ru

Abstract. The article shows the importance of applied psychology methods for the detection and investigation of crimes. It is noted that nowadays psychological knowledge is most in demand both in the theoretical course of traditional criminology with a new direction, such as forensic diagnosis of lies, and in law enforcement activities. The analysis of domestic and foreign literature devoted to research in the

field of applied psychology shows that cognitive interview is the most significant development in forensic psychology over the past twenty years. The author considers possibilities of cognitive interview as one of the effective methods of applied psychology contributing to the activation of the memory of a person involved in criminal proceedings to obtain criminally significant information.

Key words: methods of applied psychology; cognitive interview; memory activation; participants in criminal proceedings; detection and investigation of crimes.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sokolova O.A. Importance of applied psychology methods for the detection and investigation of crimes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 173–180. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.021.

В раскрытии и расследовании преступлений законодательством Российской Федерации большое внимание уделяется изучению личности участников уголовного судопроизводства: потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 60, ст. 61, 63 УК РФ устанавливаются основания привлечения к уголовной ответственности, индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, причин и условий, способствовавших совершению преступления. Помимо этого, ч. 2 и п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ регламентируется, что изучение личности подозреваемого, обвиняемого является обстоятельством, подлежащим доказыванию в уголовном судопроизводстве. С учетом требований указанных законодательных актов рассмотрим роль психологии в диагностировании перечисленных субъектов, попавших в орбиту уголовного судопроизводства, при раскрытии и расследовании преступлений.

В этом плане современный этап развития психологических знаний является наиболее востребованным как для теоретического курса традиционной криминалистики [1], так и для правоприменительной деятельности. Среди системы методов диагностирования целесообразно подробно рассмотреть некоторые из психологических методов, поскольку их приоритетное использование в криминалистике в целом и криминалистической тактике в частности бесспорно. Обращение к психологии актуально прежде всего при производстве следственных действий: осмотре, производстве допроса, очной ставке, предъявлении для опознания, назначении судебных экспертиз и др. [2].

В юридической психологии применительно к проблематике нашей статьи выделяют следующие формальные методы: наблюдение, экспериментальный метод, беседа (интервью), анкетный метод (анкетирование), профайлинг и др. Отметим, что они разработаны для решения частных задач психологии, а впоследствии были интегрированы в процесс расследования и раскрытия преступлений.

Например, универсальный метод наблюдения применяется практически при производстве любых следственных действий: допросе, очной ставке, проверке показаний на месте, освидетельствовании, следственном эксперименте и т. д. Поскольку он сопряжен с целеустремленным, планомерным изучением психических явлений, то имеет важное значение и при проведении оперативно-розыскных мероприятий, например опроса, так как в последнем случае оперативный сотрудник внимательно наблюдает за внешними проявлениями опрашиваемого, ранее воспринимавшем разнообразную информацию о расследуемом событии и внешнем облике наблюдаемого человека. Это прежде всего его анатомо-физиологические признаки (внешний облик в целом и отдельные его элементы), проявление

функционально-двигательных навыков (движения, скорость речи и др.), а также сопутствующие признаки (одежда, особенности ее ношения, аксессуары и т. д.). Возможности получения данной информации будут нами рассмотрены далее по тексту.

Наряду с наблюдением в зависимости от фактических обстоятельств расследуемого преступления активно применяется и другой метод визуальной психодиагностики – экспериментальный. При этом происходит изучение поведения собеседника, его реакции, движений, манеры разговаривать, мимики и т. д. с целью определения его темперамента и построения тактической линии поведения сотрудника с изучаемым человеком. Полученная информация о выявленных характеристиках может применяться при проведении других следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых ранее известная информация либо подтверждается, либо опровергается.

На изучение психологических особенностей лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, направлен и биографический метод, заключающийся в сборе и обобщении данных биографического характера, что позволяет с учетом выявленных способностей изучаемого прогнозировать поведение и возможность совершения неординарных действий.

Применение этих методов при допросе является ответственным следственным действием. Именно благодаря правильному построению плана допроса и его проведения следователь может получить криминалистически значимую информацию для расследования преступления. Так, при проведении допроса в качестве тактических приемов используются методы наблюдения, беседы, библиографический метод и др., при проведении следственного эксперимента, проверке показаний на месте (помимо вышеназванных методов) – элементы психологического эксперимента и др.

Отметим, что кроме рассмотренных формальных используют и неформальные методы исследования личности или группы лиц – интуитивные методы. Они основаны на личностных свойствах сотрудника правоохранительных органов, в частности оперативного сотрудника, его профессионализме, жизненном опыте и в первую очередь интуиции. В практике раскрытия и расследования преступления именно интуитивный метод позволяет оперативно раскрывать преступления по горячим следам.

Поскольку данные методы активно применяются для решения задач раскрытия и расследования преступлений, целесообразно подробнее остановиться на новом методе прикладной психологии – когнитивном интервью как одном из эффективных методов активизации памяти участников уголовного судопроизводства [3].

Отметим, что данный метод был разработан американскими учеными-психологами Р. Фишером и Э. Гейзельманом и с середины 1980-х гг. широко и эффективно используется правоохранительными органами зарубежных стран, в частности США, Канады, Великобритании, Германии, Бразилии, Испании, Австралии, Новой Зеландии и т. д. Суть данного метода состоит в использовании системы специальных приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии, с целью активизации памяти очевидцев преступления. Поскольку метод когнитивного интервью не требует базовой психологической подготовки, его может использовать в профессиональной деятельности любой сотрудник: следователь, дознаватель, оперативный сотрудник, в том числе и привлеченный специалист. В нашей стране данный метод применяется сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации на основании информационного письма от 19.02.2012 № 215-12775-12/6 «О применении методов прикладной психологии в расследовании преступлений».

Воспроизводимая участниками уголовного судопроизводства информация носит идеальный характер, поэтому она, благодаря применению данного метода, позволяет повы-

сдать количественный и качественный объем информации, получаемой при допросе, проведении очной ставки и других следственных действиях, а также опросе. Несомненно, при использовании метода когнитивного интервью, направленного на активизацию памяти различных категорий очевидцев, важно соблюдать требования уголовно-процессуального законодательства, а также этические нормы.

В специальной литературе приводятся тактические рекомендации по проведению допроса с использованием метода когнитивного интервью [4, с. 16–19]. Его особенностью выступает базирование на фундаментальных законах, основанных на принципах работы человеческой памяти: во-первых, в памяти идеальный след состоит из большого числа перекрывающихся элементов как при запоминании исходной информации, так и при ее воспоминании; во-вторых, если воспроизводимая информация не может быть восстановлена одним из возможных способов вспоминания события, то она может оказаться доступной при применении другого способа.

Опираясь на эти положения, авторы когнитивного интервью разработали четыре базовые техники восстановления в памяти идеальных следов о событии преступления.

Два из этих методов вспоминания (мнемотехнических приемов) нацелены на повышение эффективности вспоминания частично связанных элементов памяти. Они основаны на описании всех деталей воспринятой ранее информации независимо от их очевидной важности. Свидетель или потерпевший должен полно и свободно описать события, представить все подробности (детали), которые он может вспомнить, даже те, которые кажутся малозначительными, не относящимися к наблюдаемому событию и т. д. Затем следует восстановить контекст – внутреннее состояние и внешнее окружение, для чего предлагается мысленно представить пережитое событие, вспомнить свои переживания и окружение, в котором оно произошло. Следователь или специалист могут попросить очевидца восстановить подробности события и психофизическое состояние всех участников, включая его собственное.

Вторые методы, касающиеся способов получения информации, направлены на изменение последовательности вспоминания и перспективы. В первом случае следователь или специалист должны попросить очевидца описать событие в различном порядке, например в обратном хронологическом, начиная с последнего эпизода, или с наиболее запомнившегося момента, которые очевидец вспомнил. Второй заключается в том, что следователь или специалист должны попросить очевидца описать событие с точки зрения другого свидетеля, преступника или жертвы (изменение перспективы).

Эффективность этих техник подтверждается экспериментальными исследованиями и следственной практикой. По сравнению с классическими, стандартными методами и приемами допроса, разработанными в криминалистике, когнитивное интервью, имеющее существенные различия в содержательном наполнении отдельных этапов, позволяет получить значительно больше информации без увеличения количества ошибок и искажений (от 30 до 70 % по сравнению со стандартным полицейским допросом). Для уточнения информации, полученной в ходе общего рассказа, в данном случае используются дополнительные приемы активизации памяти, направленные на облегчение вспоминания деталей, таких как внешний вид («Напоминает ли Вам преступник того, кого Вы знаете?»), объекты («Насколько тяжело было поднимать этот предмет?»), речевые характеристики («Использовал ли преступник в своей речи необычные или иностранные слова, клички?») и т. п. [4, с. 16].

Большинство зарубежных и отечественных исследователей в области криминалистической психологии считают, что когнитивное интервью – самая значимая разработка в су-

дебной психологии за последние двадцать лет. По мнению зарубежных ученых, данный метод активизации памяти сопоставим по эффективности с гипнорепродукцией памяти (судебный гипноз), нейролингвистическим программированием, полицейским допросом и рядом других [4, с. 6]. В отличие от судебного гипноза он не требует письменного согласия на проведение процедуры.

Для достижения положительного результата важно учитывать желание очевидца преступления, а не убежденность в бесполезности данного мероприятия, его заинтересованность в оказании помощи следствию для раскрытия и расследования преступления. У данного участника уголовного судопроизводства не должно быть психических отклонений или черепно-мозговой травмы, нарушения мозговой деятельности вследствие алкогольной или наркотической интоксикации и т. п.), также следует учитывать наличие любого заболевания в тяжелой (активной) стадии и негативных старческих изменений для свидетелей или потерпевших преклонного возраста, таких, например, как старческий маразм, болезнь Альцгеймера и др. В случаях, если очевидец болен алкоголизмом с проявлением специфических данному заболеванию симптомов или регулярно применяет наркотические (психотропные) средства, прежде чем проводить сеанс по активизации памяти, необходимо в отношении данных лиц назначить и произвести психолого-психиатрическую экспертизу.

В случае, если участники уголовного судопроизводства – очевидцы события не готовы или не уверены в своих показаниях по объективным причинам, например, особенности органов зрения, слуха и т. п., применение когнитивного метода должно быть ограничено, интервью может применяться только к очевидцам, которые готовы сотрудничать со следствием. Причем, чем меньше времени проходит между событием преступления и воспоминанием, тем больше информации возможно получить в ходе допроса или опроса.

В некоторых случаях, когда при использовании метода когнитивного интервью очевидец может воспроизвести приметы правонарушителя (предполагаемого преступника), в рамках проведения процессуального действия (допроса или оперативного мероприятия, опроса) может быть приглашен специалист-художник. Преимущество рассматриваемого метода заключается в том, что его можно применять и к малолетним детям, начиная с четырех лет. Однако специалисту следует учитывать особенности детского восприятия и воспроизведения информации, а также обращаться к другим тактическим приемам, используемым при работе с очевидцами, с целью получения полной и избегания искажения имеющейся информации.

Структура когнитивного интервью может быть условно разделена на несколько этапов [4, с. 19–24]. В начале когнитивного интервью важно установить психологический контакт (раппорт). Для этого следует расположить к себе очевидца, уточнив его самочувствие и придать значимости его показаниям, так как именно от них зависит безопасность, поиск преступников и их наказание. Также можно поделиться своим опытом и переживаниями, в случае если следователь ранее сам оказывался в аналогичной ситуации.

Далее важно объяснить цели когнитивного интервью, направленные на конкретный поиск информации о происшествии, и передать инициативу рассказа очевидцу. При этом важно выбрать соответствующее помещение, исключив отвлекающие моменты. Необходимо еще раз обратиться к очевидцу, подчеркнув важность всей информации, которой он располагает, изложить ее в свободном рассказе, без уточняющих вопросов следователя. При этом следует убедить его в том, что рассказывать необходимо все подробно, буквально то, что приходит на ум, даже если это покажется тривиальным либо противоречащим ранее данному показанию. Следует убедить очевидца не пытаться ничего придумать,

если он чего-то не знает, и попросить постараться сконцентрировать свое внимание, мобилизоваться.

На этапе инициации свободного рассказа следует внимательно воспринимать информацию очевидца об окружении в момент события, контексте воспоминания, фиксируя все в блокноте, не пропуская никаких деталей, а также записать уточняющие вопросы. При возможности необходимо попросить очевидца озвучить все, что он может вспомнить и рассказать подробнее о происшедшем с самого начала и до того момента, как это событие (например, ограбление) закончилось, параллельно фиксируя невербальное поведение очевидца, его паузы и перерывы в рассказе.

После свободного рассказа очевидца следователь задает уточняющие вопросы, просит нарисовать схему места, где очевидец находился в тот момент, параллельно задавая вопросы об источниках освещения, месте расположения преступника(-ов), психических образах, всплывших в его сознании. Эти вопросы должны быть адаптированы под очевидца. Так, следователь может попросить сконцентрироваться и вернуться к образам, о которых очевидец только что говорил, и снова описать грабителей, но более детально, объясняя, что чем больше деталей будет им сообщено, тем скорее появится возможность оперативно установить и задержать преступников. Можно предложить метод, помогающий сосредоточиться, например предложить закрыть глаза и даже продемонстрировать это на себе. Следует объяснить очевидцу, что для того, чтобы явственнее представить картину преступления, когда преступник повернулся к очевидцу, надо мысленно ее нарисовать, выдержав паузу в несколько секунд, а затем сконцентрировать внимание на лице и голове преступника, как можно подробнее, ничего не пропуская в описании. Если описываемых было несколько, то следует описывать каждого отдельно, акцентируя внимание на признаках внешности, исходя из конкретной ситуации: крикнул на очевидца, угрожал оружием и т. д.

Если очевидец описывает элементы лица, особенности щек подозреваемого, но затрудняется в описании другого элемента, например рта, следователю целесообразно сделать паузу, ничего не уточнять, подождать пока очевидец сам начнет вспоминать. Единственное, что следует предпринять в данном случае, это попросить очевидца сфокусироваться, например, на глазах, бровях, вообще на верхней части лица, уточнить наличие очков, особенности волос, их цвет, длину, волнистость, наличие пробора, с какой стороны, особые приметы и т. д.

После этого этапа следователь может переходить к расширенному поиску. Для этого он предлагает очевидцу изменить порядок и перспективы описания; при этом сфокусироваться на всех своих чувствах. В указанном случае некоторые черты внешности приобретают конкретизацию. Так, если описывают, что у преступника был действительно безумный взгляд, то он начинает ассоциироваться с расширенными зрачками глаз.

Если до проведения допроса (опроса) очевидец делился впечатлениями о происшествии с близкими людьми, то вероятность того, что им было сообщено обо всем детально, остается высокой, поскольку с момента события прошло незначительное количество времени и было легче припомнить некоторые детали. В ряде случаев можно вспомнить имена, клички, отдельные слова, которые произносили преступники при совершении преступления. Для облегчения припоминания такой информации следователь может порекомендовать очевидцу постараться вернуться к тому моменту, когда он говорил о случившемся по телефону со своими близкими, и восстановить разговор в памяти, чтобы вспомнить имя. При этом, анализируя событие повторно, одежду преступников, другие функциональные и

сопутствующие признаки, очевидец может сообщить о произведенном на него впечатлении, умственных способностях каждого из правонарушителей.

После расширенного поиска целесообразно отметить роль очевидца в оказании помощи в раскрытии данного преступления, подчеркнуть, что он сообщили много информации, но следователю следует убедиться, все ли правильно им было записано. Для этого очевидцу предлагается вместе еще раз проверить записи следователя, при этом думать о преступлении. В случае, если что-то неверно было записано или очевидец вспомнит что-либо новое, что не было озвучено следователем, его сразу следует прервать. Отметим, что данные записи нужно читать медленно.

Следователю необходимо еще раз отметить важность сообщенных очевидцем сведений и поблагодарить за уделенное время. На тот случай, если, вероятно, очевидец вспомнит какую-то новую информацию, которую следователь не записал, следует попросить очевидца сообщить эту информацию, позвонив следователю. Более того, целесообразно спустя несколько дней после данного мероприятия следователю позвонить очевидцу, поинтересоваться его здоровьем и еще раз поблагодарить за данные показания.

Завершающий этап применения когнитивного метода, в зависимости от формы его применения, может быть представлен в двух вариантах.

Процессуально данное мероприятие, направленное на активизацию памяти, оформляется либо протоколом допроса (в рамках допроса), либо результаты когнитивного интервью фиксируются в справке специалиста с подробным указанием выявленной информации (в рамках опроса).

Помимо метода когнитивного интервью не меньшего внимания заслуживает криминалистическая диагностика лжи, которая будет рассмотрена нами в других работах.

Таким образом, мы солидарны с мнением Е. Н. Холоповой, считающей, что потребность в использовании психологических знаний в процессе расследования и раскрытия преступлений предопределяют три обстоятельства. Во-первых, фактические уголовно-правовые основания, когда исследование данных о личности обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и т. д. может привести к появлению в уголовном процессе новых фактических обстоятельств; во-вторых, наличие постановления (определения) о назначении судебно-психологической экспертизы; в-третьих, необходимость установления конкретных признаков состава преступления с помощью исследования на основе психологических знаний [5]. Изучение литературы и следственной практики показало, что когнитивное интервью, бесспорно, является полезным для целей раскрытия и расследования, поскольку позволяет воссоздать расследуемое событие или получить подробное описание внешнего облика преступника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. М., 2010. 927 с.
2. Образцов В. А., Боголомолова С. Н. Криминалистическая психология. М., 2002. 446 с.
3. Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб., 2011. 592 с.
4. Зерин С. Н. Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших : метод. пособие. М., 2013. 96 с.
5. Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 47 с.

REFERENCES

1. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G. et al. *Kriminalistika: ucheb. dlya vuzov* [Criminology: textbook for universities]. Moscow, 2010. 927 p.
2. Obratsov V.A., Bogolomolova S.N. *Kriminalisticheskaya psikhologiya* [Criminalistic psychology]. Moscow, 2002. 446 p.
3. Solso R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Saint Petersburg, 2011. 592 p.
4. Zerin S.N. *Psikhologicheskie metody aktivizatsii pamyati svidetelei i poterpevshikh: metod. posobie* [Psychological methods of activating the memory of witnesses and victims: teaching aid]. Moscow, 2013. 96 p.
5. Kholopova E.N. *Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Forensic psychological examination in criminal proceedings: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2006. 47 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СОКОЛОВА – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, Sokolova-o-a@mail.ru

OL'GA A. SOKOLOVA – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Forensic Science of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Sokolova-o-a@mail.ru

Статья поступила 20.02.2024

Научная статья
УДК 339.923(470)
doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.022

Генезис криминализации деяний, связанных с ограничением конкуренции

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ФЕДОРОВ

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия, timeto1996@mail.ru

Аннотация. Статья содержит ретроспективный анализ законодательства, устанавливающего ответственность за совершение действий, направленных на ограничение конкуренции. В нормативных актах XIII–XVI вв. запреты монополий были ориентированы на противодействие искусственному удержанию торговцами по взаимной договоренности завышенных цен на отдельные виды продовольственных товаров. Социальная недооценка степени опасности действий, связанных с ограничением конкуренций, определяла казуичность нормативных предписаний, порицающих спекуляцию. Плановая экономика Советского государства исключала потребность уголовно-правового регулирования ограничения конкуренции. Впервые установив уголовную ответственность за действия, направленные на недопущение, ограничение или устранение конкуренции, в 1996 г., законодатель, снижая репрессивность запрета, неоднократно редактировал положения ст. 178 УК РФ, сдерживая ее практическую реализацию.

Ключевые слова: конкуренция; монополизм; рыночные отношения; уголовная ответственность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Федоров Ю. В. Генезис криминализации деяний, связанных с ограничением конкуренции // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 2 (26). С. 181–188. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.022.

Original article

Genesis of Criminalization of Acts Related to the Restriction of Competition

YURII V. FEDOROV

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, timeto1996@mail.ru

Abstract. The article contains a retrospective analysis of the legislation establishing liability for actions aimed at restricting competition. Reflected in the regulations of the XIII–XVI centuries, the prohibitions of monopolies were aimed at countering

merchants' artificial retention of inflated prices for certain types of food products by mutual agreement. Social underestimation of the degree of danger of actions related to the restriction of competition determined the casualness of regulations condemning speculation. The planned economy of the Soviet state excluded the need for criminal law regulation of competition restrictions. Having first established criminal liability for actions aimed at preventing, restricting or eliminating competition in 1996, the legislator, reducing the repressiveness of the ban, repeatedly edited the provisions of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation, restraining its practical implementation.

Key words: competition; monopolism; market relations; criminal liability.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Fedorov Yu.V. Genesis of criminalization of acts related to the restriction of competition. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 181–188. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.022.

Использование историко-правового метода позволяет не только обобщить и оценить накопленный опыт нормативного регулирования, но и наметить перспективы развития изучаемых явлений. Критический подход к анализу действующих ранее норм, предусматривающих ответственность за ограничение конкуренции, дает основу для выработки оптимального и действенного уголовно-правового механизма по противодействию монополистическим действиям.

В текстах первых памятников древнерусского права (Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 гг. [1]) отсутствуют нормы, порицающие проявление монополизма, что обусловлено превалированием натурального хозяйства, слабым развитием торгово-рыночных отношений.

Фиксируемые в XIII–XVI вв. факты искусственного удержания купцами (торговцами) по взаимной договоренности завышенных цен на отдельные виды продовольственных товаров с целью получения большей выручки носили стихийный характер, что определяло казуичность нормативных предписаний, направленных на защиту интересов потребителей. Активизации антиконкурентного поведения в указанный период способствовала политика протекционизма Алексея Михайловича, обеспечивающая защиту интересов купцов от иностранных конкурентов. Стимулирующую роль в консолидации торговцев сыграли и кризисные явления, сопровождающиеся народными бунтами: 1648 г. – Соляной бунт, 1660 г. – Медный бунт.

Установленный в гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения 1649 г. [2] запрет на завышение цен на «корм для ратных людей и их лошадей» обеспечивал интересы публичной власти, порицая спекуляцию и монопольные сговоры на товарном рынке. Указанные тенденции находят отражение и в Указе Петра I «О продаже съестных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспреещении перекупа пригоняемого в Санкт-Петербург скота и привозимых окрестными жителям припасов и продуктов» 1725 г. [3, с. 402–403], запрещающего «перекуп» и «вязки» (достижение сговора) купцов.

Законодательство XVII–XVIII вв. содержало нормы, направленные на предотвращение монополизации и ограничения свободной конкуренции в важных для государства отраслях, таких как лесное хозяйство (Сенатский Указ 1729 г. «О невозвышении в Москве цен на

лес и дрова» [4]), производство хлеба, добыча соли и мяса (Сенатский Указ 1733 г. «О поправлении торговли мясников и хлебников без поправления торговли мясников и хлебников» [5, с. 149–155]).

Наметившейся в XIX в. тенденции расширения монополизации товарных рынков способствовали кризисные явления в национальной экономике, обусловленные военными кампаниями, низким уровнем производства, сдерживающим развитие всех сфер социальной жизни крепостным правом. Прогрессивные реформы второй половины XIX в. повлекли высвобождение трудовых ресурсов, рост промышленности, расширение товарооборота. С 1825 по 1863 г. выработка продукции на одного рабочего выросла в три раза, объем машиностроительной продукции увеличился в 33 раза. Бурное развитие металлургии и промышленности, экономический подъем в целом способствовали концентрации капитала и еще большей монополизации рынков. Действующие же в указанный период нормативные акты, регулирующие производство и товарооборот, носили разрозненный и противоречивый характер, а предписания не отвечали потребностям времени, актуализируя необходимость модернизации законодательства. В 1832 г. был принят Свод законов Российской империи, нормы которого содержали запрет на спекуляцию на товарных рынках. Устав об обеспечении народного продовольствия 1832 г. порицал заключение между купцами (торговцами), а также товаропроизводителями соглашений, направленных на поддержание высоких цен на продовольствие и товары первой необходимости.

Появление в результате влияния мировой экономики на отечественном рынке в XIX в. синдикатов и трестов сопровождалось монопольным завышением цен на отдельные товары. Так, в промышленной сфере действовало товарищество нефтяного производства «Нобель», которое имело свои предприятия по всей России и контролировало большую часть реализации нефтепродуктов. В 1874 г. была создана «Конвенция страховых от огня обществ», члены которой подписали специальное тарифное соглашение, направленное на недопущение возникновения новых страховых предприятий и раздробление операций между ними [6].

Шагом вперед в развитии национального законодательства явилось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [7], впервые установившее уголовную ответственность за нарушения, связанные с ограничением конкуренции. Статьи 1130 и 1615 относили к числу преступных сговор с целью повышения цен на продовольственные товары первой необходимости, субъектом которого могли быть и торговцы, и промышленники. Виновные в сговоре могли быть заключены в тюрьму сроком от шести месяцев до одного года.

Систематизация отечественного законодательства в середине XIX в. не привела к консолидации в одном акте всех норм, ограничивающих монополистические действия хозяйствующих субъектов, что обусловлено социальной недооценкой степени опасности действий, связанных с ограничением конкуренций.

В XIX – начале XX вв. среди хозяйствующих субъектов отечественного рынка появились предпринимательские объединения и союзы, которые, по мнению Г. Ф. Шершеневича, стали следствием процессов концентрации капитала [8, с. 489–498], получивших широкое распространение в Европе и Америке. Отсутствие в указанный период комплексного представления обо всех позитивных и негативных последствиях действий объединений, монополизующих рынки, исключала практическую реализацию норм, направленных на борьбу с отдельными проявлениями антиконкурентных соглашений. Заложенные в Уголовном уложении 1903 г. [9] и Указе «О синдикатах и трестах» 1914 г. нормы, ограничивающие

действия субъектов, монополизировавших рынок, так и не были воплощены в жизнь по причине революционного изменения общественного строя в 1917 г.

Решению государственных задач и удержанию власти способствовала проводимая в 1918–1921 гг. политика военного коммунизма, включавшая плановую экономику, при которой единое управление всеми хозяйственными процессами исключало конкуренцию, свободу предпринимательской деятельности, являющихся атрибутом рыночных отношений.

Последовавшие за государственным переворотом кризисные явления во всех социальных сферах, голод, нищета, разруха определили частичный возврат к рыночным отношениям в рамках реализации Новой экономической политики 1921 г. Декретом ВЦИК от 21.03.1921 «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» продразверстка (обязательная продажа государству определенного количества продуктов по установленной государством цене) была заменена на натуральный налог (передача государству доли от произведенных продуктов с учетом урожая, числа едоков и пр.), населению разрешалось реализовывать излишки в частном порядке. На практике размер продналога оказался меньше размера продразверстки, а юридически закрепленное право на реализацию излишков продуктов привело к частно-торговой деятельности и конкуренции.

Формирование рыночных отношений потребовало регулирования, в том числе посредством запретов, которые нашли отражение в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Так, в ст. 199 устанавливалась ответственность за недобросовестную конкуренцию, охватывающую самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием. Определяя наказания, законодатель увязал сумму штрафа с доходом, извлеченным от самовольного пользования знаком, установив его в тройном размере. Схожий состав был закреплен и в ст. 178 УК РСФСР 1926 г.

Рыночные отношения повлекли конкуренцию между государством и частным сектором, которая Постановлением Совета труда и обороны СССР от 26.08.1927 «О государственной розничной торговле» была определена в качестве способа снижения цен.

Смена экономического курса в 1931 г. повлекла упразднение частнопредпринимательских начал. Концентрация власти в руках партии, плановая экономика, исключительно государственная собственность на средства производства определяли монополию государства во всех социальных сферах. Советские граждане могли выступать в качестве продавцов, реализуя произведенную продукцию на так называемых колхозных рынках, а также производя товар в рамках кооперации. Со временем и мелкие производители были ликвидированы. Сельскохозяйственная кооперация трансформировалась в систему колхозов и совхозов, а промысловая кооперация была упразднена.

Вскрывшиеся к середине 1980-х гг. кризисные явления в экономике определили острую потребность реформ, которые были реализованы по инициативе «верхов», заявивших курс на «перестройку», результатом которой должны были стать увеличение производства посредством демополизации товарных рынков, упразднение государственной монополии в основных секторах экономики. Принятый в указанный период пакет нормативных актов (законы СССР от 19.11.1986 «Об индивидуальной деятельности», «О кооперации в СССР») создал правовую основу для развития частнопредпринимательских начал в сельском хозяйстве, торговле и иных сферах. В соответствии с Законом РСФСР от 14.07.1990 № 101-1 «О республиканских и государственных комитетах РСФСР» образуется Государственный комитет РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур.

Несмотря на начавшиеся реформы, вектор уголовного законодательства по предотвращению сговоров оставался неизменным и был направлен на борьбу со спекуляцией. Помимо уголовного кодекса запрет на спекуляцию был дополнительно предусмотрен в Законе СССР от 31.10.1990 № 1767-1 «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребление в торговле», Законе РСФСР от 28.02.1991 № 752-1 «О действии на территории РСФСР Закона СССР от 31 октября 1990 года “Об усилении уголовной ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребление в торговле”» [6].

На протяжении 1990-х гг. в стране происходят радикальные экономические изменения, направленные на разгосударствление и переход к рыночной экономике. Острый дефицит, отсутствие товаров первой необходимости, наличие у населения значительной денежной массы и либерализация государственной политики в сфере частного производства определили бурное развитие предпринимательской деятельности, которая большей частью носила нелегальный характер. Кризис власти, спад производства, гиперинфляция, безработица обусловили дифференциацию общества, эскалацию малообеспеченных слоев населения. Действующее же законодательство не отвечало потребностям динамично развивающихся общественных отношений. Принятый еще при советской власти УК РСФСР 1960 г. по определению не мог содержать антиконкурентных запретов, ограничиваясь охраной общественных отношений в сфере торговли, в стадии формирования находилось и профильное законодательство. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» определил организационные и правовые основы, ограничивающие монополию хозяйствующих субъектов, а также пределы допустимой экономической концентрации. Установленный в указанном акте запрет на заключение картелей не обеспечивался действенным уголовно-правовым механизмом, так как дополнившая УК РСФСР в 1992 г. ст. 175.1 ограничивала преступный характер деяния неисполнением в срок должностным лицом или хозяйствующим субъектом законных предписаний Антимонопольного комитета Российской Федерации, его территориального управления. К числу конструктивных признаков состава законодатель относил административную преюдицию.

Расширившая перечень преступных деяний в 1993 г. ст. 154.3 «Незаконное повышение и поддержание цен» стала первой попыткой законодательного определения преступных форм монополистической деятельности. Монополистические действия охватывали создание препятствий доступа на рынок другим хозяйствующим субъектам, изъятие товаров из обращения либо сдерживание их реализации. Широкое нормативное определение преступного деяния затрудняло практическую реализацию состава преступления.

Принятый в 1996 г. УК РФ к числу деяний, посягающих на отношения в сфере экономической деятельности, отнес монополистические действия и ограничение конкуренции (ст. 178). Общественно опасные формы монополистической деятельности, на которые направлено действие указанного запрета, разделялись на ценовые (установление монопольно высоких или низких цен, установление и поддержание единых цен) и неценовые (раздел рынка, ограничение доступа на рынок, устранение с него других субъектов экономической деятельности).

Первая редакция ст. 178 УК РФ содержала в себе ряд существенных недостатков. В попытках скорректировать уголовное законодательство, обеспечив его соответствие запретам, которые уже были предусмотрены Законом РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», законодатель не мог установить

наиболее опасные формы ограничения конкуренции, что порождало нормативную неопределенность. Запрет на картели предусматривал лишь некоторые последствия сговоров: установление и поддержание единых цен, раздел товарного рынка. Правоприменитель также не обладал инструментарием для эффективной борьбы с отдельными формами антиконкурентного поведения. Так, расследование преступления, связанного с установлением монопольно высокой цены, требовало проведения комплексного анализа товарного рынка, методика которого к тому моменту еще не была разработана. Формальная конструкция состава преступления затрудняла разграничение преступных и административно наказуемых действий.

В 2003 г. законодатель откорректировал положения рассматриваемого состава, изменив не только преступный характер действий, ограничивающих конкуренцию, но и название ст. 178 УК РФ. Санкционируя монополистические действия и ограничение конкуренции, законодатель закрепил в числе обязательных признаков объективной стороны – причинение крупного ущерба, превышающего миллион руб.

Позднее данная норма неоднократно редактировалась в сторону декриминализации монополистических действий. Так, в 2009 г. состав ст. 178 УК РФ был дополнен квалифицирующим признаком – извлечение дохода в крупном и особо крупном размерах (соответственно 5 и 25 млн руб.), а размер особо крупного ущерба повышен до 3 млн руб. Определены условия освобождения от уголовной ответственности: если лицо, совершившее преступление, способствовало его раскрытию, возместило причиненный ущерб или перечислило в федеральный бюджет незаконно полученный в связи с этим доход. В 2011 г. законодатель установил ответственность за заключение хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), заменив «перечисление дохода в федеральный бюджет» на «заглаживание вреда» в качестве условия освобождения от уголовной ответственности.

И вновь ст. 178 УК РФ подверглась изменениям. В новой редакции норма установила ответственность только за заключение соглашения, ограничивающего конкуренцию (картеля), связанного с причинением ущерба в размере 10 млн руб., или извлечением дохода, превышающего 50 млн руб. Все иные ограничивающие конкуренцию соглашения, а также согласованные действия декриминализованы, за них установлена административная ответственность.

Перманентное реформирование уголовного закона сдерживало практическую реализацию ст. 178 УК РФ, поскольку любые нормативные изменения требуют времени для выработки устойчивых алгоритмов применения. Эффективность же противодействия преступности во многом зависит от стабильности уголовного законодательства [10].

Наметившийся курс на последовательную декриминализацию круга общественно опасных деяний, охватываемых ст. 178 УК РФ, также влечет сужение сферы применения указанной нормы.

В специальной литературе отмечается качественное изменение состава действующей уголовно-правовой нормы. Если в первые годы применения российского уголовного закона по ст. 178 УК РФ к ответственности привлекались граждане, например, устанавливавшие при торговле овощной продукцией на колхозном рынке единые завышенные цены, под угрозой причинения вреда другим предпринимателям, то сегодня это многомиллионные ограничивающие конкуренцию соглашения, не только причиняющие вред интересам граждан или отдельных коммерческих организаций, но и создающие угрозу национальной безопасности государства. А сами преступления совершаются в значительной мере не на хозяйственных, а на финансовых рынках [11].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Российского централизованного государства. 520 с.
2. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 3. Акты земских соборов. 512 с.
3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Первое собрание (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 7 (1723–1727). 922 с.
4. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Первое собрание (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 8 (1728–1732). 1007 с.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Первое собрание (1649–1825) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 9 (1733–1736). 1022 с.
6. Монополистические объединения в Российской империи. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Монополистические_объединения_в_Российской_империи (дата обращения: 25.12.2023).
7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. 432 с.
8. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. СПб., 1908. Т. 1. 515 с.
9. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. 352 с.
10. Научные концепции развития российского законодательства : моногр. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. 7-е изд. М., 2015. 536 с.
11. Контроль в финансово-бюджетной сфере : науч.-практ. пособие / отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. М., 2016.

REFERENCES

1. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Rossiiskogo tsentralizovannogo gosudarstva* [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes, 1985. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state]. Moscow, 1985. 520 p.
2. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 3. Akty Zemskikh soborov* [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes. Vol. 3. Acts of Zemstvo councils]. Moscow, 1985. 512 p.
3. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. 7. Kn. 1 (1723–1727)* [The complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 7. Book 1 (1723–1727)]. Saint Petersburg, 1830. No. 4,634. 922 p.
4. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. 8* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 8]. Saint Petersburg, 1830. No. 5,598.
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. 9* [complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 9]. Saint Petersburg, 1830. No. 6,426. P. 1,022 s.
6. *Monopolisticheskie ob"edineniya v Rossiiskoi imperii* [Monopolistic associations in the Russian Empire]. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Monopolisticheskie_ob"edineniya_v_Rossiiskoi_imperii](https://ru.wikipedia.org/wiki/Monopolisticheskie_ob) (accessed December 25, 2023).
7. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 6. Zakonodatel'stvo pervoi poloviny XIX veka* [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes. Vol. 6. Legislation of the first half of the XIX century]. Moscow, 1988. 432 p.
8. Shershenevich G.F. *Kurs torgovogo prava: v 4 t. T. I* [Course of commercial law: in 4 volumes]. Saint Petersburg, 1908. 515 p.
9. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 9. Zakonodatel'stvo epokhi burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsii* [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 volumes. Vol. 9. Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions]. Moscow, 1994. 352 p.
10. *Nauchnye kontseptsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva: monogr.* [Scientific concepts of Russian legislation development: monograph]. Moscow, 2015. 536 p.

11. *Kontrol' v finansovo-byudzhetnoi sfere: nauch.-prakt. posobie* [Control in the financial and budgetary sphere: teaching aid]. Moscow, 2016.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ФЕДОРОВ – аспирант кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия, timeto1996@mail.ru

YURII V. FEDOROV – postgraduate student of the Department at Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, timeto1996@mail.ru

Статья поступила 06.02.2024

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.023

Совершенствование средств воспитательного воздействия на осужденных к принудительным работам

ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ ШИРИКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, shirikovvladislav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9355-4701>

Аннотация. В статье рассматривается применение поощрительных средств и мер взысканий в отношении осужденных к наказанию в виде принудительных работ. Анализируются методы и инструменты воспитательного воздействия, используемые в исправительных учреждениях, включая индивидуальное взаимодействие, групповую работу, образовательные программы, психологическое консультирование, культурные и спортивные мероприятия, а также работу с семьями осужденных. Особое внимание уделяется вопросам поощрения и взыскания, регламентированным в законодательстве. Акцентируется внимание на важности воспитательного воздействия на осужденных как средстве их реабилитации и предотвращения рецидива преступлений. Воспитательная работа оказывает духовное влияние на личность осужденного, восстанавливает, прививает навыки правильной ориентации в иерархии социальных ценностей, что повышает шансы успешно вернуться в общество после отбытия наказания. Проанализированы нормы ст. 60.13–60.16 УИК РФ, обнаружены противоречия, требующие пересмотра некоторых формулировок.

Ключевые слова: исправительный центр; принудительные работы; осужденные; воспитательная работы; воспитательное воздействие; поощрение; взыскание.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шириков В. В. Совершенствование средств воспитательного воздействия на осужденных к принудительным работам // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 189–193. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.023.

Original article

Improving Means of Educational Influence on Those Sentenced to Forced Labor

VLADISLAV V. SHIRIKOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, shirikovvladislav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9355-4701>

© Шириков В. В., 2024

Abstract. The article discusses the use of incentive measures and penalties against those sentenced to punishment in the form of forced labor. Methods and tools of educational influence used in correctional institutions are analyzed, including individual interaction, group work, educational programs, psychological counseling, cultural and sports events, as well as work with families of convicts. Special attention is paid to the issues of incentives and penalties regulated in legislation. Attention is focused on the importance of educational influence on convicts as a means of their rehabilitation and recidivism prevention. Educational work has a spiritual impact on the personality of a convicted person, restores and instills skills of correct orientation in the hierarchy of social values, which increases chances of successful return to society after release. Norms of Articles 60.13–60.16 of the Penal Code of the Russian Federation are analyzed and contradictions requiring revision of some formulations are found.

Keywords: correctional center; forced labor; convicts; educational work; educational influence; incentive; penalty.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shirikov V.V. Improving means of educational influence on those sentenced to forced labor. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 189–193. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.023.

Известно, что, когда осужденный временно изолируется из общества, он сталкивается с различными проблемами, в том числе с адаптацией, так как его привычная жизненная среда исчезает. При возвращении на свободу, осужденный видит, что общество уже изменилось с социально-экономической точки зрения. Он может воспринимать незнание новых правил общественной жизни как отсутствие таких правил или возможность создать свои собственные. В результате попытки решить подобные сложные социально-психологические проблемы могут привести к повторному совершению преступлений. Для успешной реабилитации и адаптации в обществе после освобождения необходимо организовать и провести соответствующую воспитательную работу с осужденными во время отбывания ими наказания, а также установить правовые нормы, которые помогут им решить подобные проблемы [1].

На проблемы воспитательного воздействия, воспитания осужденных начали обращать внимание еще в прошлом веке. Русский ученый-правовед И. Я. Фойницкий в своем труде «Учение о наказаний в связи с тюрьмоведением», русский юрист и психолог С. В. Познышев в работе «Очерки тюрьмоведения» рассматривали вопросы, связанные с работой заключенных, тюремным образованием, воспитанием, дисциплиной.

В настоящее время Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, определена стратегия развития и пути реформирования пенитенциарной системы. Среди целей указана гуманизация условий отбывания наказания. Одним из видов наказаний, отражающих данный процесс, являются принудительные работы.

По состоянию на 1 января 2023 г. в регионах осуществляют свою деятельность 46 исправительных центров (далее – ИЦ) и 321 участок при исправительных учреждениях Российской Федерации, функционирующий как исправительные центры (далее – УФИЦ) [2].

В системе уголовных наказаний принудительные работы занимают промежуточное положение между лишением свободы и наказаниями, не связанными с изоляцией от общества, но предполагают обязательное привлечение осужденных к труду.

В отношении всех лиц, находящихся в исправительных центрах, должно осуществляться воспитательное воздействие. Воспитательное воздействие, применяемое к осужденным, – это специально разработанные методы и меры, применяемые в исправительных учреждениях, направленные на изменение поведения осужденных, их реабилитацию и социализацию. Целью воспитательного воздействия является обеспечение социальной адаптации осужденных и их последующего возвращения в общество.

Воспитательное воздействие на осужденных базируется на применении различных методов. Важнейшими из них являются методы убеждения, приучения, принуждения, доверия.

В процессе работы с осужденными используются:

- индивидуальное взаимодействие: сотрудники исправительного центра (УФИЦ) работают непосредственно с каждым осужденным, помогая ему осознать свои ошибки и проблемы, а также поставить перед собой новые цели для личного и профессионального роста;

- групповая работа: осужденные собираются в группы для обсуждения и разрешения общих проблем, обмена опытом, тренировки социальных навыков и развития самоконтроля;

- образовательные программы: осужденным предлагаются различные курсы и тренинги, в том числе дистанционные, способствующие улучшению общего уровня образования и профессиональных навыков;

- психологическое консультирование: осужденные получают возможность обратиться за помощью к психологам и получить поддержку в решении своих эмоциональных и психологических проблем;

- культурные и спортивные мероприятия: осужденным предоставляется доступ к культурно-развлекательным и спортивным мероприятиям, которые способствуют общению, развитию творческих способностей, формированию здорового образа жизни;

- работа с семьями: специалисты взаимодействуют с семьями осужденных, предоставляют им информацию, консультируют и помогают устанавливать связь с осужденным во время отбывания наказания.

Воспитательное воздействие на осужденных не только способствует их реабилитации, но и снижает рецидив преступлений, повышает шансы осужденных вернуться в общество после отбытия наказания.

Среди методов, которые дают положительные результаты в работе, Е. Г. Телегина выделяет индивидуальные и групповые воспитательные беседы, куклотерапию, методику Рокича, психокоррекцию, привлечение церковных служителей для профилактической деятельности [3, с. 144].

Большую роль играют и меры поощрения и взыскания, которые подробно регламентированы в ст. 60.13–60.16 УИК РФ и Приказе Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

По сравнению с лишением свободы в случае отбывания принудительных работ перечень таких мер несколько уже. Так, в качестве поощрения за хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, активное участие в воспитательных мероприятиях адми-

нистрацией исправительного центра может быть объявлена благодарность, досрочное снятие взыскания. Специфика отбывания рассматриваемого вида наказания позволяет применять и специфический вид поощрения – выезд в выходные и праздники за пределы исправительного центра.

В связи с этим следует рассмотреть проблему возникновения оснований для поощрения. На практике воспитательные мероприятия проводятся в выходные дни, когда присутствуют не все осужденные. Также в целом в исправительных центрах имеет место объективная нехватка времени на проведение такой работы [4].

Следует обратить внимание на критерий «добросовестное отношение к труду». Данная формулировка может восприниматься достаточно формально и подразумевать только отсутствие нарушений трудовой дисциплины. Таким образом, система поощрений осужденных к принудительным работам выглядит по большей части юридической фикцией.

Кроме того, важным и существенным средством поощрения может быть предоставление права проживания с семьей (в пределах места дислокации исправительного центра). Для этого формально необходимо не нарушать режим и отбыть $\frac{1}{3}$ срока. Однако вызывает сомнение формулировка «на основании постановления начальника исправительного центра разрешается» (ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ). Полагаем, что такой подход законодателя оставляет возможность неоднозначного толкования данной нормы: является ли такое решение обязанностью администрации или остается на ее усмотрение. Считаем, что следует внести ясность и изменить формулировку на «может быть разрешено» или «предоставляется право».

Основанием для применения мер взыскания, как и в случае отбывания лишения свободы, является нарушение порядка и условий отбывания наказания. Оно также может быть простое (например, опоздание на работу) и злостное (например, употребление алкоголя и наркотиков). В последнем случае помимо более суровых мер взыскания следует также и решение вопроса о замене наказания.

В целом в качестве мер взыскания могут быть применены выговор, отмена права проживания вне общежития, водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток.

Как видно из анализа взаимосвязанных норм ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ и п. «б» ст. 60.14 УИК РФ, законодатель допустил неточности и нестыковки в их формулировании. Так, если право проживания представляется «с семьей», то отменяется уже право проживания «вне общежития». Получается, что наличие семьи, по сути, названо в качестве условия реализации такой возможности. Следовательно, исходя из буквального толкования ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ, осужденный, не имеющий семьи, не вправе претендовать на проживание за пределами центра. Полагаем, что следует привести текст ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ и п. «б» ст. 60.14 УИК РФ к единообразию. Для этого необходимо или убрать указание на семью из первой нормы или, напротив, добавить такое указание во вторую.

В целях совершенствования применения поощрительных средств и мер взысканий в отношении осужденных к принудительным работам предлагается:

– в ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ формулировку «на основании постановления начальника исправительного центра разрешается» заменить на «может быть разрешено» или «предоставляется право»;

– привести текст ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ и п. «б» ст. 60.14 УИК РФ к единообразию.

Значение воспитательного воздействия на осужденных является критическим в процессе отбывания наказания и социализации. Однако для достижения эффективности воспитательного воздействия необходима не только качественная организация воспитатель-

ного процесса, но и наличие широкой поддержки и содействия со стороны государства, общества и семьи. Без такой поддержки и без равных для осужденных благоприятных условий они могут оказаться вновь в ситуации, порождающей преступность, таким образом, значимость воспитательного воздействия будет недостаточно реализована.

Внесение изменений в ч. 6 ст. 69.4 УИК РФ сможет стимулировать осужденных на законопослушный образ жизни, добросовестное отношение к труду, даст возможность применять право проживания вне исправительного учреждения лицам, не имеющим близких родственников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чепунов О. И., Минаев А. В. Правовое регулирование и становление уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Закон и право. 2014. № 9. С. 17–23.
2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 22.01.2024).
3. Телегина Е. Г. Психологические и педагогические методы работы с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в местах лишения свободы // Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология. 2018. Т. 1, № 1. С. 144–158.
4. Методика организации и проведения воспитательных мероприятий с осужденными к принудительным работам : учеб.-метод. пособие / О. Н. Ежова, О. В. Ощепкова, С. С. Пиюкова, Ф. И. Ушков. Самара, 2020. 53 с.

REFERENCES

1. Chepunov O.I., Minaev A.V. Legal regulation and development of the penal correction system of the Russian Federation. 135-yu is dedicated to the education of the penal correction system of Russia. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2014, no. 9, pp. 17–23. (In Russ.).
2. *Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy* [Brief characterization of a large-scale system]. Available at: <http://fsin.rf/statistics/> (accessed January 22, 2024).
3. Telegina E.G. Psychological and pedagogical techniques for working with suspects, defendants and convicts in places of deprivation of liberty. *Innovatsionnaya nauka: Psikhologiya. Pedagogika. Defektologiya = Innovative science: Psychology. Pedagogy. Defectology*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 144–158. (In Russ.).
4. Ezhova O.N., Oshchepokova O.V., Piyukova S.S. *Metodika organizatsii i provedeniya vospitatel'nykh meropriyatii s osuzhdennymi k prinuditel'nym rabotam: uchebno-metodicheskoe posobie* [Methodology for organizing and conducting educational measures with those sentenced to forced labor: teaching guide]. Samara, 2020. 53 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ ШИРИКОВ – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, shirikovvladislav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9355-4701>

VLADISLAV V. SHIRIKOV – Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, shirikovvladislav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9355-4701>

Статья поступила 22.01.2024

Научная статья
УДК 347.1:340.1
doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.024

Проблемы исполнения судебного акта в сфере защиты деловой репутации юридических лиц

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА КОНДРАТОВСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, Swetoc76@mail.ru. <https://orsid.org/0000-0002-4647-1846>

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ВЛАСОВА

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, manuny92@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы исполнения судебного акта в сфере защиты деловой репутации, предлагаются пути их преодоления, анализируются положения действующего законодательства и сложившаяся судебная практика. Наблюдается тенденция невозможности установления субъекта распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица. В законодательстве Российской Федерации отсутствуют правовые нормы, регулирующие порядок направления судебного акта непосредственно в Роскомнадзор, а не в Федеральную службу судебных приставов. В этой связи истец ложно предполагает, что, получив судебный акт, он автоматически будет являться регулятором удаления недостоверных сведений в средствах массовой информации.

Ключевые слова: деловая репутация; проблемы исполнения; недостоверные сведения; исполнение решения.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Кондратовская С. Н., Власова М. В. Проблемы исполнения судебного акта в сфере защиты деловой репутации юридических лиц // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 2 (26). С. 194–200. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.024.

Original article

Problems of Executing a Judicial Act in the Field of Protecting Business Reputation of Legal Entities

SVETLANA N. KONDRATOVSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Swetoc76@mail.ru. <https://orsid.org/0000-0002-4647-1846>

MARIYA V. VLASOVA

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, manuny92@rambler.ru

Abstract. The article considers problems of execution of a judicial act in the field of protection of business reputation, analyzes provisions of current legislation and established judicial practice, and suggests ways to overcome them. There is a tendency to find it impossible to identify the subject of information dissemination discrediting the business reputation of a legal entity. There are no legal norms in the legislation of the Russian Federation regulating the procedure for sending a judicial act directly to Roskomnadzor, and not to the Federal Bailiff Service, respectively, the plaintiff falsely assumes that, having received a judicial act, he will automatically be a regulator for the removal of false information in the media.

Keywords: business reputation; problems of execution; false information; execution of the decision.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

5.1.1 Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kondratovskaya S.N., Vlasova M.V. Problems of executing a judicial act in the field of protecting business reputation of legal entities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 194–200. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.024.

Деловая репутация выступает важнейшим нематериальным благом юридического лица, прямо влияющим на результаты деятельности организации независимо от того, осуществляется ли эта деятельность в коммерческом или в некоммерческом секторе.

Т. В. Трофимова указывает, что «нематериальное благо – не имеющий имущественного содержания, неотчуждаемый и непередаваемый иным способом объект гражданских прав, имеющий строго индивидуализированную направленность и характеризующийся невозможностью его восстановления в случае нарушения» [1].

Иными словами, сущность нематериальных благ в первую очередь вытекает из их основополагающего признака, отображенного в самой дефиниции: такие блага не имеют конкретного имущественного содержания.

При этом, как уже отмечалось выше, было бы неверно говорить о том, что такие блага вообще не играют материальной роли. Например, деловая репутация предпринимательской организации, пусть и выступая благом, не имеющим имущественного содержания, в то же время прямым образом влияет на материальный результат ее коммерческой деятельности.

Как обращает внимание А. В. Беспалов, деловая репутация представляет собой частный случай репутации вообще и являет собой сложившееся мнение о качествах (достоинствах и недостатках) коллектива, организации, предприятия, учреждения в сфере делового оборота, в том числе в сфере предпринимательства [2].

Иными словами, деловая репутация представляет собой сведения (мнения) о том, каких конкретных действий (какого поведения) можно ожидать от гражданина или организации в той или иной ситуации.

Например, если СМИ распространяет ложную информацию о том, что некая коммерческая организация регулярно не исполняет свои обязательства или же исполняет их некачественно, то у неопределенного круга лиц формируется мнение, что с репутационной точки

зрения данная организация характеризуется безответственным подходом к исполнению своих обязательств.

В результате такой организации причиняется ущерб, в том числе в виде упущенной выгоды, поскольку деловая репутация, как уже отмечалось выше, прямо влияет на результаты деятельности юридического лица.

Формируясь в течение длительного времени, деловая репутация становится значимым активом, и ее умаление не позволяет коммерческой организации получить тот объем прибыли, на который она могла бы рассчитывать при нормальных условиях.

При этом, если честь и достоинство присущи исключительно физическому лицу, то деловая репутация относится и к физическому, и к юридическому лицам.

Понятие и сущность сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок. Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

Механизмы защиты деловой репутации юридического лица представляют собой предусмотренные законодательством способы, направленные на противодействие распространению информации, порочащей деловую репутацию, а также возмещение материального и морального ущерба, причиненного посягательством на указанные блага.

В рамках защиты своей чести, достоинства или деловой репутации юридическое лицо вправе в судебном порядке требовать:

- опровержения порочащих сведений;
- удаления порочащих сведений (в случае, если такие сведения размещены в сети Интернет);
- признания порочащих сведений не соответствующими действительности;
- возмещения материального и (или) морального (только для физических лиц) вреда.

В частности, в соответствии с п. 2–5 ст. 152 ГК РФ, если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию юридического лица (здесь следует отметить, что в указанной статье речь идет о защите нематериальных благ гражданина, однако ч. 11 данной статьи распространяет правила защиты деловой репутации граждан на юридические лица, кроме правила о компенсации морального вреда), оказались после их распространения доступными в сети Интернет, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет.

Здесь необходимо отметить, что в современных условиях основной информационный оборот осуществляется именно в сети Интернет. Даже если говорить о таких средствах массовой информации, как газеты и журналы, традиционный печатный формат уходит в прошлое.

При этом помимо сайтов СМИ информация распространяется на различных форумах, в социальных сетях и иных многочисленных ресурсах, особенность которых заключается в том, что зачастую попросту невозможно установить субъекта, который разместил информацию, в том числе порочащую деловую репутацию юридического лица. В отношении последнего случая п. 8 ст. 152 ГК РФ предусмотрено следующее: если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, гражданин, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности. Такие дела рассматриваются в порядке особого производства, ответчик по ним отсутствует.

В данном случае следует обратить внимание, что резолютивная часть судебных решений, вынесенных в особом порядке без ответчика, когда не установлено лицо, распространившее порочащую информацию, ограничивается указанием на то, что конкретная информация признана не соответствующей действительности, поскольку иного п. 8 ст. 152 ГК РФ попросту не предусматривает. Соответственно, в таких случаях вопрос об исполнении судебного акта теряет смысл. По сути, после вступления решения суда в законную силу информация, достоверность которой оспаривалась истцом, считается не соответствующей действительности, как таковое исполнение не требуется в силу отсутствия предмета исполнения.

В резолютивных частях таких судебных решений содержится указание на запрет на распространение информации, признанной не соответствующей действительности и порочащей деловую репутацию истца, однако действенный правовой механизм реализации такого запрета отсутствует.

Так, например, решением Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26.05.2023 по делу № А56-113934/2022 удовлетворены иски ООО «К.З.» о признании сведений о неудовлетворительных условиях работы в данной организации, размещенных в сети Интернет по адресу <https://work-info.org/reviews/996018>, не соответствующими действительности.

Суд постановил признать сведения, размещенные на странице в сети Интернет по адресу <https://work-info.org/reviews/996018>, в отношении общества с ограниченной ответственностью «К.З.» не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию, а также признать данную информацию информацией, распространение которой запрещено на территории Российской Федерации.

Однако простой эксперимент с переходом по ссылке, указанной в решении суда, позволяет убедиться в том, что оспариваемая информация по-прежнему находится в свободном доступе.

Обратившись в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru>), можно убедиться в том, что ресурс <https://work-info.org>, на котором по-прежнему размещена информация, распространение которой запрещено, в данном реестре не находится.

При этом в соответствии с подп. «б» п. 5 Постановления Правительства Российской Федерации от 26.10.2012 № 1101 [3], которым регулируется порядок ведения реестра, установлено, что основанием для внесения в него интернет-ресурса является в том числе вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети Интернет, запрещенной информацией.

Однако примеров, аналогичных приведенному выше, множество. Например, решением Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 01.06.2023 № А56-106503/2022, вынесенным по иску ООО «РК-Т.», негативная информация об истце, размещенная в сети Интернет по адресу <https://profobzor.com/rc-group-obzor-i-otzyvy-o-proekte/>, признана не соответствующей действительности, порочащей репутацию общества, судом постановлено ограничить доступ к данной информации. При этом по состоянию на 8 декабря 2023 г. указанная информация по-прежнему общедоступна.

Как отмечается в научных исследованиях, существенным недостатком механизмов противодействия распространению в сети Интернет запрещенной информации, признанной таковой по требованию частных субъектов, выступает отсутствие норм о непосредственном направлении соответствующих судебных актов в Роскомнадзор или же обязательном ознакомлении истцов с порядком реализации судебного запрета на распространение.

Зачастую заявители (истцы) убеждены в том, что после вступления судебного решения в законную силу будет автоматически запущен механизм удаления (блокировки) дискредитирующей информации, и самоустраняются от действий, которые на самом деле необходимо совершить для реализации судебного решения [4].

Иными словами, необходимо скорректировать нормы ст. 152 ГК РФ и корреспондирующие им положения процессуального законодательства (Арбитражного процессуального кодекса, Гражданского процессуального кодекса) и либо прямо обязать суды после вступления решения суда в законную силу направлять копию такого решения в Роскомнадзор, либо же в резолютивной части решения прописывать конкретный и понятный истцу порядок реализации запрета на распространение дискредитирующей информации.

Если законодатель не сочтет необходимым возложить обязанность по взаимодействию с Роскомнадзором на судебные органы, как минимум организация (ее представитель) должны быть четко проинформированы о действиях, которые им необходимо совершить для достижения основной цели – прекращения доступа к порочащей информации посредством ее удаления, блокировки всего ресурса, где размещена такая информация и др.

В случае, если субъект, распространивший информацию, порочащую деловую репутацию юридического лица, известен, то такие дела уже рассматриваются в порядке искового, а не особого производства, к участию в деле привлекается ответчик, на которого решением суда возлагается обязанность удалить (удалить и опровергнуть) дискредитирующую информацию либо добровольно, либо под воздействием органов принудительного исполнения (Федеральной службы судебных приставов).

Здесь следует отметить, что порядок исполнения судебных решений об удалении информации, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию, конкретизирован лишь в 2018 г., когда в Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» была включена ст. 109.4, устанавливающая следующий порядок: в течение пяти дней (срок добровольного исполнения требования) субъект, ответственный за размещение дискредитирующей информации, обязан ограничить доступ к такой информации, в случае же уклонения от добровольной реализации судебного требования судебный пристав-исполнитель выносит постановление об ограничении доступа к запрещенной информации и в течение одного рабочего дня направляет его в Роскомнадзор.

При этом в отношении исследуемых судебных решений действует общий срок для добровольного исполнения – пять дней, что вряд ли следует признать справедливым: для исполнения владельцем (администратором) интернет-ресурса требования об удалении информации столь значительный срок явно не требуется, представляется, что исполнение указанного требования должно осуществляться незамедлительно, в течение рабочего дня с момента возбуждения исполнительного производства.

Кроме того, следует задуматься о целесообразности исполнения судебного решения об ограничении доступа к информации Федеральной службой судебных приставов: исполнение судебных актов – прерогатива и функция именно данной службы, однако в целом законодательство об исполнительном производстве предусматривает возможность исполнения судебного акта, минуя ФССП России (например, безакцептное списание денежных средств).

Исполнение решения об ограничении доступа к информации не требует системы специальных исполнительных действий, особой тактики или методики. Исходя из содержания ст. 109.4 федерального закона «Об исполнительном производстве» в данном случае судебные приставы фактически получают лишним бюрократическим звеном. Здесь целесообразно поручить исполнение решений об удалении (блокировке) информации, порочащей деловую репутацию юридического лица, непосредственно органам Роскомнадзора, для чего требуется дополнить нормативные правовые акты, регулирующие статус данного органа власти, новым полномочием.

Соответственно, если, например, суд вынесет решение о признании информации недостоверной, порочащей деловую репутацию организации, постановит удалить эту информацию (ограничить к ней доступ) и взыскать с нарушителя денежную компенсацию, в имущественной части решение должно исполняться органами ФССП России, в информационной – Роскомнадзором.

Во-первых, это снимет лишнюю нагрузку с органов принудительного исполнения, во-вторых, устранив дополнительное бюрократическое звено, ускорит процесс удаления информации.

Здесь следует понимать, что в цифровом пространстве даже один лишний день (который возникает по причине необходимости вынесения судебным приставом постановления в порядке ст. 109.4 федерального закона «Об исполнительном производстве» и направления его в Роскомнадзор) открытого, свободного доступа к дискредитирующей информации может причинить значительный урон деловой репутации юридического лица.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трофимова Т. В. Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 29 с.
2. Беспалов А. В. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 31 с.
3. О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» : постановление Правительства Российской Федерации от 26.10.2012 № 1101 // Российская газета. 2012. № 249.
4. Зарубин А. А. О правовой регламентации ограничения распространения в сети Интернет запрещенной информации // Закон и право. 2019. № 5. С. 34–37.

REFERENCES

1. Trofimova T.V. *Nematerial'nye blaga kak ob"ekt grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Intangible benefits as an object of civil law regulation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Volgograd, 2018. 29 p.
2. Bespalov A.V. *Chest', dostoinstvo i delovaya reputatsiya kak ob"ekty grazhdanskikh prav: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Honor, dignity and business reputation as objects of civil rights: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2019. 31 p.
3. On the unified automated information system "Unified register of domain names, site page indexes in the information and telecommunications network "Internet" and network addresses that allow identification of sites in the information and telecommunications network "Internet" containing information, the dissemination of which is prohibited in the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1,101 of October 26, 2012. *Ros. gaz = Russian Newspaper*, 2012, no. 249. (In Russ.).
4. Zarubin A.A. On the legal regulation of the restriction of the dissemination of prohibited information on the Internet. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2019, no. 5, pp. 34–37. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА КОНДРАТОВСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, Swetoc76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4647-1846>

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ВЛАСОВА – обучающаяся 2 курса магистратуры Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, manuny92@rambler.ru

SVETLANA N. KONDRATOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Swetoc76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4647-1846>

MARIYA V. VLASOVA – 2nd year graduate student at the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, manuny92@rambler.ru

Статья поступила 03.04.2024

Научная статья

УДК 341

doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.025

Международные правовые и экономические аспекты обеспечения железнодорожных транспортных перевозок

ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ДОВБУШ

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, Cesuperadvocat812@gmail.com

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СОЛОДОВНИКОВ

ООО «Трансойл», Санкт-Петербург, Россия, asolod71@mail.ru

ЯРОСЛАВ ИГОРЕВИЧ ТИХОНОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, tixon76rus@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ нормативно-правовых актов и заключаемых на их основе договоров в сфере железнодорожного транспорта, даны рекомендации по корректировке их отдельных положений, которые должны повысить доступность перевозок и упростить оформление грузов на трансграничных маршрутах. Отмечается, что в настоящее время идет согласование проекта нового международного правового акта, позволяющего реализовать товарораспорядительные функции в отношении железнодорожных транспортных накладных, что позволит наиболее эффективно использовать железнодорожные маршруты для трансграничных перевозок различных грузов. Указывается необходимость в гармонизации правового регулирования международных железнодорожных грузовых перевозок на пространстве Евразии с целью реализации потребностей рынка.

Ключевые слова: транспортное право; трансграничные перевозки; железнодорожные перевозки; коносамент; товарораспорядительный документ.

5.1.5. Международно-правовые науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Довбуш Т. Н., Мишальченко М. Ю., Солодовников А. А., Тихонов Я. И. Международные правовые и экономические аспекты обеспечения железнодорожных транспортных перевозок // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 2 (26). С. 201–211. doi10.46741/2713-2811.2024.26.2.025.

Original article

International Legal and Economic Aspects of Railway Transportation

TIMOFEI N. DOVBUSH

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, esuperadvocat812@gmail.com

MARIYA YU. MISHAL'CHENKO

Saint Petersburg State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia, mari.mishalchenko@mail.ru

ALEKSANDR A. SOLODOVNIKOV

Transoil LLC, Saint Petersburg, Russia, asolod71@mail.ru

YAROSLAV I. TIKHONOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, tixon76rus@mail.ru

Abstract. The article analyzes normative legal acts and contracts concluded on their basis in the field of railway transport, provides recommendations on the adjustment of their individual provisions, which should increase the accessibility of rail transport and simplify the registration of railway goods on cross-border routes. The authors note coordination of the draft international legal act is currently being coordinated, which allows for the implementation of title functions in relation to railway waybills, which will allow the most efficient use of railway routes for cross-border transportation of various goods. The need for harmonization of the legal regulation of international rail freight transport in the Eurasian space, carried out by universal and specialized international organizations, is indicated, which is aimed at meeting needs of the international rail freight transport market.

Key words: transport law; cross-border transportation; railway transportation; bill of lading; shipping document.

5.1.5. International law sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Dovbush T.N., Mishal'chenko M.Yu., Solodovnikov A.A., Tikhonov Ya.I. International legal and economic aspects of railway transportation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 2 (26), pp. 201–211. doi 10.46741/2713-2811.2024.26.2.025.

Международное транспортное право, в рамках которого осуществляется регулирование трансграничных перевозок, обеспечивает регулирование железнодорожных грузовых перевозок как нормами национального законодательства, так и в рамках международных договоров [1, с. 30].

Для обеспечения международных железнодорожных перевозок принимается большое количество материально-правовых норм, в том числе норм национального законодатель-

ства, направленных на реализацию механизма правового регулирования перевозок в межгосударственном сообщении.

Учитывая территориальные размеры Российской Федерации, эффективное правовое регулирование железнодорожных перевозок очень важно. Для многих регионов железнодорожный транспорт является основным, а зачастую и единственным способом доставки народнохозяйственных грузов. Огромное количество грузов посредством железнодорожного транспорта направляется за пределы страны.

Железнодорожные перевозки можно условно разделить на внутренние, осуществляемые в пределах страны, и трансграничные, в рамках которых происходит перемещение грузов за пределы Российской Федерации. Транспортная перевозка осуществляется в соответствии с условиями договора на перевозку груза, который в случае внутренних перевозок заключается в соответствии с национальными правовыми актами, а трансграничные перевозки урегулированы международно-правовыми нормами [2, с. 94].

Внутренние перевозки регулируются гражданским законодательством. Так, ст. 784 ГК РФ предусмотрено обязательное заключение договора перевозки грузов. Перевозчику вменена обязанность по доставке груза и выдаче его получателю, на отправителя возложено встречное обязательство по оплате оказываемых услуг. Согласно п. 1 ст. 785 ГК РФ заключение договора подтверждается получением отправителем железнодорожной транспортной накладной.

Кроме гражданского законодательства большая роль в правовой регламентации железнодорожных перевозок отведена Федеральному закону от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации», который обеспечивает правовое регулирование внутренних и трансграничных транзитных перевозок грузов и багажа. Нормативным актом определено, что железнодорожная транспортная накладная является документом, удостоверяющим заключение договора транспортной перевозки, но не обладает товарораспорядительной функцией. При этом сам договор считается заключенным с момента выдачи отправителю данной накладной [3, с. 23].

Стоит также отметить, что железнодорожная перевозка груза может быть урегулирована как двухсторонним, так и многосторонним договором, что дополнительно повышает значимость указанного документа [4, с. 89].

Грузополучатель является единственным лицом, которое может получить доставленный груз. Отказ от получения допускается только в случаях утраты или повреждения груза, что исключает возможность его использования. Соответственно, грузополучатель фактически является стороной договора, поскольку договор перевозки заключен в его пользу [5, с. 97].

В отличие от внутрироссийских перевозок, спецификой железнодорожных трансграничных перевозок является транзит груза по территории различных стран, что требует универсального правового регулирования процесса передачи грузов иностранным железным дорогам на пограничных станциях, установления правового режима временного пользования железной дорогой и подвижным составом и решения иных возникающих технико-правовых вопросов.

Одним из таких технико-правовых вопросов является различие железнодорожной колеи Российской Федерации и европейских стран, что требует перегрузки трансграничных грузов или смены вагонных тележек. Межгосударственными соглашениями должен быть определен порядок перегрузки грузов или смены вагонных тележек для обеспечения транзитных перевозок. Такие ситуации приводят к необходимости заключения международ-

ных соглашений для осуществления международной железнодорожной перевозки грузов между двумя и более государствами.

Во времена существования Совета экономической взаимопомощи в 1950 г. для стран, которые участвовали в данном объединении, было заключено Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) и Соглашение о международном железнодорожном пассажирском сообщении (СМПС), которые с учетом вносимых изменений и дополнений действуют и в настоящее время. С момента подписания железнодорожными администрациями обоих документов на евразийском континенте стало существовать две системы регулирования международных транзитных перевозок [6, с. 57].

Так, Соглашение о международных железнодорожных пассажирских сообщениях позволяет осуществлять прямые железнодорожные перевозки грузов с более чем двадцатью государствами, в основном с бывшими республиками, входившими в состав СССР [7, с. 73]. Также регулирование железнодорожных перевозок с применением указанных соглашений допускается Советом по железнодорожному транспорту государств – участников Содружества Независимых Государств [8, с. 115].

С момента заключения в 1992 г. межправительственного соглашения по железнодорожному транспорту в рамках СНГ было принято более 300 различных соглашений, правил, инструкций, связанных с организацией технологии работы железнодорожного транспорта при осуществлении перевозок грузов и пассажиров, а также эксплуатацией и ремонтом железнодорожного подвижного состава.

Акты Совета по железнодорожному транспорту непосредственно применяются железнодорожными администрациями государств – участников СНГ. Кроме этого, указания на акты совета включаются в национальные и межгосударственные стандарты, нормативные акты Министерства транспорта Российской Федерации, содержат ссылки на инструкции и правила, утвержденные советом, судебные акты арбитражных судов и судов общей юрисдикции в своих мотивировочных частях опираются на положения документов, утвержденных данной структурой.

Государства – участники Евразийского экономического союза входят в состав Совета по железнодорожному транспорту. Договор о Евразийском экономическом союзе не содержит положений, определяющих технологию работы и эксплуатацию железнодорожного транспорта, за исключением вопросов, связанных с техническим регулированием в отношении продукции, подлежащей оценке соответствия. Эти положения о техническом регулировании полностью соотносятся с требованиями, устанавливаемыми советом.

Железнодорожные перевозки играют важнейшую роль в рамках евразийских интеграционных процессов, поскольку от развития железнодорожной инфраструктуры зависят возможность включения государств-участников данного объединения в глобальную транспортную систему, социально-экономическое развитие стран ЕАЭС, создание условий для роста доступности железнодорожного транспорта для региональных предприятий.

Учитывая удачное географическое расположение, страны ЕАЭС могут значительно нарастить международный транзитный грузопоток между Европой и азиатскими государствами. Учитывая глобальные тенденции в мировых экономических процессах, наращивание транзитных международных перевозок будет способствовать социально-экономическому развитию данных государств, созданию долгосрочных партнерских отношений с азиатскими грузоперевозчиками.

Также реализация совместных транспортных проектов между странами ЕАЭС будет способствовать углублению интеграционного взаимодействия, повышению уровня жиз-

ни для граждан в указанных странах и повышению социальной мобильности трудовых ресурсов.

На данном этапе страны ЕАЭС осуществляют реализацию утвержденного решением Евразийского межправительственного совета от 25.10.2017 Плана мероприятий по реализации единой транспортной политики, модернизации и расширению железнодорожной инфраструктуры.

Приложением 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе государствами-участниками согласован порядок доступа к услугам железнодорожного транспорта, которым предусмотрено, что применяются унифицированные тарифы на железнодорожные перевозки, которые могут изменяться в рамках ценовых пределов, согласованных государствами, участвующими в данном интеграционном объединении. Данная скоординированная политика должна способствовать росту железнодорожных перевозок и развитию международных транспортных коридоров.

В октябре 2019 г. страны ЕАЭС актуализировали отдельные положения Протокола о скоординированной транспортной политике, которым предусмотрено, что государства-участники будут стремиться к созданию общего рынка транспортных услуг. Функционирование указанного рынка позволит создать равные условия по оказанию транспортных услуг для всех юридических и физических лиц, осуществляющих свою деятельность в рамках данного объединения.

В рамках железнодорожного транспорта предусмотрено поэтапное создание единого рынка в сфере железнодорожных перевозок, а также условий, при которых железнодорожные организации государств – участников смогут получить беспрепятственный доступ к внутреннему рынку железнодорожных перевозок каждого государства. Например, армянские железнодорожные организации смогут возить грузы по территории Российской Федерации. Также грузоотправители во всех странах смогут получить равные условия доступа к железнодорожной инфраструктуре, что позволит повысить доступность доставки товаров и иных грузов в различные страны ЕАЭС.

Например, больше 50 % от общего объема железнодорожных перевозок между Россией и Казахстаном занимают энергетические ресурсы и металлы. При этом из Западной Сибири в Казахстан приходится около 80 % экспорта черных металлов. Из Казахстана в Омскую и Челябинскую области, ряд других регионов отправляется более 50 % казахстанского угля из Экибастузского бассейна.

Следовательно единые транспортные тарифы на железнодорожные перевозки позволяют как российским, так и потребителям из иных стран ЕАЭС получать различные товары по доступным ценам, что способствует росту объемов промышленного производства и выравниванию социально-экономического развития регионов.

Помимо вышеуказанных договоров железнодорожные перевозки вне стран ЕАЭС с 1951 г. оформляются в рамках Конвенции о международных железнодорожных перевозках (COTIF) в соответствии с Едиными правовыми предписаниями по перевозке грузов (CIM-COTIF), к которой присоединилось более 52 стран, в том числе и Российская Федерация, которая стала участвовать в данном соглашении с рядом оговорок.

Несмотря на то что обе рассмотренные системы железнодорожных перевозок схожи, транзитная перевозка грузов по евразийскому континенту зачастую требует заключения двух договоров перевозки: один по Соглашению СМГС, другой по Конвенции CIM-COTIF [9, с. 119].

Для Российской Федерации обе правовые системы международных железнодорожных перевозок играют существенную роль, независимо от того, что Россия участвует в обоих соглашениях и ограниченно принимает участие в COTIF [10, с. 25].

Развитие межгосударственных связей привело к тому, что в рамках ООН был поставлен вопрос о необходимости правовой унификации железнодорожных перевозок. С 2013 г. в рамках ООН группой экспертов подготовлен проект правовых положений, являющихся модельным договором перевозки грузов, который стал первым практическим шагом на пути создания единой международной конвенции, унифицирующей процесс железнодорожных перевозок, прежде всего, на евразийском континенте.

Создание такой конвенции может эффективно способствовать доступности и росту железнодорожных перевозок только при условии придания железнодорожной накладной товарораспорядительной функции. Учитывая данное обстоятельство, в 2019 г. Китайская Народная Республика выступила с соответствующим предложением.

В позиции КНР в качестве основной цели обозначается необходимость создания правовых условий для проведения расчетов с товарами в процессе железнодорожной перевозки, так как сейчас отсутствует возможность использовать железнодорожную накладную как залог для получения финансирования в банках по аналогии с морским коносаментом при трансконтинентальных перевозках грузов.

Придание железнодорожной накладной товарораспорядительной функции позволит создать единый международно-правовой механизм контроля за грузом, что повысит эффективность использования транспорта. Вместе с тем усиление значения железнодорожной накладной требует четкой правовой регламентации относительно того, кто из перевозчиков несет ответственность по данной накладной, что может привести к необходимости создания специального оператора, курирующего трансграничные перевозки. Также возникает необходимость в разработке правового понятийного аппарата и его закрепления на международном уровне.

Понимая огромную роль железнодорожного транспорта, при содействии Российской Федерации в августе 2022 г. в Санкт-Петербурге прошла международная конференция, в рамках которой обсуждались проблемные вопросы, связанные с усилением роли железнодорожной накладной. На данной конференции в очередной раз было указано на необходимость скорейшей разработки и принятия международной конвенции, устанавливающей универсальные правила железнодорожных перевозок грузов, что будет способствовать росту товарооборота между различными странами и приведет к повышению доступности железнодорожных грузоперевозок.

Изложенное позволяет сделать вывод, что усиление роли железнодорожной накладной будет способствовать развитию транзитных и трансграничных перевозок, позволит увеличить грузооборот на железнодорожном транспорте, повысить его конкурентоспособность, расширить перевозчикам взаимовыгодное сотрудничество с банками и страховыми компаниями, развить свои виды деятельности на рынке с привлечением новых клиентов.

На возможность интенсивного экономического развития в Азиатском регионе указывал Президент Российской Федерации В. В. Путин, который отметил, что страны данного региона являются локомотивом мирового экономического роста. Впервые о необходимости воссоздания древнего китайского Шелкового пути было объявлено лидером КНР Си Цзиньпином в Астане в сентябре 2013 г. Изначально данная китайская инициатива предполагала создание взаимосвязанных транспортных коридоров для доставки различных грузов из КНР в европейские страны. При развитии указанных транспортных коридоров

предполагалось создание соответствующей социально-экономической инфраструктуры. В связи с этим данная идея была названа Экономическим поясом Шелкового пути.

В развитие данной идеи руководителем КНР была предложена инициатива морского Шелкового пути XXI в., в рамках которой предлагалось соединить крупные порты с сетью транспортных коридоров, что позволило бы увеличить поставки различных грузов из стран Юго-Восточной Азии в страны Европы. В дальнейшем данные инициативы были объединены под общим проектом «Один пояс – один путь». Уже в мае 2015 г. лидерами Российской Федерации и КНР было подписано совместное заявление о сотрудничестве по строительству Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

В рамках данного заявления стороны договорились содействовать экономической интеграции, устойчивому экономическому росту, координировать усилия в рамках евразийской экономической интеграции и Экономического пояса Шелкового пути. Стороны пришли к соглашению об усилении совместной работы на международных площадках, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества. При этом совместная работа должна строиться на принципах открытости интеграционных процессов, взаимного уважения и равноправия всех участников.

В целях усиления взаимного сотрудничества стороны решили создавать условия для упрощения взаимных инвестиций и развития крупных совместных проектов, расширения торговых связей, совместной модернизации транспортной инфраструктуры, упрощения оформления транзитных перевозок, в том числе железнодорожных. Кроме того, стороны решили разработать необходимые механизмы для упрощения взаимной торговли, создания единых регулятивных норм в торгово-финансовой сфере, чтобы поэтапно создать зону свободной торговли между ЕАЭС и КНР.

Необходимость реализации данного проекта для китайской стороны была обусловлена стремлением обеспечить равномерное социально-экономическое развитие западной части КНР и обеспечить производственные мощности страны стабильными заказами со стороны зарубежных потребителей путем создания устойчивых транспортных коридоров. При этом строительство данных транспортных коридоров во многих странах предполагалось осуществлять с использованием производственных мощностей КНР и китайской рабочей силы, что способствовало экономическому росту китайской экономики. Кроме того, вдоль данных транспортных маршрутов возникают различные инфраструктурные проекты, основанные на китайских технологиях, что стимулирует рост производства и решает вопрос с загрузкой имеющихся в КНР избыточных промышленных мощностей. Также бесперебойно функционирующие транспортные коридоры позволят КНР обеспечить сбыт своей продукции на мировых рынках.

У Российской Федерации и КНР совпадают интересы на глобальном уровне в рамках противостояния западному миру и установления более справедливого мирового финансово-экономического порядка. В последние годы между нашими странами отмечается рост торговли по всем товарным позициям, что способствует росту взаимных инвестиционных проектов. Кроме того, данный проект сыграет огромную роль в социально-экономическом развитии Евразии. Российская Федерация географически расположена между европейскими странами и Китаем. Также через ее территорию проложены транспортные магистрали во многие страны СНГ. Кроме того, России обладает сильнейшими позициями в энергетической сфере. Следовательно, развитие сухопутного варианта данного проекта отвечает российским национальным интересам.

В рамках реализации сухопутной части проекта российская сторона сможет зарабатывать на транзитных контейнерных железнодорожных перевозках, осуществить модернизацию своей железнодорожной сети и нарастить экспорт энергетических ресурсов в страны Юго-Восточной Азии.

Кроме того, усиленная модернизация железнодорожной транспортной сети будет способствовать росту промышленного производства и социально-экономическому развитию российских регионов в зоне указанных транспортных магистралей. В октябре 2023 г. в Пекине прошел международный форум «Один пояс – один путь», в ходе которого было подчеркнута важность реализации глобальных инфраструктурных проектов, в том числе и в сфере железнодорожных перевозок, для развития торговли и инвестиций. В частности, достигнуты соглашения о строительстве новых железнодорожных маршрутов из Центральной Сибири в сторону Китая, Монголии и портов, расположенных на Тихоокеанском побережье.

Председатель КНР, выступая на церемонии открытия форума, отметил, что реализация данного проекта приведет к эпохальным переменам, поскольку позволит сформировать глобальную транспортную сеть во всех странах, участвующих в данном проекте. В частности, будет активизировано развитие контейнерных железнодорожных перевозок из Китая в Европу, что создаст новые логистические транспортные коридоры. При этом усилится значение существующих транспортных артерий, в частности Транскаспийского международного коридора. В рамках данного международного глобального проекта китайская сторона готова заключать соглашения о свободной торговле и взаимных инвестициях, что позволит снять ограничения на доступ иностранного капитала к трансграничным перевозкам, сфере торговли и инвестиционных услуг. Также китайская сторона будет инвестировать денежные средства в строительство крупных проектов в сфере транспортной инфраструктуры, включая и развитие железнодорожного транспорта. В частности, Государственный банк развития Китая предполагает предоставление кредитных линий в размере до 350 млрд юаней.

В современных геополитических реалиях Российская Федерация заинтересована в активном развитии ориентированных на Восток железнодорожных транспортных коридоров, поскольку сейчас основные поставки энергетических ресурсов ориентируются на страны данного региона.

Понимая огромную важность железнодорожного транспорта, в настоящее время в Российской Федерации запущено строительство новых магистралей, которые позволят увеличить грузооборот как внутри страны, так и с сопредельными государствами. Одним из таких проектов является «Северный широтный ход», реализация которого позволит увеличить грузооборот на 25 млн тонн в год.

Другим не менее важным проектом является строительство Северо-Сибирской железной дороги, протяженность которой составит более 1,9 тыс. километров. Фактически по завершению строительства данная магистраль станет дублером Транссибирской магистрали, пропускные возможности которой на сегодняшний день практически исчерпаны. Реализация проекта позволиткратно нарастить поставки грузов в КНР и ряд стран Юго-Восточной Азии, что позитивно скажется на инвестиционной привлекательности Российской Федерации.

Важнейшим глобальным железнодорожным проектом, реализуемым в настоящее время на территории Российской Федерации, является проект «Восточный полигон», в рамках которого планируется увеличение пропускной способности железной дороги в направлении портов Дальнего Востока более чем на 150 млн тонн грузов в год.

С реализацией данного проекта в единую транспортную сеть будут связаны евразийские железнодорожные перевозки, что приведет к сокращению сроков доставки грузов минимум на 10 дней. Указанная транспортная артерия будет способствовать глобальным изменениям в мировой торговле в части перераспределения транспортных грузовых потоков. Перераспределение грузовых потоков в пользу Российской Федерации позволит стране получать существенные денежные средства в рамках обслуживания транзитных международных грузов, усилит роль в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Также огромный стимул получит развитие Дальнего Востока, что приведет к созданию на данной территории логистических парков, мощных индустриальных центров. В рамках только данного проекта предполагается создание не менее 40 тыс. рабочих мест. Векторы сотрудничества в Азии в экономической и гуманитарной сферах различных региональных международных организаций и союзов подтверждают необходимость изменения или внедрения транспортных технологий, при которых все компоненты транспортной системы, вовлеченные в создание услуги доставки груза из одной точки в другую, будут оптимально взаимодействовать с максимальной интеграцией.

Наделение товарораспорядительной функцией железнодорожной накладной позволит ускорить реализацию ряда крупнейших международных проектов, в том числе проекта «Один пояс – один путь», реализация которого позволит более эффективно развивать торговые отношения между странами Европы, Азии и ряда африканских государств. Это также поможет Российской Федерации ликвидировать искусственные барьеры для более эффективного развития торговых и экономических связей, в том числе выстраивания новых логистических цепочек по доставке необходимых грузов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ерпылева Н. Ю., Максимов Д. М. Правовое регулирование международных железнодорожных перевозок // *Международное право и международные организации*. 2012. № 3. С. 28–55.
2. Никулаева С. В. Договор перевозки грузов железнодорожным транспортом по законодательству Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского законодательства*. 2017. № 16. С. 93–98.
3. Булгакова И. В. Транспортный железнодорожный договор как правовая форма отношений, связанных с перевозкой грузов железнодорожным транспортом // *Актуальные проблемы гражданского права*. 2015. № 1 (5). С. 22–26.
4. Артюшенко Н. Н. Участники договора железнодорожной перевозки груза и их правовой статус // *Экономика, право и проблемы управления*. 2017. № 7. С. 88–93.
5. Расулов А. В. Договор железнодорожной перевозки грузов. Договор железнодорожной перевозки пассажира и багажа. М., 2007. 228 с.
6. Холопов К. В. Оформление международных железнодорожных перевозок грузов между Россией и странами Европы // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2009. № 1. С. 54–63.
7. Холопов К. В. СМГС: новые правила международных железнодорожных перевозок грузов. Что обязательно надо знать об этом экспортеру // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 5. С. 71–81.
8. Трубин Е. М. Акты Совета по железнодорожному транспорту государств – участников Содружества. Статус и проблемы применения в Российской Федерации // *Закон и право*. 2019. № 1. С. 113–121.
9. Протасова С. А. Актуальные вопросы регулирования железнодорожной логистики // *Вопросы структуризации экономики*. 2014. № 1. С. 118–120.

10. Колодяжный К. Н. Различия правового регулирования ответственности перевозчика согласно СМГС и ЦИМ: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука. 2018. № 6. С. 24–28.

REFERENCES

1. Erpyleva N.Yu., Maksimov D.M. Legal regulation of international railway transportation. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii = International Law and International Organizations*, 2012, no. 3, pp. 28–55. (In Russ.).
2. Nikulaeva S.V. Contract for the carriage of goods by rail according to the legislation of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossiiskogo zakonodatel'stva = Actual Problems of Russian Legislation*, 2017, no. 16, pp. 93–98. (In Russ.).
3. Bulgakova I.V. Transport railway contract as a legal form of relations related to the carriage of goods by rail. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava = Actual Problems of Civil Law*, 2015, no. 1 (5), pp. 22–26. (In Russ.).
4. Artyushenko N.N. The parties to the contract for the carriage of goods by rail and their legal status. *Ekonomika, pravo i problemy upravleniya = Economics, Law and Management Problems*, 2017, no. 7, pp. 88–93. (In Russ.).
5. Rasulov A.V. *Dogovor zheleznodorozhnoi perevozki грузов. Dogovor zheleznodorozhnoi perevozki passazhira i bagazha* [The contract of railway transportation of goods. The contract for the railway carriage of passengers and baggage]. Moscow, 2007. 228 p.
6. Kholopov K.V. Registration of international rail freight transportation between Russia and European countries. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2009, no. 1, pp. 54–63. (In Russ.).
7. Kholopov K.V. SMGS: new rules for international rail freight transportation. What an exporter should definitely know about this. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2016, no. 5, pp. 71–81. (In Russ.).
8. Trubin E.M. Acts of the Council for Railway Transport of the Commonwealth Member States. The status and problems of application in the Russian Federation. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2019, no. 1, pp. 113–121. (In Russ.).
9. Protasova S.A. Topical issues of railway logistics regulation. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki = Issues of Structuring the Economy*, 2014, no. 1, pp. 118–120. (In Russ.).
10. Kolodyazhnyi K.N. Differences of responsibility of the carrier according to SMGS and CIM: comparative legal analysis. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2018, no. 6, pp. 24–28. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ДОВБУШ – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, superadvocat812@gmail.com

МАРИЯ ЮРЬЕВНА МИШАЛЬЧЕНКО – ассистент кафедры гражданского и коммерческого права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Санкт-Петербург, Россия, mari.mishalchenko@mail.ru

TIMOFEI N. DOVBUSH – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, superadvocat812@gmail.com

MARIYA Yu. MISHAL'CHENKO – Assistant at the Department of Civil and Commercial Law of the Saint Petersburg State Maritime Technical University, Saint Petersburg, Russia, mari.mishalchenko@mail.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СОЛОДОВНИКОВ – ведущий специалист нормативно-правового отдела ООО «Трансойл», Санкт-Петербург, Россия, asolod71@mail.ru

ЯРОСЛАВ ИГОРЕВИЧ ТИХОНОВ – кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, tixon76rus@mail.ru

ALEKSANDR A. SOLODOVNIKOV – Leading Specialist at the Regulatory and Legal Department of Transoil LLC, Saint Petersburg, Russia, asolod71@mail.ru

YAROSLAVI. TIKHONOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, tixon76rus@mail.ru

Статья поступила 05.04.2024

